

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences)

5.5.4. International relations (political sciences)

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.2. World history (historical sciences)

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Purposes and field. Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политология:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область. ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeeva, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(заместитель главного редактора)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(заместитель главного редактора)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(заместитель главного редактора)

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(заместитель главного редактора)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглсонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

Contents

International Relations: History, Historiography, Methodology

M.L. Miller

Paul B. Anderson and the 1956 delegation of US church leaders to Moscow 10

N.M. Kuznetsov, N.A. Tsvetkova

Russian data diplomacy: Goals, trends, perspectives 26

R.R. Romanov

Foreign policy decision making in the United States
on the example of the trade war with China (2018–2020) 41

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

S.Yu. Seregichev

Islamic fundamentalist groups and movements
in the Kingdom of Saudi Arabia 55

M. Haghbin

The role of Iranian sovereign organizations in strengthening
trade and economic relations with Russia 67

D.G. Zolkina

Russian higher education as a key to Eurasian integration 83

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

L.V. Smekhov

Communicative practices of the presidents
of the United States and the Russian Federation 2000–2008 99

A.S. Rogovtseva

The phenomenon of the ‘psychedelic renaissance’ in the present-day USA 109

Bookshelf

I.A. Tsvetkov

What does the common past teach Russians and Americans?
Book Rev.: Zhuravleva, V.I. (2021), *The common past
of Russians and Americans: A course of lectures*, RGGU, Moscow 124

V.I. Zhuravleva

Russian-American Relations in the Pursuit of Stability
Book Rev.: Peterson, J.W. (2017), *Russian-American relations in the post-cold
war world*. Manchester University Press, Manchester, UK 131

A.N. Komarov

Political parties of Canada in the context of the 2019 Federal Elections
Book Rev.: *The Canadian Federal Election of 2019*, Pammett, J.H.
and Dornan, C., McGill-Queen’s University Press,
Montreal & Kingston, London, Chicago 138

Содержание

Международные отношения: история, историография, методология

- Миллер М.Л.*
Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г. ... 10
- Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А.*
Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы 26
- Романов Р.Р.*
Процесс принятия внешнеполитических решений в США
на примере торговой войны с Китаем (2018–2020 гг.) 41

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Серёгичев С.Ю.*
Исламо-фундаменталистские группы
и движения в Королевстве Саудовская Аравия 55
- Хагбин М.*
Роль суверенных организаций Ирана
в укреплении торгово-экономических отношений с Россией 67
- Золкина Д.Г.*
Российское высшее образование
как инструмент евразийской интеграции 83

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Смехов Л.В.*
Коммуникативные практики президентов США и РФ 2000–2008 гг. 99
- Роговцева А.С.*
Феномен «психоделического ренессанса» в современных США 109

Книжная полка

- Цветков И.А.*
Чему общее прошлое учит русских и американцев?
Рец. на кн.: *Журавлева В.И.* Общее прошлое русских
и американцев: курс лекций. М.: РГГУ, 2021. 618 с. 124
- Журавлёва В.И.*
Российско-американские отношения в поисках стабильности
Рец. на кн.: *Peterson J.W.* Russian-American relations in the post-cold
war world. Manchester: Manchester University Press, 2017 131
- Комаров А.Н.*
Политические партии Канады в контексте федеральных выборов 2019 г.
Рец. на кн.: *The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett,
C. Dornan.* Montreal & Kingston, London, Chicago:
McGill-Queen's University Press, 2020 138

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 27-67

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-10-25

Paul B. Anderson and the 1956 delegation of US church leaders to Moscow

Matthew Lee Miller

University of Northwestern–St. Paul, St. Paul, Minnesota, USA
mlmiller@unwsp.edu

Abstract. Paul B. Anderson (1894–1985) stood out as a leading Western advocate for Orthodox Christians in the USSR. In March 1956 Anderson traveled to Moscow as a key member of a delegation representing the National Council of the Churches of Christ in the USA for meetings with leaders of several Christian church bodies. He acted based on knowledge of Orthodox history and Soviet politics and was the only Russian-speaker in the US delegation. He took a moderate, balanced, and diplomatic approach – avoiding both the uncritical celebration of the Russian Orthodox Church (ROC) or the condemnation of the church’s leaders due to their cooperation with the government. The Moscow visit, and the visit to the US that followed, contributed to a strengthening of ties among these church organizations and the 1961 entry of the ROC into the World Council of Churches. However, the meetings also illustrated the challenges of engaging in church activism during the post-Stalin era. This account demonstrates the significant contribution of Anderson to the building of informed and constructive connections among the believers of the US and USSR.

Keywords: Paul B. Anderson, Russian Orthodox Church, US Protestants, ecumenism, interconfessional relations, Young Men’s Christian Association

For citation: Miller, M.L. (2022), “Paul B. Anderson and the 1956 delegation of US church leaders to Moscow”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 10-25, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-10-25

Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г.

Мэттью Ли Миллер

Северо-западный университет, Сент-Пол, Миннесота, США, mlmiller@unwsp.edu

Аннотация. Пол Б. Андерсон (1894–1985) был на Западе ведущим защитником православных христиан в СССР. В марте 1956 г. Андерсон отправился в Москву для встреч с лидерами христианских церковных организаций в роли ключевой фигуры делегации, представляющей Национальный совет церквей Христа в США. Являясь единственным русскоговорящим членом в американской делегации, он формировал свою позицию с опорой на глубокое знание православной истории и советской политической жизни. Подход Андерсона отличался умеренностью, сбалансированностью и дипломатичностью, поскольку он избегал как некритического восхваления Русской православной церкви (РПЦ), так и осуждения православных лидеров за их сотрудничество с правительством. Визит в Москву и последовавший за ним визит в США способствовали укреплению связей между этими церковными организациями и вступлению РПЦ во Всемирный Совет Церквей в 1961 г. В то же время эти встречи продемонстрировали, что существовали препятствия на пути активизации деятельности церкви в эпоху постсталинизма. Статья наглядно показывает важный вклад Андерсона в налаживание грамотных и конструктивных связей между верующими США и СССР.

Ключевые слова: Пол Б. Андерсон, Русская Православная Церковь, протестанты США, экуменизм, межконфессиональные отношения, Ассоциация молодых христиан

Для цитирования: Миллер М.Л. Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 10–25. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-10-25

Paul B. Anderson (1894–1985) stood out as a leading Western advocate for Orthodox Christians in the USSR. He developed close relationships with a wide range of Russian, European, and American church leaders, wrote insightful articles and books, and spoke out on the challenges faced by believers in the Soviet Union. In March 1956 Anderson traveled to Moscow as a key member of a delegation representing the National Council of the Churches of Christ in the USA (NCC) for meetings with leaders of several Christian church bodies. This trip received significant media attention and generated debate due to the complicated relationship of the Russian Orthodox Church (ROC) with the government of the USSR and due to the range of

political views among US Christians. During his participation of the 1956 trip he demonstrated empathy for believers, among whom he had worked for nearly forty years. He acted based on knowledge of Orthodox history and Soviet politics and was the only Russian-speaker in the US delegation. He took a moderate, balanced, and diplomatic approach—avoiding both the uncritical celebration of the ROC or the condemnation of the church’s leaders due to their cooperation with the government. His role stood in contrast to Eugene Carson Blake, the public leader of the trip. Blake demonstrated ambition for ecumenical advances and optimism for progress—based on relatively little knowledge of Orthodox Christianity or global politics. The success of this highly publicized 1956 program depended on the quiet expertise of Anderson. The Moscow visit, and the visit to the US that followed, contributed to a strengthening of ties among these church organizations and the 1961 entry of the ROC into the World Council of Churches. However, the meetings also illustrated the challenges of engaging in church activism during the post-Stalin era.

This article surveys the career of Paul B. Anderson before describing preparations for the 1956 meetings and key points of the meetings in the USSR and the US. Attention then focuses on participant reflections on the exchange and analysis of the long-term significance of the meetings. The article is based on analysis of recent additions to Paul B. Anderson’s records held at the Kautz Family YMCA Archives at the University of Minnesota in Minneapolis, USA, as well as his published works. This article builds on the substantial wave of recent scholarship on the history of the Russian Orthodox Church¹, church-state relations in the USSR², the ecumenical movement³, US-Soviet cultural relations⁴, and the connections of politics and religion in the Cold War era⁵. Recent studies rely on the exploration of new archival sources, application of new analytical perspectives, and reconsideration of political assumptions. This article, based on recent additions to an archival collection and historical scholarship, sheds new light on the contribution of Anderson to the building of informed and constructive connections among the believers of the US and USSR.

¹ For one recent reflection on this era in the history of Russian Orthodox Church, see [Bourdeaux 2017].

² The relationship between the Russian Orthodox Church and the Soviet state during this era is analyzed in [Chumachenko 2000].

³ Paul B. Anderson’s ecumenical work with the YMCA is discussed in [Miller 2013]; additional key works include [Gill 2006; Raiser 1998].

⁴ Two important recent studies on this topic are [Saul 2016, Richmond 2003].

⁵ For recent discussion of the interaction of politics and religion during the Cold War, see [Haberski 2012; Preston 2013; Stevens 2010].

I. Career of Paul B. Anderson

Anderson worked as an enthusiastic advocate for Russians from his first trip to Petrograd in 1917 until his death in 1985. He had a long-term, in-depth involvement with Slavic life and made a serious attempt to understand language, history and culture. He provided leadership or support for almost every aspect of the Young Men's Christian Association's (YMCA) service among Russians. From 1920 to 1924 he lived in Berlin and participated in a variety of service programs among emigres. By 1924 60,000 refugees had settled in Paris, so he and his YMCA colleagues transported their services to the French capital. Anderson emerged as the Association's most influential leader during its outreach in Paris. He assisted both the Russian Student Christian Movement and the YMCA Press. He also contributed to the new Orthodox Theological Institute in Paris (later renamed the St. Sergius Theological Academy), a program which prepared priests for service. During these years his understanding of Eastern Christian worship and thought grew, and he received recognition as one of the first western experts on religion in the Soviet Union. He offered his most in-depth commentary on the revolution and Christianity in his book *People, Church and State in Modern Russia*, published in London in 1944. Reflecting during the war, Anderson provided a detailed account of the current status of the ROC within the context of the Soviet Union. He moved permanently from Paris to the United States in 1947. His full-time work with Russians ended at this time, but his service to the world Orthodox community continued until his death.

II. Preparation for the Meetings

The 1956 visit by representatives of US churches to meet with church leaders in the USSR received attention as the first of its kind in 35 years⁶. (Earlier groups had visited for a variety of more narrow goals.) The program served as a significant example of many US-USSR cultural exchanges which multiplied in number in the years that followed and provided participants with critical insights into the experiences of their counterparts. The 1956 exchange trips originated

⁶ YMCA press release about Paul B. Anderson after March 1956 trip to USSR. P. 1. Box 4/11. Folder: "1950s Smith", Paul B. Anderson personal papers, Kautz Family YMCA Archives, Andersen Library, University of Minnesota, Minneapolis, Minn (hereafter PBA KFYA).

in a decision made by the World Council of Churches (WCC). This council met for its second assembly in Evanston, Illinois, in 1954 and approved a call for member churches to promote fellowship with churches in countries with communist governments in order to promote understanding, Christian fellowship, and “the reconciliation of the nations”. Walter Van Kirk, executive director of the NCC’s Department of International Affairs, carried out the details of the Evanston decision. He made many arrangements with church and government organizations to make the 1956 trips possible [Brackenridge 1990, p. 91]. Eugene Carson Blake, president of the NCC, requested an official invitation from Patriarch Aleksii in 1955. He expressed a desire to visit “as a means of increasing mutual understanding and making manifest the spiritual fellowship which is ours in Christ” [Brackenridge 1990, p. 89]⁷. Blake, stated clerk of the Presbyterian Church in the United States from 1951–1966, influenced many Protestant leaders in the US at the time due to his efforts to promote ecumenism and civil rights. He later served as General Secretary of the WCC from 1966–1972 [Brackenridge 1990, p. 89].

NCC trip planners selected nine men which would represent member denominations [Brackenridge 1990, p. 92]. The organizers of the exchange attempted to plan opportunities for understanding, relationship building, and reconciliation. However, the issue of political peace drew the most attention. Church leaders expressed concern about a recent statements on the Korean conflict by Metropolitan Nikolai of Krutitsky and Kolomna printed in the *Journal of the Moscow Patriarchate* [Brackenridge 1990, p. 93]. The Cold War context shaped the significance of the 1956 trip in multiple ways: the Korean conflict had broken out from 1950–1953, Joseph Stalin had died in 1953, and Nikita Khrushchev was consolidating power through promoting destalinization and a new goal of “peaceful coexistence”. In the US, Senator Joseph McCarthy had led a campaign against suspected communist sympathizers until his death in 1957 [Brackenridge 1990, p. 90].

Blake served as leader of the 1956 deputation and acted as spokesperson with the media. He openly addressed arguments that the trip was an example of “communist collaboration” and “anti-Americanism” [Ibid. p. 89]. During this era US church leaders frequently expressed sharp criticism of communism with a variety of strategies [Brackenridge 1990, p. 90–91]⁸.

Anderson wrote a brief article on religion in the USSR which was published in a Methodist magazine less than a year before the March

⁷ Aleksii I (Simanskii) served as Patriarch of Moscow from 1945–1970.

⁸ For more on one example of criticism, see [Fea 1994].

1956 trip, and trip participants apparently received copies⁹. In the article he provides up-to-date information (based on documentary evidence) with his usual moderate style. He points out the contradictions of church-state relations in the USSR without adopting an uncritical approach to statements from within the USSR or a harsh denunciation of the ROC for cooperating with authorities¹⁰. Anderson explains why it was simply impossible for Orthodox leaders to operate in full independence¹¹. He followed the Soviet press carefully and analyzed documents to inform his opinions; he explains, “A characteristic document in Russia today is the government decree on religion, dated November 11, 1954, and signed by Khrustcheff, General Secretary of the Party. In this, religion is castigated because it is opposed to science, which is the root and sap of Communist philosophy; yet Party and government functionaries are explicitly instructed not to offend ministers of the cult or to interfere with freedom of conscience”¹². He describes the paradox experienced by registered religious organizations in the early Khrushchev era. The Orthodox and Evangelical Christian-Baptist churches openly express their faith in public worship services, but their leadership structures allow the government to carefully inspect the activities of the leaders and believers. In addition, the state forbids organizations from organizing activities for the religious formation of children and youth or speaking out openly on issues related to government policy¹³. He also makes an observation which is especially relevant to the 1956 church leader visit: “The Soviet government and the Churches – Orthodox, Evangelical, and Armenian – welcome visitors to Russia, where they are feted and generally helped to gain an impression of ecclesiastical well-being”¹⁴.

In May 1956 the nine-member delegation of Protestant church leaders – seven clergymen and two laymen – represented NCC denominations during the 12-day visit to the USSR. As noted earlier, Blake led the group and represented the Presbyterian Church in the United States. At the time, Anderson served as associate executive

⁹ For example, this article by trip participant Herbert Gezork utilizes material from Anderson’s article: *Gezork H. What We Saw and Heard in Soviet Russia // Advance: The National Journal of Congregational Christian Churches. 1956. May 16. vol. 148, no. 10. P. 4–6, 28. Box 4/11, Folder: “1950s Smith,” PBA KFYA.*

¹⁰ *Anderson P.B. Religion in the USSR – 1955 // The Living Church. 1955. June 19. P. 11. Box 4/11, Folder: “1950s Smith”, PBA KFYA.*

¹¹ *Ibid.* P. 11.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.* P. 23; see [David-Fox 2012].

secretary of the International Committee of YMCAs of the United States and Canada. The delegation also included Roswell P. Barnes, associate general secretary of the NCC, Franklin Clark Fry, president of the United Lutheran Church in America, Herbert Gezork, president of Andover Newton Theological Seminary, D. Ward Nichols, a bishop of the African Methodist Episcopal Church, Henry Knox Sherrill, presiding bishop of the Protestant Episcopal Church, Walter W. Van Kirk, executive director of the NCC department of international affairs, and Charles Coolidge Parlin, a lawyer and Methodist layman. Donald C. Bolles, editor of the council's magazine *Outlook*, accompanied the group as an aide¹⁵. The council represented 30 Protestant and Orthodox denominations with 35.5 million members¹⁶. This delegation did not include Orthodox leaders, but this changed for later trips by the organization to the USSR¹⁷.

III. Meetings in Moscow

The group arrived in Moscow on March 11 and returned to New York on March 23¹⁸. The trip included a brief stop in Prague, Czechoslovakia, and a visit with Orthodox and Protestant church leaders¹⁹. On March 14 the group visited the residence of Patriarch Aleksii for a meeting with the patriarch and Metropolitan Nikolai, who supervised international relationships for the ROC²⁰. At a meeting on the first day, Van Kirk initiated discussion by reading a statement outlining the position of the NCC on world justice and peace²¹. The tense dis-

¹⁵ "Protestant Churchmen Begin Trip to Moscow," newspaper clipping, Associated Press, New York, newspaper title, date, and page number not included, Box 4/11, Folder: "1950s Smith," PBA KFYA; Toward Mutual Understanding: Two-Way Visit of American and Russian Churchmen // National Council Outlook. 1956. Feb. 26. P. 9–10.

¹⁶ Clerics Leave for Russ Visit, clipping from Milwaukee newspaper, March 9, 1956, 12, Box 4/11, Folder: "1950s Smith", PBA KFYA.

¹⁷ For a trip summary, see Churchmen Visit Russia // The Christian Century. 1956. Apr. 18. P. 480–482.

¹⁸ Call Visit to Russia a "Distinct Success"// Christian Advocate. 1956. Apr. 12. P. 14 (470). Box 4/11, Folder: "1950s Smith," PBA KFYA.

¹⁹ *Bolles D.C.* American Churchmen in Russia // National Council Outlook. 1956. April. vol. 6, no. 4. P. 4. Box 4/11, Folder: "1950s Smith", PBA KFYA.

²⁰ *Ibid.* P. 5; Nikolai (Yarushevich) was appointed as Metropolitan of Krutitsky in 1944 and Metropolitan of Krutitsky and Kolomna in 1947. In 1946 he was appointed chairman of the External Church Relations Department of the Moscow Patriarchate. He ended his service in 1960 and died in 1961.

²¹ *Ibid.*

cussion which followed challenged Metropolitan Nikolai's statements in the *Journal of the Moscow Patriarchate* which portrayed the United States as the aggressor in the Korean conflict and guilty of mistreating prisoners and conducting biological warfare²². The NCC requested a correction and stated that understanding requires truth²³. Nikolai replied that the statements were issued during a time of tension between the two countries and insisted that "we must forgive and forget"²⁴. Tension also surrounded discussion of the World Peace Council – the Russian Orthodox Church held a position that all churches should join the Communist Party-supported council and support an unconditional ban on nuclear weapons²⁵.

The group met on March 15 with leaders from the USSR in the meeting room of the Holy Synod of the ROC. Two Lutheran archbishops participated: Gustav Turs of Latvia and John Kiiivit of Estonia. Bishop Vartan of the Armenian Church and Vasily Zhidkov of the Evangelical Christians-Baptists joined as well²⁶. The next day the group visited a service of the Baptist church in Moscow – "the only Protestant church in the city". Blake, Fry, Anderson, Nichols, and Gezork preached brief sermons; Anderson spoke in Russian. One record estimated that 2000 attended in a building with seating for 1200²⁷. On March 17 the group visited the Trinity-Sergius Lavra at Zagorsk and the Moscow Theological Academy²⁸. On March 18 the final group meeting concluded with promises of continued work toward understanding and peace. On March 19, the group toured Leningrad for ten hours as guests of Metropolitan Elevation. They visited St. Isaac's Cathedral, the monastery of Aleksandr Nevsky, the theological academy, the Palace of the Pioneers, and a service at the St. Nicholas Cathedral²⁹.

²² Churchmen Visit Russia // *The Christian Century*. 1956. Apr. 18. P. 481; see Mitropolit Nikolai. Rech' na vtorom vseмирnom kongresse storonnikov mira // *Zhurnal moskovskoi patriarkhii*. 1950. Dec. no. 12. P. 12–16. URL: <http://www.jmp.ru/ya43.php?ys=50&my=12&rm=VZHM&sr=501208> (Accessed 1 July 2020); and Mitropolit Nikolai. Rech' na obshchegorodskom mitinge trudiashchikhsia g. moskvy // *Zhurnal moskovskoi patriarkhii*. 1952. Apr. no. 4. P. 22–23. URL: <http://www.jmp.ru/ya43.php?ys=52&my=04&rm=VZHM&sr=520407> (Accessed 1 July 2020).

²³ *Bolles D.C.* Op. cit. P. 5.

²⁴ Ministers in Moscow // *Time*. 1956. Mar. 26. P. 52. Box 4/11, Folder: "1940s Smith," PBA KFYA.

²⁵ American Churchmen Visit Moscow Square // *Chicago Daily Tribune*. 1956. Mar. 14. part 1. P. 2. Box 4/11, Folder: "1950s Smith," PBA KFYA.

²⁶ *Bolles D.C.* Op. cit. P. 6.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.* P. 7.

²⁹ *Ibid.* P. 26.

Throughout the visit, the delegation discussed peace, theological education, religion and science, religious freedom, and the relationship of Christianity with other religions. According to Gezork, all conversations with church and government leaders were conducted in “friendliness” and “frankness.”³⁰ The group met a wide range of church leaders, including Metropolitan Nikodim³¹ and Archimandrite Pimen³². These church leaders provided a range of information on religion to the delegation. For example, the group learned that 55 Orthodox churches were “in use” in Moscow; this compared to 500 before 1917³³. Major Soviet newspapers (*Trud, Pravda, Izvestia*) reported on the visit by American pastors³⁴.

IV. Meetings in the United States

After this trip to Moscow and Leningrad, eight church leaders from the USSR visited the US from June 2–13, 1956, as guests of the NCC. The group included leaders from Russian Orthodox, Armenian, Baptist, and Lutheran churches; two men came from the Baltics and one from Armenia. As in Moscow, the visit included friendly conversations and more challenging moments; according to one host, the leaders from the USSR “politely ignored pickets of a splinter church group that rushed well-worn placards from one whistle stop to another”³⁵.

The delegation from the Soviet Union was led by Metropolitan Nikolai³⁶. Archpriest Michael Slavnitsky, dean of St. Vladimir’s Cathedral in Leningrad, represented the parish priests of the Orthodox Church. The group also included Vladimir Ivanovitch Talizin, professor of church law at the Moscow Theological Academy, Bishop Sahak,

³⁰ *Gezork H.* What We Saw and Heard in Soviet Russia // Advance: The National Journal of Congregational Christian Churches. 1956. May 16. vol. 148, no. 10. P. 4. Box 4/11, Folder: “1950s Smith,” PBA KFYA.

³¹ *Ibid.* P. 5; Nikodim (Rotov) was later appointed as chairman of the External Church Relations Department of the Moscow Patriarchate (1960–1972) and Metropolitan of Leningrad and Ladoga (1963–1978).

³² *Churchmen Visit Russia.* P. 481; Pimen (Izvekov) later served as Patriarch of Moscow from 1971–1990.

³³ *Gezork H.* *Op. cit.* P. 6.

³⁴ *Churchmen Visit Russia.* P. 480.

³⁵ *Maynard E.H.* Russians Among Us // *Christian Advocate.* 1956. Jun. 28. P. 10. Box 4/11, Folder: “1940s Smith,” PBA KFYA; for a trip summary see *Russian-American Visitations: A Prelude to Understanding // Christianity and Crisis.* 1956. Jul. 9. P. 92–94.

³⁶ *Ibid.* P. 10.

great sacristan of the Holy See of Echmiadzin, Jan Kiivit, archbishop of the Evangelical Lutheran Church of Estonia, Gustav Turs, archbishop of the Evangelical Lutheran Church of Latvia, Alexei Leonidivitch Andreev of Kiev, vice president of the All-Union Council of Evangelical Christian-Baptists, and Alexei Nickolaivitch Karpov, pastor of the Baptist Moscow congregation, senior presbyter of the Moscow district. Donald Lowrie organized the visit for the NCC; he was a long-time YMCA leader for ministry among Russian Christians, and friend of Anderson, who also participated³⁷.

On Sunday, June 3, the group divided to visit three churches in New York City: the Russian Orthodox Cathedral of St. Nicholas, the Episcopal Cathedral of St. John the Divine, and an Armenian church. On Monday, June 4, the group visited Yale University and met at Seabury House in Greenwich for theological discussion. The conversation turned to the promotion of peace-which had been a difficult topic in Moscow. Walter Van Kirk, director of the department of international relations of the NCC, stated, "Our Russian guests must be told that within our churches there is a widespread view that the peoples of Lithuania, Latvia, and Esthonia do not enjoy that measure of freedom and justice which might well be theirs were they given the opportunity, in free and secret elections, to assert their views."³⁸

The delegation flew to Toledo for a general board meeting of the NCC, where they were greeted by Blake. The guests met for dinner in a parish hall of a Lutheran church and discussions of church activities throughout the week, such as religious education and scouting. The group then visited Seville, Ohio, a small town with under 1000 residents. Residents greeted the group at a meeting hosted by the Methodist church³⁹. The group then traveled to Philadelphia, where they visited a seminary, urban ministry programs, and Westminster Press⁴⁰. In Washington DC they attended services and visited Mount Vernon. All returned to New York City before departure. Blake summarized the trip in this way: "Already our conversations have gone far enough to clear up some of our very real misunderstanding of the actual situation of churches in the Soviet Union. We believe that this trip is giving them an entirely new understanding of religious life in the United States."⁴¹

³⁷ Ibid. P. 11.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid. P. 27.

⁴⁰ Russian-American Visitations: A Prelude to Understanding // Christianity and Crisis. 1956. Jul. 9. P. 92.

⁴¹ *Maynard E.H.* Op. cit. P. 27.

V. Reflections on the Exchange

After the return from Moscow, Blake, Anderson, and other US delegation members expressed their reflections in a variety of publications and signed a joint statement which was published in the *National Council Outlook* magazine. This statement shows support for the churches of the Soviet Union and indicates a desire for continued friendship and interaction. However, the NCC also expresses concern for the limitations placed on church activity and the requirement of supporting the government's foreign policy agenda. The statement avoids direct criticisms of specific church or government leaders. In many ways, the document reflects the article by Anderson described above in this article. The statement opening echoes the plan for the trip: "Our Mission was to church leaders in Russia. We knew in advance of our going that it would not be easy to achieve understanding, let alone agreement. But we believed that in a time of world tension, with deep cleavage between East and West, Christians of varying backgrounds and traditions should talk with one another in frankness in an endeavor to clarify differences and to seek areas of agreement. This we did."⁴²

VI. Significance of the Exchange

The significance of the 1956 exchange program can be demonstrated in at least three ways. First, these visits led to the solidification of ties among these church organizations and the 1961 entry of the ROC into the World Council of Churches (WCC). Second, the visit illustrated the challenges of engaging in church activism for the promotion of peace during this era. Third, the visits highlighted the significant contribution of Anderson to the development of informed and substantial partnerships.

The question of WCC membership for the ROC had been considered well before 1956. In 1948 the Patriarch turned down an invitation to attend the first assembly of the WCC in Amsterdam⁴³. However, a "steady growth in contacts, visitations, and mutual study" led to application and acceptance of the ROC into the WCC at the 1961 New Delhi Assembly. At this time the Orthodox Churches of Roma-

⁴² A Beginning Has Been Made – An Appraisal of the Visit to Russia // *National Council Outlook*. 1956. Apr. vol. 6, no. 4. P. 3. Box 4/11, Folder: "1950s Smith," PBA KFYA.

⁴³ For views of Russian Orthodox church leaders on the ecumenical movement, see [Anderson 1952].

nia, Bulgaria, and Czechoslovakia also became members⁴⁴. The 1956 meetings were a key step in this process, as the US delegates encouraged leaders from the USSR to consider participation [Brackenridge 1990, p. 95]⁴⁵.

At the 1956 meetings church leaders from the US and USSR affirmed a mutual stand for world peace. However, just a few months later these joint affirmations were tested by the Hungarian revolt. For example, Blake wrote to Metropolitan Nikolai and encouraged him to support the right of the people of Hungary to decide their own political future. Blake was disappointed when this statement did not appear, even though Nikolai replied that his church would “labor unceasingly for peace” [Brackenridge 1990, p. 94].

Anderson did not lead the exchange program, but his in-depth knowledge of the cultures, religions, and politics of the USSR clearly guided the meetings of 1956 and the actions of the NCC into the 1960s. He had participated in key meetings of the ecumenical movement along with Russian church leaders. For example, he took part in the Stockholm 1925 Life and Work Conference and accompanied Metropolitan Evlogii and other Orthodox leaders to most of the ecumenical gatherings which led to the formation of the WCC⁴⁶. Later in 1956 he participated in a theological delegation to the USSR by the Church of England led by Arthur Michael Ramsey (who later served as Archbishop of Canterbury). He also made another trip to the USSR for the NCC in December 1961⁴⁷. It was no surprise that Anderson was appointed as consultant in the Department of International Affairs of the NCC for a two-year term, 1962 and 1963⁴⁸. This followed his 1961 retirement from the YMCA. According to the position announcement, “His work in the National Council will include research, interpretation and counsel on such matters as international affairs in relation to Russia and Eastern Europe, questions of communism, and the ecumenical movement with particular interest in the Eastern Orthodox Churches”⁴⁹. His responsibilities included leading another

⁴⁴ *Anderson P.B.* The Entry of the Moscow Patriarchate into the World Council of Churches: Implications for Member Churches in the USA. February 12, 1961. P. 1. Box 4/11, Folder: “1960s Smiths,” PBA KFYA.

⁴⁵ For a recent study on the ecumenical movement and Eastern Orthodoxy, see [Zeilstra 2020].

⁴⁶ Announcement of 1962 assignment to National Council of Churches. P. 1–2, Box 4/11, Folder: “WWII,” Subfolder: “Keep for PBA Family Archives,” PBA KFYA.

⁴⁷ *Ibid.* P. 2.

⁴⁸ *Ibid.* P. 1.

⁴⁹ *Ibid.*

delegation of the council to visit church leaders in the USSR in August–September 1962 and hosting church leaders from the USSR in February 1963⁵⁰.

Anderson's NCC appointment led to the formation of *Religion in Communist-Dominated Areas* and his service as founding editor; this periodical published translations from Soviet journals and newspapers. As editor, he attempted to “assure balance and truth” in reporting on a “paradoxical situation” in which Christian churches attempt to serve under a government which attempts “to uproot all religion from the minds and habits of the people” [Anderson 1971, p. 29].

Anderson did not take on his NCC responsibilities without an awareness of the thorny problems which needed to be addressed, such as Soviet government manipulation of church leaders, or the wide range of US Christian views on interacting with organizations in the USSR. Soon after he returned from Moscow in 1956, he wrote, “We have entered a period of Soviet foreign policy in which we may see a correlation of Church, State, and Party objectives and policies.”⁵¹ Later in 1961, he reflected on the potential opportunities and challenges of ROC participation in the WCC such as the control of the ROC delegates by the government of the USSR and the reaction by anti-Communist Orthodox in the US to the activity of the ROC in the WCC⁵². In 1956 he shared his opinion on the best approach to the inherently complicated opportunity of building relationships across the Iron Curtain: “American Churches, Christian organizations, and individual Christians should prepare intelligently and thoroughly to meet this situation; in particular by studying”: Marxism-Leninism, Eastern Orthodox history, theology, culture, and worship⁵³. When Anderson wrote these words, he had been studying Russian realities for nearly forty years through his research and relationships.

Anderson's memoirs confirm that his colleagues on the exchange trip were limited in their ability to understand the challenges faced by Christian leaders in the USSR: he writes that one meeting “revealed how little even our best church leaders knew of the content and pervasive influence of Marxist atheistic philosophy, not even enough to ask

⁵⁰ U.S. Christians to Swap Visits with Russians // Atlanta Constitution. newspaper clipping without page number. 1962. Mar. 2. Box 4/11. Folder: “1960s Smiths,” KFYA.

⁵¹ Anderson P.B. General Conclusions Coming out of Experiences in the Soviet Union, March 11–21, 1956. April 16, 1956. P. 1. Box 4/11. Folder: “1950–1959,” PBA KFYA.

⁵² Anderson P.B. The Entry of the Moscow Patriarchate. P. 1–3.

⁵³ Ibid. P. 1.

provocative questions and certainly not enough to counter militant atheism..." [Anderson 1985, p. 134].

To fully appreciate the value of Anderson's knowledge and experience to the 1956 exchange program, it is helpful to compare his work to the activity of the most prominent leader of the US delegation, Blake. As noted above, Blake was a well-known leader among Protestants in the 1950s and a champion of church unity and denominational merger. However, as one historian who writes with appreciation of this leader states, "As an American conditioned to think only in the tripartite religious division of Protestant, Catholic, and Jew, Blake admitted that his knowledge of Orthodox Christianity prior to the 1956 trip was woefully inadequate" [Brackenridge 1990, p. 95]. As noted earlier, the 1956 trip received criticism from anti-communist groups. After returning from Moscow, Blake acknowledged denunciations of the trip but stated that it was "much less than we really expected" [Blake 1956, p. 184]. Blake demonstrated significant concern for the people of the USSR and appreciation for the ROC. However, he also operated with a very limited understanding of Orthodox Christianity, Russian history, or Soviet politics.

Anderson worked to build honest relationships with leaders of officially recognized churches in Communist countries and support their interests. His conversations with leaders in 1956 in the Soviet Union continued during his return trips. His memoir details his multiple one-on-one conversations with Patriarch Aleksii [Anderson 1985, p. 148].

Anderson also built sturdy partnerships with exiled church leaders and dissident believers and spoke out on their behalf. This balance depended on his long-term connections and in-depth knowledge of issues facing churches. He labored as an outspoken champion of human rights, and the National Council of Churches provided a platform for his work as consultant and advisor from 1962 until 1972. For example, the NCC provided funding for the periodical edited by Anderson, *Religion in Communist-Dominated Areas*. However, after 1972 the council provided far less support for believers facing discrimination and persecution in the USSR; during the 1970s the council promoted programs which optimistically communicated that the condition of believers was improving, in spite of evidence to the contrary⁵⁴.

⁵⁴ [Elliott 2021, p. 56–58, 61]; for multiple perspectives on the interaction of Christian churches with politics, see [Mojzes 2018].

VII. Conclusion

The 1956 church exchange program clearly strengthened connections between leaders of the US and USSR, in spite of complex political difficulties. These events demonstrated the quiet and steady role of Anderson in promoting lasting connections during a divisive era. Anderson clearly believed that the 1956 exchange trips were valuable in a limited but enduring manner; he later wrote, “On each successive visit to the USSR, or, when meeting Russian churchmen who have come to the West, I have been left with the conviction of the lasting impression of these encounters, and of their reciprocal significance in the church life of both East and West” [Anderson 1971, p. 33].

References

- Anderson, P.B. (1971), “Reflections on Religion in Russia, 1917–1967”, in Marshall, Jr., R.H. (ed.), *Aspects of Religion in the Soviet Union*, University of Chicago Press, Chicago, IL, pp. 11–33.
- Anderson, P.B. (1985), *No East or West*, Davis, D. (ed.), YMCA Press, Paris.
- Anderson, P.B. (ed.) (1952), *Major Portions of the Proceedings of the Conference of Heads and Representatives of Autocephalous Orthodox Churches, in Connection with the Celebration of 500 Years of Autocephalicity of the Russian Orthodox Church, 8–18 July 1948*, Clarke, O.F. (translator), YMCA Press, Paris.
- Blake, E.C. (1956), “Church and State in the U.S.S.R. and in the U.S.A. – 1956”, *Journal of the Presbyterian Historical Society*, Sept., vol. 34, no. 3, pp. 183–189, [Online], available at <https://www.jstor.org/stable/23325118> (Accessed 4 June 2020).
- Bourdeaux, M. (2017), “Persecution, Collusion, and Liberation: The Russian Orthodox Church, from Stalin to Gorbachev”, in Erdozain, D. (ed.), *The Dangerous God: Christianity and the Soviet Experiment*, Northern Illinois University Press, DeKalb, IL, pp. 51–73.
- Brackenridge, R.D. (1990), “‘A Beginning Has Been Made’: Eugene Carson Blake and the Soviet Union, 1956”, *American Presbyterians*, vol. 68, no. 2, pp. 89–98, [Online], available at <https://www.jstor.org/stable/23332640> (Accessed 4 June 2020).
- Chumachenko, T.A. (2000), *Church and State in Soviet Russia: Russian Orthodoxy from World War II to the Khrushchev Years*, Roslof, E.E. (ed. and translator), M.E. Sharp, Armonk, NY.
- David-Fox, M. (2012), *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*, Oxford University Press, New York.
- Elliott, M.R. (2021), “In Lieu of a Review: Reminiscences on Reading *One Word of Truth: The Cold War Memoir of Michael Bourdeaux and Keston College*”, *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, vol. 41, no. 3, pp. 49–70, [Online], available at <https://digitalcommons.georgefox.edu/ree/vol41/iss3/5> (Accessed 8 June 2021).

- Fea, J. (1994), "Carl McIntire: From Fundamentalist Presbyterian to Presbyterian Fundamentalist", *American Presbyterians*, vol. 72, no. 4, pp. 253–268, [Online], available at <https://www.jstor.org/stable/23333359> (Accessed 4 June 2020).
- Gill, Jr., T.A. (2006), "Journey of the WCC and PC (USA): 'A Drama with a Cast of Thousands'", *The Journal of Presbyterian History*, vol. 84, no. 2, pp. 139–151, [Online], available at <https://www.jstor.org/stable/23338840> (Accessed 4 June 2020).
- Haberski, R. (2012), *God and War: American Civil Religion since 1945*, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ, [Online], available at <http://www.jstor.com/stable/j.ctt5hjfx.5> (Accessed 4 June 2020).
- Miller, M.L. (2013), *The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940*, Lexington Books, Lanham, MD.
- Mojzes, P. (ed.) (2018), *North American Churches and the Cold War*, William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, MI.
- Preston, A. (2013), "Peripheral Visions: American Mainline Protestants and the Global Cold War", *Cold War History*, vol. 13, no. 1, pp. 109–130, [Online], available at <http://dx.doi.org/10.1080/14682745.2012.707648> (Accessed 4 June 2020).
- Raiser, K. (1998), "Eugene Carson Blake: Acting on the Gift of Unity for Christ's Church", *The Journal of Presbyterian History*, vol. 76, no. 4, pp. 299–308, [Online], available at <https://www.jstor.org/stable/23335497> (Accessed 4 June 2020).
- Richmond, Y. (2003), *Cultural Exchange & the Cold War: Raising the Iron Curtain*, Pennsylvania State University Press, University Park, PA.
- Saul, N.E. (2016), "The Program that Shattered the Iron Curtain: The Lacy-Zarubin (Eisenhower-Khrushchev) Agreement of January 1958", in Whisenhunt, W.B. and Saul, N.E. (eds.), *New Perspectives on Russian-American Relations*, Routledge, New York, NY, pp. 229–239.
- Stevens, J.W. (2010), *God-Fearing and Free: A Spiritual History of America's Cold War*, Harvard University Press, Cambridge, MA, [Online], available at <http://www.jstor.com/stable/j.ctvj5f58z.5> (Accessed 4 June 2020).
- Zeilstra, J.A. (2020), *Visser 't Hooft, 1900–1985: Living for the Unity of the Church*, Amsterdam University Press, Amsterdam, [Online], available at <https://www.jstor.org/stable/j.ctv104tb4w.11> (Accessed 4 June 2020).

Information about the author

Matthew Lee Miller, Ph.D., Professor of History, University of Northwestern–St. Paul, St. Paul, USA; 3003 Snelling Avenue North, St. Paul, MN 55113, USA; mlmiller@unwsp.edu

Информация об авторе

Мэтью Ли Миллер, Ph.D., профессор, Северо-Западный университет-Сент Пол, Сент Пол, США; MN 55113, США, Сент Пол, Снеллинг Авеню Норт, 3003; mlmiller@unwsp.edu

Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы

Никита М. Кузнецов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, nmkuznetsov@list.ru*

Наталья А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, n.tsvetkova@spbu.ru*

Аннотация. Исследование наглядно демонстрирует состояние российской дипломатии данных (*Data Diplomacy*) и выявляет особенности ее формирования. Дипломатия данных включает в себя использование государством искусственного интеллекта (ИИ), аналитики «больших данных» (*Big Data*) и иных технологических новинок для проектирования влияния на зарубежную аудиторию, противостояния зарубежной интернет-пропаганды и решения иных внешнеполитических задач. Статья состоит из двух разделов. В первой части исследования рассматриваются этапы становления цифровой дипломатии инструментом внешнеполитического влияния России и анализируются первые шаги официальной Москвы по интеграции *Big Data* в свою дипломатию. В следующем разделе выявляются тенденции и перспективы современной дипломатии данных РФ, а также представляются прогнозы ее дальнейшего развития. Авторы констатируют заинтересованность российского руководства в дипломатии данных как аналитическом треке внешнеполитического прогнозирования и комплекса новых инструментов дипломатии. Выводы исследования могут быть использованы в практическом аспекте дальнейшего развития дипломатии данных России и в научном аспекте изучения ее роли в отечественной внешней политике.

Ключевые слова: дипломатия данных, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, большие данные, мягкая сила, острая сила, Россия, США

Для цитирования: Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А. Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 26–40.
DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-26-40

Russian data diplomacy: Goals, trends, perspectives

Nikita M. Kuznetsov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, nmkuznetsov@list.ru

Natal'ya A. Tsvetkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, n.tsvetkova@spbu.ru

Abstract. The article clearly demonstrates the current state of Russian data diplomacy and reveals the features of its formation in 2010–2021. Data diplomacy includes the use by the state of artificial intelligence (AI), big data analytics (Big Data) and other technological innovations to project influence on foreign audiences, block objectionable information on the Internet, and resolve other foreign policy problems. The first part of the study examines the stages of the development of digital diplomacy as an instrument of Russia's foreign policy influence and analyzes the first steps of official Moscow to integrate Big Data into its diplomacy. The paper defines the existing concepts, methodological framework and successful cases of Russian Internet diplomacy. The next section identifies the trends, directions and projects of contemporary Russian diplomacy, as well as forecasts its further development. The authors state the interest of the Russian leadership in the development of data diplomacy as an analytical track of foreign policy forecasting and a set of means for integrating new tools into diplomatic activity. The findings of the study can be used in the practical aspect of the further development of Russian diplomacy and in the scientific aspect of studying its role in domestic foreign policy.

Keywords: data diplomacy, digital diplomacy, public diplomacy, Big Data, soft power, sharp power, Russia, USA

For citation: Kuznetsov, N.M. and Tsvetkova, N.A. (2022), "Russian data diplomacy: Goals, trends, perspectives", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 26-40, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-26-40

Введение

Развитие цифровой дипломатии (*digital diplomacy*) как феномена мировой политики началось в 2008–2009 гг., и прошло три этапа, каждый из которых отличается по концептуальным и методологическим признакам [Цветкова, Кузнецов 2020]. Проекты и инструменты цифровой дипломатии обрамлялась экспертами в теоретические рамки, способные продемонстрировать государственный подход к ее реализации. Императивом цифровой дипломатии стала мягкая сила (*soft power*), привлечение целевой аудитории при помощи интернет-проектов в области культуры, истории, спорта

и образования для формирования привлекательного государственного имиджа и реализации внешнеполитических целей через «завлечение» аудитории [Nye 2008, p. 94]. Российское руководство имеет свой подход к термину «мягкая сила». Еще в 2012 г. в статье «Россия и меняющийся мир» президент России В.В. Путин охарактеризовал мягкую силу как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других «рычагов воздействия»¹. Можно увидеть разницу между определениями, предлагаемыми основоположником термина Дж. Наем и президентом В. Путиным. Американский политолог отмечает привлекательность в качестве ключевого элемента данной формы власти, в то время как российский лидер делает акцент на рычагах влияния.

Однако стремительное развитие интернет-технологий, появление информационных войн и борьбы «за умы и сердца» мировой аудитории породили дискурсы об эффективности использования массивов пропаганды, кибертерроризма, чат-ботов и аналитики «больших данных» (*Big Data*) – огромных объемов бессистемной информации, оставляемой интернет-пользователями. Цифровая дипломатия, острая сила (*sharp power*), кибервойны и др. фактически заменили собой публичную дипломатию и мягкую силу, а дипломатия данных (*data diplomacy*) как коллаборация внешней политики и науки о данных (*data science*) стала новым императивом международных отношений.

Необходимость развития цифровой дипломатии в России впервые была зафиксирована в концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 г. Так, в п. 41 раздела «Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности» отмечалось, что в рамках этой деятельности необходимо широкое использование возможностей новых информационно-коммуникационных технологий². В концепции внешней политики от 2016 г. фигурировала необходимость укрепления роли средств массовых коммуникаций, а также доведения «до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы» и развития информационно-коммуникационных инструментов «мягкой силы»³. В 2020 г. президент В. Путин подтвердил важную

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] // Московские новости. 2012. 27 февраля. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 07 февраля 2022).

² Указ Президента РФ от 12.02.2013 г. № Пр-251 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

³ Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

роль цифровой дипломатии во внешней политике и отметил, что «...настрой блогеров в интернете, настрой средств массовой информации по защите самих себя – это чрезвычайно важная вещь, отстаивание своего суверенитета»⁴. При этом все большее внимание уделяется развитию дипломатии данных. Несмотря на отсутствие официального термина в российском дискурсе, на высшем уровне не раз подчеркивалась необходимость развития в России современных технологий, включая искусственный интеллект и *Big Data*⁵. И хотя лидерами по развитию дипломатии данных считаются США и Китай, официальная Москва также активно развивает данное направление внешней политики наравне со своей публичной дипломатией [Simmons 2015].

Таким образом, выявляется проблема феномена усиления роли дипломатии данных во внешнеполитическом механизме России. Цель данного исследования – провести комплексный анализ реализации дипломатии данных России. Вопрос о развитии дипломатии данных России является актуальным и малоизученным, что также раскрывает перед нами возможности для ликвидации пробела в историографии по данной теме.

Цифровая дипломатия РФ: от теории к практике

При всей неоспоримой важности традиционных инструментов продвижения государственных национальных интересов стратегическое использование информационно-коммуникационных технологий стало «господствующим подходом публичной дипломатии», заставляющим мировую аудиторию «стекаться в свои новостные ленты» социальных сетей для получения новостей и заявлений от мировых лидеров [Collins, DeWitt, LeFebvre 2019, p. 78]. В вопросе эффективности цифровой дипломатии эксперты используют бескомпромиссные формулировки: либо дипломат умеет взаимодействовать с социальными медиа, либо остается без всякого влияния [Collins, Bekenova 2019, p. 1].

⁴ Пресс-конференция президента России В.В. Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64671> (дата обращения 07 февраля 2022).

⁵ «Путин: Российская Федерация должна стать мировым центром обработки и хранения больших массивов информации» [Электронный ресурс] // ТАСС. 2018. 1 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4998315> (дата обращения 07 февраля 2022).

Использование цифровой дипломатии обрело общемировой характер. В научных исследованиях российских и зарубежных экспертов анализируются успехи реализации цифровой дипломатии стран Европы, Азии, Северной и Латинской Америки. Так, например, США используют ее для поддержки либеральных движений и распространения собственных ценностей в зарубежных странах. Сегодня США занимают первое место в мире по масштабам интернет-дипломатии [Цветкова, Кузнецов 2020, с. 29]. Германия, которая традиционно продвигала немецкий язык и немецкую культуру в своей публичной дипломатии, в цифровой дипломатии демонстрирует поворот в сторону пропаганды политических преобразований для аудитории зарубежных стран. Франция, наоборот, поддерживает идею о «франкофонии» в сети Интернет. Ее проекты в социальных сетях продвигают французский язык, французскую историю и культуру. А Китай демонстрирует серьезную активность в развитии своих каналов международного вещания и пропаганды [Кузнецов, Цветкова 2021].

Развитие цифровой дипломатии и дипломатии данных России началось в 2010-х гг. Основную роль стало играть Министерство иностранных дел. На официальном сайте ведомства можно найти все аккаунты отечественных дипломатов в социальных сетях и другую необходимую информацию об интернет-активности заграничных учреждений России⁶. Начальник отдела цифровой дипломатии МИД России С.В. Налобин неоднократно высказывался о необходимости цифровизации дипломатии, отметив ее важность для продвижения объективной информации об отечественной политике в условиях «пропагандистских атак»⁷. Внедрение социальных медиа во внешнеполитическую активность началось с целью предоставления зарубежной аудитории альтернативного взгляда на мировую политику и участие в ней России.

В 2010 г. президент Д.А. Медведев завел свои собственные аккаунты в социальных сетях Twitter, «ВКонтакте» и *Instagram*. Один из них предназначен для воздействия исключительно на зарубежную аудиторию и функционирует на английском языке. Личное присутствие политических деятелей в социальных сетях стоит в первых рядах наиболее успешных кейсов цифровой дипломатии в мировой практике. Отмечается, что публичная активность полити-

⁶ Аккаунты в социальных сетях. Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/press_service/social_accounts (дата обращения 7 февраля 2022).

⁷ «Налобин: молодежь сейчас активно интересуется внешней политикой» [Электронный ресурс] // Sputnik. 2017. 19 мая. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20170519/1494695030.html> (дата обращения 7 февраля 2022).

ков и первых лиц государства притягивает внимание миллионов пользователей. Успешные аккаунты имеют главы многих российских дипмиссий и представителей РФ в международных организациях⁸. Наиболее яркими могут считаться аккаунты официального представителя МИД М.В. Захаровой, которая стала инициатором и впоследствии куратором начала цифровизации внешнеполитической деятельности РФ. Дипломат считает, что неформальный и острый стиль общения в дипломатию привнесли сами интернет-пользователи и Россия должна осваивать такой подход, чтобы быть конкурентоспособной в коммуникациях с ними. Отмечается, что М.В. Захарова изменила функционал и образ должности официального представителя МИД и стала самостоятельным объектом публичной дипломатии России [Krasnyak 2020].

Аккаунты российских внешнеполитических представительств, посольств и консульств остаются крайне важным направлением цифровой дипломатии России. Их особая значимость пролеживалась на протяжении 2020–2022-х гг., когда мир охватила пандемия *COVID-19* и цифровая дипломатия стала неотделимым элементом международных отношений. Из числа российских ведомств наиболее эффективными являются аккаунты МИД России в социальных сетях *Twitter*, *Facebook* и «ВКонтакте» и *TikTok* (последние два рассчитаны скорее на внутреннюю российскую аудиторию и русскоговорящих граждан ближнего зарубежья). Оригинальность публикуемого контента заключается в размещении уникальных фото- и видеоматериалов, архивных документов, разоблачении фейковых материалов СМИ, прямых трансляций с официальных мероприятий и общении с аудиторией в комментариях к публикациям. Например, число подписчиков англоязычного аккаунта МИД РФ в *Twitter* (@*MEA_Russia*), который рассчитан исключительно на зарубежную аудиторию, насчитывает около 340 тыс. подписчиков на момент проведения данного исследования. Для сравнения, русскоязычный *Twitter*-аккаунт Госдепартамента США (@*USApoRusski*) насчитывает лишь 62 тыс. читателей. В 2020 г. в ежегодном отчете *World Leaders on Facebook* аккаунт российского МИД в социальной сети *Facebook* был назван самым активным профилем государственного ведомства в мире⁹. Значительный вклад в реализацию цифровой дипломатии России вносит подведомствен-

⁸ Российские дипломаты в социальных сетях. Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/rossijskie-diplomaty> (дата обращения 7 февраля 2022).

⁹ *World Leaders on Facebook 2020* [Электронный ресурс]. URL: <https://twiplomacy.com/blog/world-leaders-on-facebook-2020/> (дата обращения 7 февраля 2022).

ный МИДу англоязычный *Twitter*-аккаунт «Россия» (@Russia), информирующий зарубежную аудиторию о российских праздниках, традициях, важных исторических датах, спортивных достижениях, интересных фактах о великих деятелях прошлого и т. д. Свой вклад в отечественную цифровую дипломатию стали вносить проекты российских институтов публичной дипломатии (таких, как Фонд «Русский мир» и «Россотрудничество»).

Интернет-проектам российских СМИ уделяется огромная роль в российской цифровой дипломатии. В данном вопросе наиболее заметно выделяется телеканал *RT* (ранее *Russia Today*), который собирает многомиллионную аудиторию в зарубежном информационном пространстве, имеет четкую коммуникационную стратегию и является основным инструментом продвижения российской внешнеполитической позиции. На постсоветском пространстве эффективным каналом международного вещания является информационное агентство «Спутник» (*Sputnik*), являющееся одним из наиболее популярных СМИ в ряде стран СНГ¹⁰. Англоязычный ресурс *Russia Beyond*, существующий только в социальных сетях, рассказывает о России без привязки к политике, являясь проектом культурной дипломатии РФ.

Методы ведения информационных кампаний остаются важным направлением в вопросе эффективности цифровой дипломатии. Например, *продвижение хэштега*, консолидирующего общество и продвигающего тему публикации, прочно вошло в ее арсенал. Когда в 2018 г. россиянка М.В. Бутина была арестована в США, МИД РФ и заграничные учреждения начали продвигать хэштег #FreeMariaButina, организовав мощную цифровую кампанию. Кроме того, изображения М. Бутиной стали использоваться в качестве аватаров всех подведомственных российскому МИДу страниц.

Отдельного внимания стоит *активность учетных профилей в период кризисов и конфликтов*. Публикация оперативной информации, быстрые ответы на высказывания оппонентов, блокировка интернет-троллей, подготовка публикаций, отражающих позицию государства по определенным вопросам в легкой для восприятия форме и пр. демонстрируют качество работы посольств/консульств/ведомств или отдельных лиц в области цифровой дипломатии и отражают их умение работать с социальными сетями как инструментом влияния на аудиторию. Например, серия резких пу-

¹⁰ «Sputnik Казахстан» вошел в топ-3 самых цитируемых СМИ в соц-сетях [Электронный ресурс] // Sputnik. 2021. 17 марта. URL: <https://ru.sputnik.kz/society/20210317/16561171/sputnik-kazakhstan-top-3-smi.html> (дата обращения 7 февраля 2022).

бликаций государственного секретаря США М. Помпео в адрес России была немедленно прокомментирована официальным представителем отечественного МИД и процитирована англоязычным аккаунтом МИД РФ и аккаунтом посольства России в США.

Активное развитие цифровой дипломатии как мирового феномена заставило государство бороться с привлекательностью других стран, отстаивать собственные интересы на интернет-площадках, развивать кибербезопасность и вводить технологии по обработке цифровых данных интернет-пользователей.

Российская дипломатия данных: тенденции и перспективы

Дипломатия данных может считаться коллаборацией методов по обработке цифровых данных, новых технологий и науки о вычислениях с социологией, международными отношениями и дипломатическими переговорами [Цветкова, Кузнецов 2020; Дье 2015]. Так, США используют цифровые данные об интернет-пользователях для проектов своей публичной дипломатии и информационного сдерживания стран-оппонентов, а правительственные документы Китая подтверждают его стремление стать мировым лидером в области ИИ [Кузнецов, Цветкова 2021].

Развитие цифровой дипломатии и дипломатии данных России вызвало негативную реакцию в западных странах. Осознав всю силу информационного влияния официальной Москвы, американские и европейские эксперты принялись тщательно изучать ее публичную дипломатию на предмет функций и особенностей реализации. Мягкая сила России (а также Китая, Ирана и других недружественных США «авторитарных режимов») стала называться острой, коварной и хитрой и расцениваться как угроза «демократическому сообществу»¹¹. Так, с середины 2010-х гг. стали проводиться информационные атаки на российские каналы нововещания. Как отмечает Гарри Роунслэй, авторитет *RT* и других масс-медиа был серьезно подорван. Автор подчеркивает, что деятельность российских международных СМИ проходит по тонкой грани между публичной дипломатией и пропагандой, поскольку миссия журналистов – улучшать имидж страны под натиском «спроектирован-

¹¹ *Nye J.* How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. Jan. 24. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharppower-threatens-soft-power> (дата обращения 7 февраля 2022).

ного США информационного давления» [Rawnsley 2015, p. 281]. После президентских выборов в США 2016 г. западные авторы стали дискутировать над методологией российской острой силы. Использование «*армии интернет-троллей*» для дискредитации демократических режимов, чат-ботов для мгновенного реагирования на комментарии пользователей социальных сетей, массивы «про-российской пропаганды» – лишь часть длинного перечня «пагубного влияния» (*malign influence*) РФ в интернет-сети, по мнению западных политологов. К. Уолкер и Дж. Людвиг, авторы первых трудов о *sharp power*, и вовсе заявили, что любая внешнеполитическая деятельность России является именно «острой», ведь все ее силы направлены «на подрыв западного устройства»¹².

Обвинения в намеренном использовании Россией своей цифровой дипломатии для вмешательства в политическую жизнь «свободных демократий» стали отправной точкой к процессу глобального переосмысления цифровой дипломатии как явления. Острая сила, критикующие политическую жизнь в зарубежных странах информационные кампании и цифровые проекты, интеграция аналитики *Big Data*, использование ботов, блокчейна и пр. для ведения кибер-войн со странами-оппонентами стали трендами 2020-х¹³.

В отличие от США, в России пока не существует единой стратегии по работе с цифровыми данными и их использованию во внешнеполитической деятельности. В декабре 2019 г. указом президента В. Путина в МИД России был создан новый Департамент международной информационной безопасности (ДМИБ), основной функцией которого является разработка национальных мер по защите информации в области международных отношений и развитие международного интернет-сотрудничества по данному вопросу с зарубежными странами¹⁴. Создание департамента стало логичным следствием усиления роли дипломатии данных в мировой прак-

¹² Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2017. 16 Nov. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹³ Data Informed Diplomacy. Enterprise Data Strategy Empowering Data Informed Diplomacy [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Reference-EDS-Accessible.pdf> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁴ Указ Президента РФ от 27.12.2019 г. № 626 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865 “Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации” и в Положение, утвержденное этим Указом».

тике. В США, например, с 2011 г. успешно функционирует и развивается Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center*), являющийся негласным институтом дипломатии данных США¹⁵. Как отмечает директор нового департамента А.В. Крутских, его создание свидетельствует «об особом внимании российского руководства к решению всего комплекса проблем, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий» и обусловлено необходимостью адекватного реагирования «на новые вызовы и угрозы, возникающие в такой актуальной сфере, как информационное пространство». Отмечается, что защита персональных данных российских интернет-пользователей и сотрудничество с ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и европейскими странами в сферах кибербезопасности остаются приоритетными задачами нового центра [Крупских, Филаткина 2020].

Кибербезопасность и вовсе может считаться одной из немногих тем, по которым Россия ведет активное сотрудничество с США. Так, после российско-американского саммита в 2021 г. был запущен механизм двусторонних консультаций по киберугрозам. При президенте США Д. Трампе (2017–2021 гг.) Россия предлагала возобновить переговоры по этой теме. В сентябре 2020 г. российский лидер даже опубликовал заявление о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности. Интерес администрации Дж. Байдена был обусловлен ростом числа атак, в которых обвинялись так называемые русские хакеры, прежде всего на объекты критической инфраструктуры (например, на компанию *Colonial Pipeline*, оператора крупнейшего топливного трубопровода на Восточном побережье США)¹⁶. А в октябре 2021 г. Россия и США даже внесли на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН совместную резолюцию по информационной безопасности, которая была принята консенсусом.

Финансирование дипломатии данных России осуществляется через выделение отечественному МИДу средств на «оцифрование» его деятельности. На период 2021–2023 гг. правительство выделило 2,3 млрд руб. на нужды МИД РФ в области цифровой трансформации и закупки алгоритмов по усилению эффективно-

¹⁵ U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁶ Шакиров О. Женева спустя полгода [Электронный ресурс] // Вести. 2021. 11 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/01/10/904174-zheneva-polgoda> (дата обращения 7 февраля 2022).

сти цифровой дипломатии¹⁷. Эти показатели вполне сравнимы с финансированием дипломатии данных США, достигаемых порядка 800 млн долларов в год¹⁸.

В России аналитика *Big Data* активно ведется крупнейшими отечественными корпорациями и государственными компаниями, что крайне полезно в условиях современной реальности системы государственного управления. В частности, алгоритмы по сбору и обработке больших данных уже используют «Яндекс» и «Сбербанк» [Быков 2020]. Из негосударственных проектов также успешно работают независимый исследовательский центр «Диалог цивилизаций», выступающий площадкой для исследований в сфере международной безопасности и активно использующий цифровые площадки. Проект «Гуманитарный монитор» (@*humanitarianmonitor*) информирует аудиторию об аспектах международного гуманитарного сотрудничества России. Интерактивный портал проекта «Гуманитарная карта» использует открытые данные МИДа для визуализации помощи России другим странам. Например, кликнув на Вьетнам можно узнать, что в марте 2021 г. РФ поставила этой стране партию вакцины «Спутник V», а в сентябре – более 2 тыс. упаковок лекарственных препаратов. Категории на карте делятся по сферам (здравоохранение, продовольствие, образование и др.), организациям и годам¹⁹.

Активная интеграция работы с *Big Data* в политические процессы требует специальной подготовки будущих дипломатов и аналитиков российского МИДа. Подготовка «дата-дипломатов» для реализации внешнеполитических задач – мировая тенденция последних лет²⁰. В России изучение *data science в гуманитаристике* в целом и цифровизации международных отношений в частности также становится актуальной академической отраслью. Уже сейчас ведущие российские вузы прорабатывают образовательные

¹⁷ Королев Н., Гаврилюк А. По странам и контентам. МИД подключает искусственный интеллект к сбору данных [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2021. 9 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4763161> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁸ U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁹ Проект «Гуманитарная карта» [Электронный ресурс]. URL: <https://russianassistance.ru/> (дата обращения 7 февраля 2022).

²⁰ U.S. Department of State. Careers Representing America. Global Engagement Center [Электронный ресурс]. URL: <https://careers.state.gov/doffice/global-engagement-center-r-gec/> (дата обращения 7 февраля 2022).

программы, нацеленные на обучение студентов-гуманитариев методам работы с цифровыми данными. Как отмечает А.Н. Сытник, аналитика данных отражает расстановку политических сил в социальных сетях и предлагает исследователям такие новые методы изучения современных политических процессов, как «систематическое извлечение, обработку и визуализацию больших данных и малых данных из социальных сетей в целях осуществления прикладных исследований цифровизации дипломатии» [Сытник 2021, с. 222]. И если раньше изучение цифровой дипломатии со стороны экспертного и профессионального сообществ сводилось к количественным показателям аккаунтов в социальных сетях или числу цифровых проектов, то в последние годы эксперты все чаще обращаются к методам обработки социальных сетей и проводят качественный анализ их использования в публичной дипломатии. В сентябре 2021 г. премьер-министр РФ М. Мишустин утвердил пакет мер поддержки ИТ, в котором среди прочего упоминалось создание службы «цифровых атташе». Атташе должны оказывать консультационную, информационно-аналитическую, юридическую и организационную поддержку российским ИТ-компаниям в странах присутствия. В 2022 г. «цифровые атташе» начнут работу в 16 странах, а в 2024 г. география их присутствия расширится до 28 государств.

Все эти факты говорят о растущей роли дипломатии данных во внешней политике России. Стоит прогнозировать ее дальнейшее развитие. Вопрос о доступе к *Big Data* интернет-аудитории и методам их обработки остается ключевым для данного направления современных международных отношений. Поэтому стоит прогнозировать увеличение финансирования цифровой дипломатии и сфер, отвечающих за сферу кибербезопасности России.

Заключение

Дипломатия данных является новым феноменом международных отношений, отражающим важность цифровых данных во внешнеполитическом механизме современных государств. Россия может по праву считаться одним из лидеров среди стран, развивающим данное направление по коллаборации науки о данных и международных отношениях. Активное развитие цифровой дипломатии, методов по аналитике больших данных и архитектуры отечественной системы кибербезопасности подтверждают данный тезис.

Цифровизация политики уже стала «мейнстримом», и по своей значимости цифровая дипломатия встала на один уровень с

дипломатией традиционной. Россия должна быть готова к любым выпадам со стороны цифровой дипломатии соперников, будь то хакерские атаки, активность интернет-троллей или сбор информации о своих интернет-пользователях. Аналитика больших данных, использование искусственного интеллекта для подготовки эффективных постов и контр-месседжей, а автоматизированных ботов – для рассылки выгодной информации, создание массивов пропаганды, блокировка дезинформации и «троллей», использование новых медиа и всех доступных каналов распространения полезных новостей являются актуальными трендами международных отношений, и Россия должна быть готова к любым внешнеполитическим вызовам. Поэтому стоит отметить необходимость дальнейшего изучения дипломатии данных России, ее особенностей, технологий и роли во внешней политике.

Литература

- Быков 2020 – *Быков И.А.* Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. № 2. С. 23–33. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33.
- Крутских, Филаткина 2020 – *Крутских А.В., Филаткина В.В.* Новые горизонты российской кибердипломатии // Международная жизнь. 2020. № 12. С. 10–21.
- Кузнецов, Цветкова 2021 – *Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А.* Дипломатия данных Китая: сдерживание со стороны США // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы XI Междунар. научно-практич. конф. / Отв. ред. А.В. Друзяка. Благовещенск, 2021 С. 382–388.
- Сытник 2021 – *Сытник А.Н.* Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_sytnik.pdf (дата обращения 07.02.2022).
- Цветкова, Кузнецов 2020 – *Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М.* Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 27–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.
- Collins, Bekenova 2019 – *Collins N., Bekenova K.* Digital diplomacy: success in your fingers // Place branding and public diplomacy. 2019. No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1057/s41254-017-0087-1.
- Collins, DeWitt, LeFebvre 2019 – *Collins S.D., DeWitt J.R., LeFebvre R.K.* Hashtag diplomacy: twitter as a tool for engaging in public diplomacy and promoting US foreign policy // Place branding and public diplomacy. 2019. No. 2. P. 78–96. DOI: 10.1057/s41254-019-00119-5.

- Dye 2015 – *Dye T.* Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. Wash., D.C.: AAAS. 2015. P. 19–20.
- Krasnyak 2020 – *Krasnyak O.* Foreign ministry's spokesperson in public diplomacy: a case of Russia // Russian Journal of Communication. 2020. No. 2. P. 155–170. DOI: 10.1080/19409419.2020.1780630.
- Nye 2008 – *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616. P. 94–109.
- Rawsney 2015 – *Rawsley G.D.* To Know us is to Love us: Public Diplomacy and International Broadcasting in Contemporary Russia and China // Politics. 2015. No. 3/4. P. 273–286. DOI: 10.1111/1467-9256.12104.
- Simmons 2015 – *Simons G.* Aspects of Putin's appeal to international publics // Global Affairs. 2015. No. 2. P. 205–208. DOI: 10.1080/23340460.2015.1020727.

References

- Bykov, I. (2020), “Artificial Intelligence as a Source of Political Thinking”, *Journal of Political Research*, no. 2, pp. 23–33, DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33.
- Collins, N. and Bekenova, K. (2019), “Digital diplomacy: success in your fingers”, *Place branding and public diplomacy*, no. 1, pp. 1–11, DOI: 10.1057/s41254-017-0087-1.
- Collins, S.D., DeWitt, J.R. and LeFebvre, R.K (2019), “Hashtag diplomacy: twitter as a tool for engaging in public diplomacy and promoting US foreign policy”, *Place branding and public diplomacy*, no. 2, pp. 78–96, DOI: 10.1057/s41254-019-00119-5.
- Dye, T. (2015), “Data Diplomacy”, *American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference*, AAAS, Wash., D.C., pp. 19–20.
- Krasnyak, O. (2020), “Foreign ministry's spokesperson in public diplomacy: a case of Russia”, *Russian Journal of Communication*, no. 2, pp. 155–170, DOI: 10.1080/19409419.2020.1780630.
- Krutsikh, A. and Filatkina, V. (2020), “New Horizons of Russian Digital Diplomacy”, *The International Affairs*, no. 12, pp. 10–21.
- Kuznetsov, N. and Tsvetkova, N. (2021), “Data Diplomacy of China and US Policy of Deterrence”, in Druzyaka, A.V. (eds.), *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation], Blagoveshensk, pp. 382–388.
- Nye, J.S. (2008), “Public Diplomacy and Soft Power”, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, no. 1, pp. 94–109.
- Rawsley, G.D. (2015), “To know us is to Love Us: Public Diplomacy and International Broadcasting in Contemporary Russia and China”, *Politics*, no. 3–4, p. 273–286, DOI: 10.1111/1467-9256.12104.
- Simons, G. (2015), “Aspects of Putin's appeal to international publics”, *Global Affairs*, no. 2, pp. 205–208, DOI: 10.1080/23340460.2015.1020727.
- Sytnik, A.N. (2021), Digitalization and Big data in international relations: Theoretical, methodological and applied aspects, Ph.D. Thesis, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Tsvetkova, N. and Kuznetsov, N. (2020), “Phenomenon of Big data diplomacy in the world politics”, *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 27–44, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.

Информация об авторах

Никита М. Кузнецов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; nmkuznetsov@list.ru

Наталья А. Цветкова, доктор исторических наук, Ph.D. in Social and Behavioral Studies, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; n.tsvetkova@spbu.ru

Information about the authors

Nikita M. Kuznetsov, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; nmkuznetsov@list.ru

Natal'ya A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (History), Ph.D. in Social and Behavioral Studies, professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; n.tsvetkova@spbu.ru

Процесс принятия внешнеполитических решений в США на примере торговой войны с Китаем (2018–2020 гг.)

Роман Р. Романов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, roman-romanov-1998@list.ru*

Аннотация. В статье анализируется процесс выработки и реализации торговой стратегии Соединенных Штатов Америки в отношении Китайской Народной Республики в 2018–2020 гг. Автор пытается не только описать ход событий, но и комплексно изучить особенности процесса принятия решений в сфере торговли при Дональде Трампе.

Президент придерживался жесткой позиции и считал, что максимальное давление вынудит Пекин пойти на уступки. Можно выделить два аспекта, которые снизили эффективность этой стратегии. Первое: особенности личности Д. Трампа дестабилизировали дипломатический процесс. Непоследовательность и частые изменения в риторике углубили кризис китайско-американских отношений. Второе: изначально президент не понимал, как работает система принятия внешнеполитических решений. Создание команды по вопросам торговли заняло почти год. В итоге была сформирована группа, которой удалось выработать план взаимодействия с КНР, а также заручиться одобрением со стороны Конгресса. Однако она не смогла наладить систему постоянной коммуникации с президентом, который даже в период переговоров открыто противоречил позиции американской делегации.

Таким образом, несмотря на относительно эффективную систему принятия решений (с точки зрения структуры: советники, сотрудничество с профильными комитетами в конгрессе), Трампу не удалось создать долгосрочную стратегию для урегулирования коммерческих отношений между США и КНР.

Ключевые слова: США, КНР, двусторонние отношения, торговая война, глобальное противостояние

Для цитирования: Романов Р.Р. Процесс принятия внешнеполитических решений в США на примере торговой войны с Китаем (2018–2020 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 41–54. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-41-54

Foreign policy decision making in the United States on the example of the trade war with China (2018–2020)

Roman R. Romanov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
roman-romanov-1998@list.ru*

Abstract. The article studies the development and implementation process of the US trade strategy towards the People's Republic of China in 2018–2020. The author tries not only to describe the state of things but thoroughly analyze the peculiarities of the decision-making procedure in trade during Donald Trump's tenure.

The President was a hardliner and thought that maximum pressure would force Beijing to make concessions. We can discern two aspects which have decreased that strategy's efficiency. First, Trump's persona has destabilized the diplomatic process. Inconsistency and ever-changing rhetoric have deepened the crisis in the Sino-American relations. Second, right from the beginning, the president did not understand the way the decision-making process worked. The formation of the team in charge of trade took almost a year. In the end, a special group was set up; it managed to elaborate a plan of coordination with the PRC and also secure the Congress support. However, it was unable to establish a regular communication system with the president, who even during the negotiations was openly contradicting the official position of the US delegation.

Thus, despite a relatively efficient decision-making system (from a structural standpoint: advisors, cooperation with the Congressional Committees), Trump turned out to be inept to develop a long-term strategy to regulate the commercial relations between the USA and the PRC.

Keywords: USA, PRC, trade relations, trade war, global rivalry

For citation: Romanov, R.R. (2022), "Foreign policy decision making in the United States on the example of the trade war with China (2018–2020)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 41-54, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-41-54

Введение

Актуальность выбранной темы определяется несколькими факторами.

Во-первых, Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика – первые экономики мира, изменение торговой политики которых может оказать влияние не только на двусторонние коммерческие отношения, но и на развитие и стабильность системы международной торговли.

Во-вторых, до сих пор между КНР и США не структурировали правовую базу для развития торгового взаимодействия. В январе 2020 г. была заключена первая фаза сделки, но ее условия не выполняются ввиду продолжающегося эпидемиологического кризиса и некоторых взаимных противоречий.

В-третьих, несмотря на то что Дональд Трамп проиграл президентские выборы, нынешняя администрация продолжает использовать инструменты предыдущей: секторальные санкции, нетарифные ограничения. Риторика Джо Байдена более последовательна и менее агрессивна, тем не менее, исходя из общественного и двухпартийного консенсуса, Китай продолжает считаться одним из главных противников США на международной арене.

Цель статьи – отследить эффективность системы принятия внешнеполитических решений по торговым вопросам в президентство Д. Трампа.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить основных акторов в формировании коммерческих отношений;
- изучить процесс выработки торговой стратегии США;
- охарактеризовать влияние личности президента на развитие торговли с Китаем;
- проанализировать состав команды по решению торговых вопросов в 2017–2020 гг.

Для выполнения задач задействованы следующие методы исследования: *институциональный подход* позволил проанализировать современный процесс принятия внешнеполитических решений в США; *структурно-функциональный метод* способствовал пониманию механизма сдержек и противовесов в американской политической системе; *эмпирический метод* был задействован при изучении массовых опросов и статистики.

Формирование торговой стратегии: участники, юридическое обоснование

Согласно конституции Соединенных Штатов, регулировка торговых отношений входит в зону ответственности конгресса (глава I, часть 8, пункт 3)¹. Он может делегировать часть этих полномочий президенту с помощью специального акта, в котором изложены

¹ The U.S. Constitution, Article I, Section 8, C. 3 [Электронный ресурс] // Constitution Annotated. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/article-1/section-8/> (дата обращения 11 декабря 2021).

не только права, но и время, в течение которого глава государства может ими распоряжаться. Такая практика применялась до реформатирования процесса принятия решений в сфере торговли в 1960–1970-х гг.² Этим изменениям способствовала общая трансформация механизма выработки геополитической стратегии США во второй половине XX в. С началом холодной войны президент стал доминирующей фигурой во внешней политике Вашингтона. Этому способствовало два основных фактора. Во-первых, исторически возможности участия хозяина Белого дома в дипломатии были менее ограничены, так как конституция наделила его полномочиями главного переговорщика. Во-вторых, с началом холодной войны и созданием ядерного оружия полномочия главнокомандующего ВС, также гарантированные конституцией, стали основополагающими для обеспечения национальной безопасности в условиях противостояния двух сверхдержав.

Торговая политика в условиях противостояния двух систем (социалистической и капиталистической) стала одним из основных инструментов влияния Вашингтона³. Увеличение роли исполнительной власти в управлении коммерческими отношениями происходило постепенно. Из документов, обеспечивающих правовую базу действий президента в сфере торговли, можно выделить три основных: Закон о развитии торговли 1962 г.⁴, Акт о торговле 1974 г.⁵, Акт об экономических полномочиях 1977 г.⁶

Тем не менее система сдержек и противовесов продолжала функционировать. В документе 1962 г. Капитолий поддержал инициативу президента по созданию департамента *торгового послан-*

² Lewis C.D. Presidential Authority over Trade: Imposing Tariffs and Duties [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. 2016. December 9. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R44707.pdf> (дата обращения 21 ноября 2021).

³ Alessi C., McMahon R. U.S. Trade Policy [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. 2012. March 14. URL: <https://www.cfr.org/background/US-trade-policy> (дата обращения 11 декабря 2021).

⁴ Trade Expansion Act of 1962 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-76/pdf/STATUTE-76-Pg872.pdf> (дата обращения 11 декабря 2021).

⁵ Trade Act of 1974 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1978-2.pdf> (дата обращения 11 декабря 2021).

⁶ International Emergency Economic Powers Act of 1977 [Электронный ресурс] // The U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/house-bill/7738> (дата обращения 11 декабря 2021).

ника, который отвечал бы за ведение переговоров и стратегическое планирование, что позволяло конгрессу уменьшить роль министерства торговли и государственного департамента в торговой сфере (ведомства, напрямую подконтрольные президенту). Кроме того, конгресс сохранил за собой право ратифицировать итоговые соглашения, разработанные Белым домом.

Акт 1974 г. также гарантировал посланнику юридический статус, формально делая этот пост «кабинетным», но в то же самое время не находящимся под единоличным контролем главы исполнительной власти. Торговый представитель – это связующее звено между президентом и Капитолием (в первую очередь с Бюджетным комитетом⁷ палаты и сенатским комитетом по финансовым делам⁸) по вопросам торговых отношений. Также он отвечает за связи с представителями разных секторов экономики [McCormick 2018].

Инициативы главы государства проверяются независимым ведомством – комиссией по международной торговле США: состоит из шести секретарей, которых назначает президент и утверждает конгресс, количество представителей одной партии не может превышать трех человек. Таким образом, минимизируется возможность вынесения предвзятого и политически мотивированного решения. Задачей организации является рассмотрение заявлений компаний, рассчитывающих на поддержку со стороны федерального правительства, а также консультирование властей по вопросам тарифного и иного регулирования коммерческих отношений [McCormick 2018].

Таким образом, со второй половины XX в. основными акторами в процессе принятия решений в торговой сфере являлись: президент, торговый посланник, конгресс (*первый эшелон*); Министерство торговли, комиссия по внешней торговле (*второй эшелон*); а также профильные ведомства и представители бизнеса (*третий эшелон*). Были попытки минимизации роли посланника со стороны Белого дома – при Р. Никсоне и Р. Рейгане, – однако Капитолий пресекал эти действия дополнительными законопроектами, направленными на увеличение автономии главного переговорщика [McCormick 2018, pp. 286, 288].

⁷ Ways and Means Committee [Электронный ресурс] // US Congress. URL: <https://waysandmeans.house.gov> (дата обращения 24 ноября 2021).

⁸ Senate Committee on Finance [Электронный ресурс] // US Senate. URL: <https://www.finance.senate.gov> (дата обращения 24 ноября 2021).

*Торговая стратегия в отношении Китая
в президентство Дональда Трампа:
команда и реализация*

Для более детального понимания коммерческой политики США в 2017–2021 гг. также необходимо изучить позицию и стиль работы внутри Белого дома в этот период. На протяжении многих лет, еще будучи бизнесменом, Дональд Трамп настаивал на необходимости ведения жесткой торговой политики. В своей книге «Искусство сделки», опубликованной в 1987 г., он писал, что своим успехом Япония обязана «одурачиванию» Соединенных Штатов «корыстной торговой политикой» [Trump et al. 1987, p. 146]. Трамп уверен, что отрицательный торговый баланс – показатель замедления экономики, хотя базовая теория и факты утверждают обратное. Например, резкое снижение торгового дефицита США произошло в 2008 г. во время Великой рецессии⁹. Также бывший президент был убежден в возможности полного восстановления производственных рабочих мест, игнорируя такие факторы, как цифровизация экономики, ИИ, которые способствуют трансформации рынка труда. Директор национального экономического совета Гэри Коэн пытался объяснить это президенту, но тот утверждал, что не понимает. На вопрос советника, почему он придерживается таких взглядов, Трамп предположительно ответил: «Я просто верю. Это моя позиция на протяжении 30 лет» [Woodward 2018, pp. 121–124].

Стиль работы президента формировался исходя из его опыта управления компанией. Одним из элементов было создание пула советников, которые за счет высокого уровня конкуренции¹⁰ смогут достичь более продуктивного и правильного результата, иначе говоря, того, что нужно главе корпорации. Трамп неоднократно заявлял, что ему нужны люди с инстинктом «убийцы»¹¹, это была часть его жизненной философии [Sims 2019]. В этом заключалась одна из основных проблем – президент не понимал, как функцио-

⁹ *Buchholz K.* U.S. – China Trade Deficit Keeps Growing Despite Tariffs [Электронный ресурс] // Statista. 2019. May 10. URL: <https://www.statista.com/chart/16629/china-us-trade-deficit-grows/> (дата обращения 21 ноября 2021).

¹⁰ *Wright T.* Trump's team of rivals, riven by distrust [Электронный ресурс] // The Brookings Institution. 2016. December 15. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2016/12/15/trumps-team-of-rivals-riven-by-distrust/> (дата обращения 22 ноября 2021)

¹¹ «Убийца» как человек, достигающий результатов любым путем. В английском используется слово “killer”. «Убийца» в значении «преступник» – “murderer”.

нирует политическая система Соединенных Штатов и пытался выстраивать корпоративную модель управления госаппаратом.

Ввиду этих факторов с самого начала администрация столкнулась с тремя проблемами в формировании стратегии по реформированию торговли.

Во-первых, не была налажена структура взаимодействия между профильными органами. В январе 2017 г. создали две новые должности: главный стратег Белого дома и директор Национального торгового совета. Первая существовала параллельно с офисом советника при президенте США, вторая – с главой Национального экономического совета и торгового посланника.

Во-вторых, один из основных акторов в переговорном процессе по коммерческим – торговый посланник – в первые месяцы администрации не был утвержден конгрессом, это произошло только в мае 2017 г.

В-третьих, нежелание президента изменить свое мнение относительно отрицательного сальдо и тарифов не позволяло наладить полноценный процесс по выработке торговой стратегии.

В период после инаугурации до мая 2017 г. сложилось несколько условных групп интересов в сфере торговли: Коэн-Портер (*голуби*), Бэннон-Наварро (*ястребы*), Мнучин-Росс (*ястребы*). Ястребы доминировали в администрации, их также можно разделить на две группы: радикальные и умеренные. К первым относятся Бэннон, Наварро. Представителем второй являлся Стивен Мнучин, который поддерживал торговую политику президента, но настаивал на более конструктивном подходе¹².

Также необходимо понимать, что взаимодействие этих групп происходило в контексте конкуренции двух больших: команда Стивена Бэннона и сторонники Иванки Трамп и Джаредда Кушнера. Состав коалиций постоянно менялся, борьба между родственниками Трампа и его главным стратегом отразилась на функционировании исполнительной власти.

До утверждения Роберта Лайтхайзера в качестве торгового посланника Стивен Бэннон взял на себя управление коммерческими отношениями вместе с Питером Наварро. Их цель – пересмотреть сделки сразу с несколькими сторонами: партнеры по НАФТА, ЕС и Китай. Он был убежден в возможности второго индустриального века Америки [Wolff 2018], который мог наступить, по мнению Бэннона, только после ликвидации торговой системы, сложив-

¹² *White B.* War inside Trump trade team triggers global angst [Электронный ресурс] // Politico. 2018. May 31. URL: <https://www.politico.com/story/2018/05/31/donald-trump-economic-advisers-trade-war-616110> (дата обращения 22 ноября 2021).

шейся в эпоху глобализации¹³. С января по апрель Бэннон обладал наибольшим влиянием на президента. За это время не была сформирована структура действий, главный стратег при президенте предлагал действовать как можно быстрее: оказать максимальное давление на оппонентов и обойти конгресс, применив привилегии исполнительной власти [Davis, Wei 2020].

Эри Коэн (глава НЭК¹⁴) и Роб Портер пытались помешать группе Бэннона-Наварро. Так, состав национального совета по торговле¹⁵ (возглавлял П. Наварро) не был утвержден, а офис находился вне Белого дома. Кроме того, некоторые запросы Наварро о встрече не доходили до президента, так как Портер их умышленно перехватывал [Davis, Wei 2020]. Отсутствие торгового посланника и параллельное вовлечение разных ведомств дезориентировало торговую стратегию США: проблема отсутствия консенсуса отягощалась постоянным вмешательством ведомств в дела друг друга.

Первый этап переговоров с Поднебесной поручили организовать Уилбр Россу и Стивену Мнучину, главы министерства торговли и финансов заменяли торгового посланника. Проблема заключалась в том, что китайская сторона внесла все предложения, которые делались Вашингтону с 2006 г. (*возможность экспортировать говядину, начать процесс лицензирования Visa и Master Card*) – не были согласованы структурные факторы взаимодействия (*субсидии, девальвация*). Кроме того, Росс пытался договориться о снижении производственных мощностей китайской сталелитейной промышленности на 15–20% [Davis, Wei 2020], что помогло бы американским компаниям, в которые инвестировал Росс¹⁶.

Однако в мае конгресс утвердил Роберта Лайтхайзера в качестве торгового посланника. Он намеревался достичь не столько торгового баланса с Пекином, сколько структурных изменений в китайской экономике, что ставило под сомнение достижение тандема Росс – Мнучин. Его мнение совпадало с позицией министра

¹³ Chu B. What is Steve Bannon's 'economic nationalism'? And should we be scared? [Электронный ресурс] // The Independent. 2017. February 24. URL: <https://www.independent.co.uk/news/business/news/steve-bannon-economic-nationalism-what-is-it-explained-donald-trump-cpac-2017-a7598181.html> (дата обращения 22 ноября 2021).

¹⁴ Национальный экономический совет – аналог СНБ по экономическим вопросам. В торговой сфере полномочия НЭК ограничиваются департаментом торгового посланника.

¹⁵ НСТ – ведомство, созданное Д. Трампом для выработки торговой стратегии, частично осуществляющее функции департамента торгового посланника. По сути, не действовал.

¹⁶ Wilbur Ross Portfolio [Электронный ресурс] // Guru Focus. URL: <https://www.gurufocus.com/guru/wilbur+ross/current-portfolio/top-holdings> (дата обращения 23 ноября 2021).

финансов (*Мичуин*) и главы совета экономической безопасности (*Г. Коэн*). Также Лайтхайзер был сторонником оказания давления на Китай – это привлекло на его сторону Наварро. Новый посланник изложил свое мнение президенту, в июле подписание соглашения было отменено, Росс был отстранен от переговорного процесса [Davis, Wei 2020]. Роберт Лайтхайзер начал сближаться с Джаредом Кушнером (основной противник С. Бэннона), а уже в августе Стивен Бэннон был уволен [Davis, Wei 2020].

Торговый посланник наладил систему взаимодействия между конгрессом и Белым домом, а также оптимизировал консультации с комиссией по международной торговле. Партнерские отношения с Кушнером дали возможность выстроить диалог с президентом, непостоянство и непредсказуемость которого продолжали создавать проблемы переговорному процессу.

Р. Лайтхайзер предложил действовать в соответствии с конституционными нормами и обратиться к части 301 акта 1974 г., которая позволяла Д. Трампу вводить тарифные и нетарифные ограничения. Тем самым он предотвращал возможность обвинений в превышении полномочий и обеспечивал правовую базу для действий администрации. Лайтхайзер на протяжении всех 4 лет активно консультировался с комиссией по международной торговле (2017 г.¹⁷, 2018 г.¹⁸, 2019 г.¹⁹, 2020 г.²⁰). Ведомство, несмотря на перевес в пользу

¹⁷ Initiation of Section 301 Investigation [Электронный ресурс] // Federal Register. 2017. August 24. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/08/24/2017-17931/initiation-of-section-301-investigation-hearing-and-request-for-public-comments-chinas-acts-policies> (дата обращения 24 ноября 2021).

¹⁸ Request for Comments Concerning Proposed Modification of Action Pursuant to Section 301: China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation [Электронный ресурс] // Federal Register. 2018. July 17. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/07/17/2018-15090/request-for-comments-concerning-proposed-modification-of-action-pursuant-to-section-301-chinas-acts> (дата обращения 24 ноября 2021).

¹⁹ U.S. – Korea FTA: Advice on Modifications to Certain Textile and Apparel Rules of Origin [Электронный ресурс] // USITC. 2019. July. URL: <https://otexa.trade.gov/PDFs/USITC%20advice%20on%20KORUS%20FTA%20modifications%20to%20certain%20rules%20of%20origin.pdf> (дата обращения 24 ноября 2021).

²⁰ USTR Requests the International Trade Commission Commence a Section 201 Global Safeguard Investigation for Blueberries [Электронный ресурс] // Office of the USTR. 2020. September 29. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2020/september/ustr-requests-international-trade-commission-commence-section-201-global-safeguard-investigation> (дата обращения 24 ноября 2021).

демократов 3 к 2 (одно место оставалось вакантным), в некоторых случаях поддерживало повестку администрации²¹. Также торговый посланник сумел наладить отношения с профильными комитетами в конгрессе даже после победы демократов в палате представителей²², чем гарантировал продление парламентского механизма «fast track», позволяющего президенту предоставлять Капитолию уже готовое соглашение на рассмотрение без предварительного вмешательства законодательной власти [McCormick 2018].

Роберт Лайтхайзер работал над созданием новых механизмов регулирования американо-китайских коммерческих отношений. В долгосрочной перспективе они должны были сгенерировать структурные изменения в торговой политике КНР. Он настаивал на максимальном давлении и постепенном усилении тарифного режима. Благодаря многолетнему опыту Лайтхайзеру удалось наладить межинституциональное сотрудничество (президент–Конгресс–экспертиза). Однако эти успехи не способствовали полной стабилизации и структурированию торговой стратегии, так как Лайтхайзер и остальные советники не смогли убедить президента в важности долгосрочной стратегии.

Одним из примеров является внесение Huawei в «список организаций»²³ в мае 2019 г. (список юридических лиц, которые рассматриваются правительством США в качестве угрозы национальной безопасности). Согласно этому решению, желающие проводить транзакции с компанией-фигурантом должны подать заявление на получение лицензии от бюро производства и безопасности при Министерстве торговли. Однако ведомство официально придерживалось принципа «презумпции отказа», что ограничивало возможность одобрения запроса в большинстве случаев²⁴.

²¹ US trade agency rules imports harmed solar panel makers, setting up Trump tariff decision [Электронный ресурс] // CNBC. 2021. September. URL: <https://www.cnbc.com/2017/09/22/us-trade-agency-rules-imports-harmed-solar-panel-makers.html> (дата обращения 24 ноября 2021).

²² 2019 Trade Policy Agenda and 2018 Annual Report of the President of the United States on the Trade Agreements Program [Электронный ресурс] // Office of the United States Trade Representative. 2018. March. P. 274. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2019_Trade_Policy_Agenda_and_2018_Annual_Report.pdf (дата обращения 25 ноября 2021).

²³ Entity List [Электронный ресурс] // U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.commerce.gov/tags/entity-list> (дата обращения 25 ноября 2021).

²⁴ Five things to know about the US 'blacklist' on Huawei [Электронный ресурс] // Nikkei Asia. 2019. May 17. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade-war/Five-things-to-know-about-the-US-blacklist-on-Huawei> (дата обращения 25 ноября 2021).

Президент при содействии Джона Болтона объявил об этих мерах, когда Лайтхайзер и Мнучин вели переговоры в Пекине. Процесс, по воспоминаниям очевидцев, мог завершиться согласованием торговой сделки между США и КНР в мае 2019 г. Посланник и министр финансов были против санкций в отношении телекоммуникационной компании, однако не высказали свое мнение. Трамп рассматривал инициативу СНБ как дополнительный инструмент воздействия на Поднебесную, что усилит позицию Соединенных Штатов во время переговоров. Однако Болтон настаивал на более жестких действиях: размещение в Азии баллистических ракет средней дальности и увеличение поставок военной техники Тайваню.

Китайцы приостановили переговоры. Стратегия максимального давления не сработала. Шаг Белого дома был признан ошибочным (без официальных заявлений), буквально через пять дней администрация начала смягчать меры, направленные против Huawei²⁵. Однако инициатива по внесению компании в список была одобрена конгрессом, который попытался лишить президента возможности отменить это решение без одобрения со стороны Капитолия, но закон до сих пор не имеет юридической силы²⁶. Одной из возможных причин является желание Трампа и его команды продолжить переговоры, что и произошло в преддверии саммита G20 в Осаке, Р. Лайтхайзер еще до мероприятия назначил встречу с китайцами²⁷.

Очередной этап диалога длился до августа, большинство высокопоставленных членов кабинета убеждали президента выделить дополнительное время [Davis, Wei 2020]. Трамп, в свою очередь, требовал немедленно заключить сделку по поставке сельскохозяйственной продукции (*летом 2019 г. экстремальная жара ухудшила урожайность*²⁸, а федерального финансирования было недостаточ-

²⁵ Trump Administration Eases Ban On Huawei After Technology Stocks Tumble [Электронный ресурс] // NPR. 2019. May 20. URL: <https://www.npr.org/2019/05/20/724910121/after-trump-ban-huawei-phones-will-lose-access-to-google-software> (дата обращения 25 ноября 2021).

²⁶ H.R.3759 – Defending America’s 5G Future Act [Электронный ресурс] // Congress of the United States. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3759> (дата обращения 25 ноября 2021).

²⁷ US Trade Representative Robert Lighthizer says he will meet with Chinese counterpart ahead of Trump-Xi meeting at G-20 [Электронный ресурс] // CNBC. 2019. June 19. URL: <https://www.cnbc.com/2019/06/19/ustr-lighthizer-will-meet-with-chinese-counterpart-before-trump-xi-meet-at-g-20.html> (дата обращения 25 ноября 2021).

²⁸ ‘It never stops’: US farmers now face extreme heat wave after floods and trade war [Электронный ресурс] // CNBC. 2019. July 20. URL: https://www.cnbc.com/2019/07/19/extreme-heat-wave-hits-us-farmers-already-suffering-from-flooding.html?__source=iosappshare%7Cph.telegra.Telegraph.Share (дата обращения 25 ноября 2021).

но, чтобы покрыть убытки фермеров от погодных условий и торговой войны. Сельские жители – одна из самых важных электоральных групп для Трампа). Президент не послушал советников и объявил о новых тарифных ограничениях в своем аккаунте в Twitter.

Изначально Трамп не пытался детально изучить вопрос. По свидетельству очевидцев, он всегда смотрел на ситуацию через призму соотношения экспорта к импорту, структурные вопросы его не интересовали. Основной целью было обеспечить поставки продукции и товаров, которые относились либо к региону, либо к группе населения, которые были необходимы для переизбрания в 2020 г. Эту стратегию можно объяснить теорией, разработанной А. Минцем. Согласно полиэверистической модели, глава государства принимает решения исходя исключительно из своих политических интересов [Mintz 2003]. Главная цель Трампа – переизбрание, долгосрочная реформа торговой системы (требующая большего времени на реализацию) не способствовала решению центральной проблемы для президента.

Однако общественные опросы показывали непопулярность торговой войны²⁹, результаты промежуточных выборов это доказали: республиканцы проиграли в округах, наиболее пострадавших от тарифов³⁰. Тем не менее президент не отказался от стратегии максимального давления. Это также можно объяснить самоуверенностью Трампа. Решатель³¹ продолжает действовать определенным образом, несмотря на продолжительное ухудшение ситуации. Этот процесс называется иррациональной эскалацией обязательства (“irrational escalation of commitment”), актер пытается преодолеть проблему, затрачивая все больше ресурсов [Kahneman, Tversky 1979].

Непоследовательность и непредсказуемость президента способствовали срыву стабильного переговорного процесса. Трамп считал себя основным «мастером сделок», мнение советников в большинстве случаев игнорировалось, или он мог сначала согласиться с противоположной позицией, но в итоге сделать по-своему. То же самое касается экспертно-аналитического сообщества. Трамп кон-

²⁹ Trump’s tariffs were already unpopular with voters before he fired his latest shot in the China trade war [Электронный ресурс] // CNBC. 2018. September 18. URL: <https://www.cnbc.com/2018/09/18/trump-tariffs-on-china-are-unpopular-ahead-of-2018-midterms.html> (дата обращения 25 ноября 2021).

³⁰ Blanchard E.J., Bown C.P., Chor D. Did Trump’s Trade War Impact the 2018 Election [Электронный ресурс] // Business Insider. 2019. November 26. URL: <https://www.chadpbown.com/wp-content/uploads/2019/11/BBC-November-2019.pdf> (дата обращения 25 ноября 2019).

³¹ Decision-maker.

сультивировался по общим вопросам внутренней и международной политики, но торговля не обсуждалась – инструмент был определен (*тарифы*), стратегия (*максимальное давление*) оставалась неизменной. Представители больше 60 центров сотрудничали с администрацией, основным мозговым тростом для президента был Heritage Foundation. Согласно внутреннему исследованию, администрация Трампа использовала $\frac{2}{3}$ рекомендаций центра³². Несмотря на это, Белый дом не учитывал аналитические записки и консультации центра, которые опровергали эффективность тарифных ограничений³³.

Заключение

На основании всего перечисленного можно сделать два основных вывода.

Во-первых, с точки зрения процесса принятия решений торговая политика Трампа – одна из самых системных сфер его президентства. Белый дом сумел создать команду, наладить взаимодействие с конгрессом. Решения принимались в рамках актуального законодательства, что позволило президенту осуществлять коммерческую стратегию практически единолично.

Во-вторых, несмотря на эти преимущества, эффективная реализация торговой политики, особенно на китайском направлении, саботировалась нерациональностью и непредсказуемостью президента. Учитывая особенности механизма принятия решений в США, консенсус законодательной и исполнительной власти – один из главных факторов в создании правовой базы отношений (например, заключение договора). Но наличие согласия между Капитолием и Белым домом не помогло осуществить структурную реформу американо-китайских отношений из-за неготовности президента выработать долгосрочную стратегию. Пренебрежение дипломатическим протоколом, нарушение договоренностей и чрезмерное давление – все это стало причиной увеличения недоверия между США и КНР, соответственно, минимизировало возможности на заключение комплексного торгового соглашения.

³² Think Tanks, Trump Town [Электронный ресурс] // ProPublica. URL: https://projects.propublica.org/trump-town/organization_categories/think-tanks (дата обращения 25 ноября 2021).

³³ Walters R. A Major Threat to Our Economy – Trump's Trade War with China Is Neither Good nor Easy to Win [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. 2019. October 1. URL: <https://www.heritage.org/trade/commentary/major-threat-our-economy-trumps-trade-war-china-neither-good-nor-easy-win> (дата обращения 25 ноября 2021).

Литература

- Davis, Wei 2020 – *Davis B., Wei L. Superpower Showdown*. N.Y.: Harper Business, 2020. 480 p.
- Kahneman, Tversky 1979 – *Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // Econometrica*. 1979. March. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.
- McCormick 2018 – *McCormick J.M. The Domestic Sources of American Foreign Policy. Insights and Evidence*. N.Y.: Rowman & Littlefield, 2018. 471 p.
- Mintz 2003 – *Mintz A. Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 184 p.
- Sims 2019 – *Sims C. Team of Vipers. My 500 Extraordinary Days in the Trump White House. Former special assistant to the president*. N.Y.: Thomas Dunne Books & St. Martin's press, 2019. 384 p.
- Trump 1987 – *Trump D. The Art of the Deal*. N.Y.: Ballantine Books, 1987. 303 p.
- Wolff 2018 – *Wolff M. Fire and Fury: Inside the Trump White House*. N.Y.: Henry Holt and Company, 2018. 321 p.
- Woodward 2018 – *Woodward B. Fear. Trump in the White House*. N.Y.: Simon & Schuster, 2018. 448 p.

References

- Davis, B. and Wei, L. (2020), *Superpower Showdown*, Harper Business, N.Y., USA.
- Kahneman, D. and Tversky, A. (1979), "Prospect theory: an analysis of decision under risk", *Econometrica*, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
- McCormick, J.M. (2018), *The Domestic Sources of American Foreign Policy. Insights and Evidence*, Rowman & Littlefield, N.Y., USA.
- Mintz A. (2003), *Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making*, Palgrave Macmillan, N.Y., USA.
- Sims, C. (2019), *Team of Vipers. My 500 Extraordinary Days in the Trump White House. Former special assistant to the president*, Thomas Dunne Books & St. Martin's press, N.Y., USA.
- Trump, D. (1987), *The Art of the Deal*, Ballantine Books, N.Y., USA.
- Wolff, M. (2018), *Fire and Fury: Inside the Trump White House*, Henry Holt and Company, N.Y., USA.
- Woodward, B. (2018), *Fear. Trump in the White House*, Simon & Schuster, N.Y., USA.

Информация об авторе

Роман Р. Романов, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; roman-romanov-1998@list.ru

Information about the author

Roman R. Romanov, master's degree student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; roman-romanov-1998@list.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-41-55-66

Исламо-фундаменталистские группы и движения в Королевстве Саудовская Аравия

Сергей Ю. Серёгичев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sers80@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен краткий анализ основных исламо-фундаменталистских групп и движений в Королевстве Саудовская Аравия, включая организации экстремистской направленности, которые активно используют в своей деятельности террористические методы борьбы. Изучены основные этапы формирования саудовских исламо-экстремистских движений. Первые контакты между властями Королевства и исламистами в лице «Братьев-мусульман» состоялись во второй половине 1930-х гг. В 1950-х гг. некоторые члены египетских «Братьев-мусульман», спасаясь от репрессий со стороны египетского лидера Гамалы Абдель Насера, получили работу и убежище на территории Саудовской Аравии. К концу 1960-х гг. в королевстве активно развивались два течения исламского фундаментализма: ас-Сахва аль-исламийя и аль-Джамаа ас-салафийя аль-мухтасиба. Первое было относительно умеренным течением, выступавшим за политические реформы под эгидой королевской власти. Оно имело множество сторонников и быстро стало основным направлением развития исламо-фундаменталистской мысли и практики. Второе течение, напротив, выбрало в 1970-х гг. путь стремительной радикализации, завершившийся трагическими событиями 1979 г. в Мекке. Война в Афганистане и размещение на территории Саудовской Аравии многочисленного многонационального контингента вооруженных сил для освобождения захваченного Ираком Кувейта стали новыми факторами радикализации членов саудовских исламо-фундаменталистских групп и движений.

Ключевые слова: исламский радикализм, Братья-мусульмане, ас-сахва аль-исламийя, Саудовская Аравия, аль-Джамаа ас-салафийя аль-мухтасиба

Для цитирования: Серёгичев С.Ю. Исламо-фундаменталистские группы и движения в Королевстве Саудовская Аравия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 55–66. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-41-55-66

© Серёгичев С.Ю., 2022

Islamic fundamentalist groups and movements in the Kingdom of Saudi Arabia

Sergei Yu. Seregichev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, sers80@mail.ru

Abstract. The paper provides a brief analysis of the main Islamic fundamentalist groups and movements in the Kingdom of Saudi Arabia, including extremist organizations that actively use terrorist methods of struggle for the power. The main stages of the formation of Saudi Islamic extremist movements are studied. The first contacts between the authorities of the Kingdom and the Islamists represented by the Muslim Brotherhood took place in the second half of the 1930s. In the 1950s, some members of the Egyptian Muslim Brotherhood, fleeing repression by Egyptian leader Gamal Abdel Nasser, received jobs and shelter in Saudi Arabia. By the end of the 1960s, two trends of Islamic fundamentalism were actively developing in the Kingdom: al-Sahva al-Islamiyya and al-Jamaa al-Salafiyya al-Muhtasiba. The first was a relatively moderate current, advocating for political reform under the auspices of royal authority. It had many supporters and quickly became the mainstream of Islamic fundamentalist thought and practice. The second movement, on the contrary, chose the path of rapid radicalization in the 1970s, culminating in the tragic events of 1979 in Mecca. The war in Afghanistan and the deployment of a large multinational force in Saudi Arabia to liberate Kuwait have become the new factors in the radicalization of the members of Saudi Islamic fundamentalist groups and movements.

Keywords: Islamic radicalism, Muslim Brotherhood, As-Sahwa Al-Islamiyya, Saudi Arabia, al-Jamaa al-Salafiyya al-Muhtasiba

For citation: Seregichev, S.Yu. (2022), "Islamic fundamentalist groups and movements in the Kingdom of Saudi Arabia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 55-66, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-41-55-66

Исламский радикализм и его течения являются крайне деликатной темой как во внешней, так особенно во внутренней политике Королевства Саудовская Аравия (КСА). Такое положение вещей сохраняется десятилетиями, уходя своими корнями в ранний период истории самого КСА. Одним из последствий данного подхода официального Эр-Рияда к этой проблеме является недостаточная изученность вопроса деятельности в КСА радикальных исламских групп и организаций в современной отечественной арабистике. В настоящее время, как отмечает Г.Г. Косач, для обозначения в медийном пространстве Саудовской Аравии исламских радикальных (в том числе и вооруженных) групп и движений местными

СМИ активно используется термин «заблудшая секта» (*аль-фия ад-далля*) [Косач 2007, с. 56]. Это намеренно делается властями с целью лишить исламских радикалов всякой легитимности в глазах основной массы верующих, представив их маргинальными изгоями, не имеющими ничего общего с единым сообществом мусульман-уммой.

История деятельности исламских радикалов в КСА насчитывает многие десятилетия. Неофициальные контакты между руководством КСА и «Братьями-мусульманами» начались еще в 1936 г., когда Хасан аль-Банна отправился в Саудовскую Аравию, чтобы создать там местное отделение своей организации. Король Абдул Азиз не разрешил «Братьям-мусульманам» в открытую вербовать своих сторонников, но и не запретил подобную практику вообще. Также монарх оказал финансовую поддержку организации аль-Банна [Alterman 2015, p. 150].

Новый этап отношений между КСА и исламистами пришелся на первую половину 1950-х гг. В 1954 г. после начала в Египте полномасштабной компании репрессий против членов «Братьев-мусульман» Саудовская Аравия предоставила свое гражданство некоторым «братьям». Это было связано не только и не столько с идеями общемусульманской солидарности, сколько с нуждой молодого саудовского государства в более или менее квалифицированных кадрах для создания современных систем образования и финансов в условиях все возрастающих нефтяных доходов. Кроме этого, Эр-Рияд, предоставляя убежище и работу для членов «Братьев-мусульман», руководствовался и тем соображением, что популярный на арабской улице левый светский национализм Насера несет безусловную угрозу КСА, а потому и действовал в духе известной максимы «Враг моего врага – мой друг», консолидируя антинасеровские группы и движения в регионе [Alterman 2015, p. 151].

По мнению Томаса Хеггхаммера и Стефана Лакруа, в 1950–1960 гг. в королевстве зародились два разных типа исламистских движений: *ас-Сахва аль-исламия* («Исламское пробуждение») и движение *аль-Джамаа ас-салафия аль-мухтасиба* (Ревизионистская салафитская группа) [Hegghammer, Lacroix 2007, p. 105].

Первое из них, *ас-Сахва аль-исламия*, было основным магистральным направлением развития исламизма в стране. «Питательной средой» для этого движения стали «молодые» саудовские университеты, наполненные членами «Братьев-мусульман», бежавшими от репрессий в своих странах. Эти люди быстро освоились на новой родине и образовали «хребет» систем образования и масс-медиа. Во многом благодаря активности «братьев» *ас-Сахва аль-исламия* быстро завоевала саудовскую университетскую

среду, подготовив почву для создания в КСА в 1990-х гг. движения исламского реформизма. В идеологическом плане ас-Сахва аль-исламиий представляет собой своеобразную смесь традиционного ваххабизма (когда речь идет о социальных вопросах) и более современного подхода «Братьев-мусульман» (особенно в политической сфере: приверженцы движения стремятся реформировать политику государства, не ставя при этом под сомнение его легитимность) [Hegghammer, Lacroix 2007, p. 105].

Второе движение – Джамаа ас-салафийя аль-мухтасиба – возникло в 1960-х гг. Оно образовалось в Медине (хотя его активисты были родом из северо-западных районов Неджда) на базе группы молодых сотрудников Лиги поощрения добродетели и осуждения греха [Косач 2017, с. 643]. Его лидером был Джухейман бин Мухаммад бин Саеф аль-Утейби (ветеран Национальной гвардии, бывший студент Исламского университета Медины) [Commins 2006, p. 164]. Томас Хеггхаммер и Стефан Лакруа составили обобщенный социально-экономический портрет членов аль-Джамаа ас-Салафийя аль-Мухтасиба:

- большинство членов группы были молодыми и холостыми мужчинами;
- возраст участников колебался от 14–15 до 40 лет, но больше всего было 25-летних мужчин;
- многие члены движения были сельскими бедняками, не сумевшими адаптироваться к реалиям городской жизни;
- часть членов аль-Джамаа ас-салафийя аль-мухтасиба были иностранцами;
- активисты движения отказывались по идеологическим причинам занимать должности в государственном аппарате (даже самые незначительные), что часто способствовало их еще большей маргинализации [Hegghammer, Lacroix 2007, p. 107–108].

По мнению Д. аль-Утейби, не-курайшитское происхождение правящей династии Аль Саудов (т. е. они не являются прямыми потомками выходцев из племени пророка Мухаммеда) лишало их права на исламское лидерство¹. В число других политических требований Д. Аль-Утейби входили:

- построение в Саудовской Аравии режима, основанного исключительно на исламе, его культуре и ценностях;
- отказ от ценностей «продажного» Запада, разрыв дипотношений с западными государствами;

¹ *Аль-Утейби Д.* Джухайман валь-Хакмиий. 2015. 20 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamist-movements.com/25726> (дата обращения 27 февраля 2021).

- свержение монаршего дома Аль Сауд, виновного в разграблении страны иностранцами;
- прекращение экспорта нефти в США [Kéhicichian 1990, p. 12].

Кульминация в деятельности аль-Джамаа ас-Салафия аль-Мухтасиба наступила 20 ноября 1979 г., когда группа из примерно 300 человек во главе с Д. аль-Утейби взяла штурмом Главную мечеть в Мекке [Hegghammer, Lacroix 2007, p. 112]. Только 4 декабря 1979 г. власти Саудовской Аравии восстановили контроль над своей главной святыней с помощью трех офицеров французского спецподразделения GIGN во главе с капитаном Полом Баррилем. Повстанцы, которых удалось захватить в плен, предстали перед судом и были в максимально ускоренном порядке осуждены и приговорены. 9 января 1980 г. были казнены шестьдесят три человека [Hegghammer, Lacroix 2007, p. 113].

В конце 1980-х гг. Саудовскую Аравию захлестнула новая волна исламизма, подпитываемая недавно урбанизированными бедуинами, стремительно теряющими свой социальный статус вследствие ухудшения их материального положения ввиду резкого сокращения нефтяных доходов [Dekmejian 1994, p. 629–630]. Первая война в Заливе наглядно продемонстрировала недостаточность военного потенциала саудовского государства (монарший дом Аль Сауд в 1960–1970-е гг. намеренно не развивал вооруженные силы КСА, опасаясь угрозы военного переворота по примеру Сирии или Ирака и всецело полагаясь на американские гарантии безопасности), вынужденного для своей защиты и освобождения оккупированного иракцами Кувейта пригласить на священную землю ислама экспедиционный корпус многонациональных вооруженных сил под руководством США [Мелкумян 2008]².

Несмотря на то что размещение иностранных войск было одобрено лояльными королевской власти улемами, оппозиция все равно восприняла появление сил антииракской коалиции на территории Саудовской Аравии как посягательство на священные устои Королевства. В мае 1991 г. группа из 453 улемов, судей и университетских профессоров³ пошла на невиданный ранее шаг, обратившись с открытым письмом к королю Фахду. В нем содержались требования провести в стране целый ряд весьма радикальных реформ:

² Кузнецов А.А. Саудовская Аравия: внутренние и внешние проблемы [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2018. 9 марта. URL: <http://www.iimes.ru/?p=42405> (дата обращения 22 февраля 2021).

³ Okruhlik G. Networks of Dissent: Islamism and Reform in Saudi Arabia [Электронный ресурс] // Social Science Research Council. 2001. November 1. URL: <https://items.ssrc.org/after-september-11/networks-of-dissent-islamism-and-reform-in-saudi-arabia/> (дата обращения 8 февраля 2021).

- 1) создание независимого консультативного совета, наделенного властью в области внутренней и внешней политики страны;
- 2) отмена всех политических, административных и экономических законов и правил, которые противоречат шариату;
- 3) требование от всех государственных чиновников при исполнении ими своих должностных обязанностей безупречного поведения, искренности и честности;
- 4) подлинная реализация принципа равенства всех членов общества перед законом и судом;
- 5) осуществление надзора за всеми госслужащими с целью очищения государственного аппарата от коррумпированных лиц;
- 6) установление механизма справедливого распределения национального богатства среди всех социальных классов саудовского общества;
- 7) создание сильной армии, оснащенной современным оружием, развитие отечественной оборонной промышленности;
- 8) введение проверки материалов СМИ на соответствие нормам шариата;
- 9) осуществление внешней политики в интересах уммы;
- 10) выделение необходимых финансово-материальных средств на развитие религиозных институтов страны и распространение исламской религии;
- 11) создание единой независимой системы судов. Введение подлинной ответственности всех граждан перед судом;
- 12) обеспечение защиты прав человека [Dekmejian 1994, pp. 630–631].

Реакция королевского правительства на требования исламистов сочетала в себе нерешительность, стремление к умиротворению, постепенные реформы и некоторые угрозы. Пытаясь успокоить фундаменталистов, король Фахд издал закон, запретивший женщинам самостоятельно управлять автомобилем. Более того, налоги и сборы с населения были снижены, чтобы сократить градус социальной напряженности. В то же время добровольные помощники саудовской религиозной полиции – «мутава» – оставались по большей части неподконтрольны официальным властям и продолжали сжигать «светские» видеомагазины или закрывать их посредством выкупа лицензии [Dekmejian 1994, p. 632].

С другой стороны, правительство заняло более жесткую позицию в медиапространстве. В сентябре 1991 г. шейх Абд аль-Азиз бин Баз раскритиковал исламистов и их «кампанию слухов» [Dekmejian 1994, p. 633]. В столь сложной обстановке король Фахд в течение 1992 г. решил на проведение давно провозглашенных властями реформ. В марте 1992 г. был обнародован «Основной за-

кон управления королевства» (*ан-Низам аль-Асаси Лиль-Хукм*). Статья № 37 Основного закона провозгласила неприкосновенность жилища, куда нельзя было войти кроме как с согласия владельца или с использованием законных средств (например, судебного ордера)⁴. Эта норма стала надежной защитой от самоуправления «мутавва».

Тем временем исламистская кампания продолжала набирать обороты. В сентябре 1992 г. исламисты разослали по саудовским СМИ «Меморандум добрых советов» («мудхакират аль-насиха»), адресованный Шейху Ибн Базу и содержащий набор еще более радикальных требований:

1) снятие всех юридических ограничений на деятельность исламских священнослужителей, ученых и учителей;

2) предоставление улама права контроля и участия в работе всех правительственных учреждений, министерств и посольств для обеспечения приверженности этих учреждений исламу;

3) создание высшего шариатского суда для проверки законов, договоров и нормативных актов на наличие положений, противоречащих исламу, которые подлежали удалению;

4) пересмотр учебных программ саудовских университетов и институтов, увеличение учебного времени для изучения фикха, введение запрета на преподавание западного права;

5) ограничение полномочий полиции, предоставление адвокатов для защиты прав обвиняемых, введение запретов на пытки и цензуру;

6) введение новой процедуры назначения министров и высокопоставленных государственных чиновников, освобожденной от коррупции;

7) проведение административной реформы путем назначения высококвалифицированных должностных лиц, введение для них реальной уголовной ответственности за хищения госсобственности и коррупцию;

8) введение цензуры для всех иностранных СМИ, работающих на территории королевства;

9) установление общественного контроля за государственными расходами;

10) выделение финансовой помощи только нуждающимся мусульманским странам, отказ в помощи «неверным» режимам Алжира, Египта, Ирака, Иордании, Марокко, России, Сирии и Туниса;

⁴ Ан-Низам аль-Асаси лиль-Хукм («Основной закон управления королевства»). 1992. [Электронный ресурс]. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/16b97fcb-4833-4f66-8531-a9a700f161b6/1> (дата обращения 21 февраля 2021).

11) создание сильной армии из полумиллиона солдат, движимой духом джихада для защиты Саудовской Аравии [Dekmejian 1994, p. 633–634].

Исламистская идеологическая атака застала саудовские власти врасплох. Монархия была уязвима именно потому, что некоторые из исламистских требований отражали жалобы широких масс рядовых саудовцев на очевидные недостатки социально-политической жизни королевства. Тем не менее, прикрываясь мечтой о социальной справедливости и равенстве, исламисты хотели создать пуританскую утопию под своим собственным диктаторским руководством [Dekmejian 1994, p. 638]. Власти Королевства были вынуждены среагировать на подобный демарш исламистской оппозиции: в августе 1993 г. в соответствии с «Основным законом управления королевства» был сформирован первый состав *Маджлис аш-Шура* (Консультативного совета) из 60 членов во главе с шейхом Мухаммедом Ибн Джубаром [Dekmejian 1998, p. 206].

Однако этих мер было явно недостаточно, чтобы гарантированно остановить радикальных исламистов, почувствовавших в начале 1990-х гг. слабость королевского режима. Многие саудовские исламские радикалы уже преобрили к этому времени опыт военных действий: по разным данным в 1980-х гг. от 12 до 45 тыс. саудовцев побывали в Афганистане в качестве добровольцев-моджахедов, возможно, 5000 из них приняли непосредственное участие в боевых действиях [Куделев 2008, с. 292; Okruhlik 2001; Doghere 2008, p. 4]. Более того, уход советских войск из этой страны они записывали исключительно на свой счет. Вот почему их очень сильно задел отказ правительства КСА направить их на войну с иракской армией, равно как и приглашение вооруженных сил международной коалиции под началом США [Al-Rasheed 2007, p. 113].

Ответом исламских радикалов на подобные шаги Эр-Рияда стала серия террористических атак во второй половине 1990-х гг. на силы безопасности и иностранцев:

- 1 ноября 1995 г. – подрыв заминированной легковой машины около здания Национальной гвардии КСА в Эр-Рияде. Погибло пять граждан США и два гражданина Индии, ранено 60 человек;
- 25 июня 1996 г. – подрыв заминированной грузовой машины около здания жилого комплекса в Кобаре. Погибло 19 военнослужащих ВВС США и один местный житель, 498 человек различных национальностей были ранены⁵.

⁵ History of Saudi attacks [Электронный ресурс] // Telegraph. 2004. December 6. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/1478358/History-of-Saudi-attacks.html> (дата обращения 28 марта 2020).

Эти кровавые акции саудовских исламистов стали в некотором роде «зарей» новой эпохи террора, которая берет свое начало с терактов 2003 г. в Эр-Рияде⁶ и продолжается до сегодняшнего дня. Первая волна этого террористического «цунами» пришла на 2003–2007 гг., когда в результате деятельности террористической организации «Аль-Каида Аравийского полуострова» (АКАП) погибло по меньшей мере 300 человек [Hegghammer 2008, p. 701].

Вторая волна саудовского терроризма пришла в 2014 г., когда ИГИЛ (Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими) развязало партизанскую войну на территории КСА.

По мнению Томаса Хеггхаммера, в Саудовской Аравии отмечено очень мало актов вооруженного насилия, направленного непосредственно против правительства и его структур (в том числе и отвечающих за государственную безопасность Королевства), в сочетании с куда более большим количеством нападений на немусульман, в первую очередь на граждан западных стран. Отсутствие в КСА того, что Хеггхаммер определяет как «революционное насилие», по его мнению, обусловлено двумя основными факторами:

- во-первых, низким уровнем социально-экономических трудностей и отсутствием со стороны правительства мощной централизованной и долговременной политики репрессий в отношении местной оппозиции;
- во-вторых, особыми структурными характеристиками саудовского государства и общества: харизматическая легитимность режима, экономическая помощь со стороны государства, племенной фактор (племена играют стабилизирующую роль в политической сфере, поскольку племенная идентичность стоит выше групповой и тем самым предотвращает формирование классовой идентичности. Еще более значимыми для политической стабильности являются семейные структуры: расширенная семья играет очень важную роль в ограничении политической активности в Королевстве, семейные структуры увеличивают вероятность наступления негативных социальных последствий – в форме семейного бесчестия и, возможно, разрыва семейных связей – вслед-

⁶ Bombings and arrests in Saudi Arabia [Электронный ресурс] // CNN. 2003. November 9. URL: <http://edition.cnn.com/2003/WORLD/meast/11/08/saudi.chronology.reut/> (дата обращения 21 февраля 2021).

ствие индивидуальной революционной активности) и религиозный характер государства, которые, действуя в комплексе, крайне ограничивают возможности оппозиции по проведению массовой мобилизации в ряды исламистских радикалов [Hegghammer 2009, p. 410, 415].

Как считает известный саудовский публицист и журналист Аз-Заиди «терроризм не может быть сведен к отсутствию политических свобод, западной гегемонии или израильской оккупации», – это не «факторы, “создающие” терроризм, а факторы, “стимулирующие” террористическую мобилизацию». Эффективное противодействие террору, пишет он, невозможно «без ликвидации порождающего его климата культуры и социальной жизни», вырастающего из «замкнутой для мира риторики отрицания “другого”». Пока этот «климат» не изменится, страна «будет обречена на “сосуществование” с терроризмом, как человечество сосуществует с парниковым эффектом, раком, наводнениями и лесными пожарами»⁷.

Таким образом, можно констатировать тот очевидный факт, что, несмотря на все усилия саудовских властей, проблема исламского экстремизма, зародившаяся в 1960-х гг., никуда не делась. Более того, она стала неотъемлемой частью саудовского общественно-политического ландшафта и, судя по информации СМИ, может иметь тенденцию к росту⁸. В борьбе с исламистским «цунами» власти Саудовской Аравии опираются на весьма эффективный аппарат сил безопасности, религиозные традиции и моральные устои саудовского общества, что помогает им в целом держать ситуацию под контролем. В то же время это самое общество и его идеологические установки толкают часть молодых саудовцев на кровавый путь экстремизма. Обостряет проблему и позиция официального Эр-Рияда в отношении джихадистов в других арабских странах (например, в Сирии), которые считаются борцами за свободу своих народов от местных тиранических режимов, а вовсе не террористами. Отдельные представители саудовской молодежи берут с этих джихадистов пример и пытаются действовать по их образу и подобию на территории КСА.

⁷ Цит. по: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: Внутренние истоки терроризма // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Вып. 17. № 4. С. 651.

⁸ Saudi Arabia's New Jihadists: Poorly Trained but Hard to Stop [Электронный ресурс] // Reuters. 2016. July 13. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/saudi-arabias-new-jihadists-poorly-trained-but-hard-to-stop-1430927> (дата обращения 16 февраля 2021).

Литература

- Косач 2007 – *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006). М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007. 359 с.
- Косач 2017 – *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: Внутренние истоки терроризма // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Вып. 17. № 4. С. 639–654.
- Куделев 2008 – *Куделев В.В.* «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2008. 459 с.
- Мелкумян 2008 – *Мелкумян Е.С.* Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2008. 284 с.
- Alterman 2015 – *Religious Radicalism after the Arab Uprising* / Ed. by J.B. Alterman. London: Center for Strategic and International Studies, 2015. 208 p.
- Al-Rasheed 2007 – *Al-Rasheed M.* Contesting the Saudi State: Islamic Voices from a New Generation. Cambridge, 2007. 308 p.
- Dekmejian 1994 – *Dekmejian R.H.* The rise of political islamism in Saudi Arabia // Middle East Journal. 1994. Autumn. Vol. 48. No. 4. P. 627–643.
- Dekmejian 1998 – *Dekmejian R. Hrair.* Saudi Arabia's Consultative Council // Middle East Journal. 1998. Spring. Vol. 52. No. 2. P. 204–218.
- Doghere 2008 – *Doghere F.A.* The long war against terrorism in Saudi Arabia. Master of Military Studies Thesis. Quantico: United States Marine Corps Command and Staff College Marine Corps University, 2008.
- Commins 2006 – *Commins D.* The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2006. 292 p.
- Hegghammer 2008 – *Hegghammer T.* Islamist violence and regime stability in Saudi Arabia // International Affairs. 2008. July. Vol. 84. № 4. P. 701–715.
- Hegghammer 2009 – *Hegghammer T.* Jihad, Yes, But Not Revolution: Explaining the Ex-traversion of Islamist Violence in Saudi Arabia // British Journal of Middle Eastern Studies. 2009. December. Vol. 36. No. 3, Gulf Security: Legacies of the Past, Prospects for the Future. P. 395–416.
- Hegghammer, Lacroix 2007 – *Hegghammer T., Lacroix S.* Rejectionist Islamism in Saudi Arabia: The story of Juhayman Al-'utaybi Revisited // International Journal of Middle East Studies. 2007. February. Vol. 39. No. 1. P. 103–122.
- Kéchichian 1990 – *Kéchichian J.A.* Islamic revivalism and change in Saudi Arabia: Juhayman Al-Utaybi's 'Letters' to the Saudi people // The Muslim World. 1990. January. Vol. 80. № 1. P. 1–16.
- Okruhlik (2001) – *Okruhlik G.* Networks of Dissent: Islamism and Reform in Saudi Arabia 2001. November 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://items.ssrc.org/after-september-11/networks-of-dissent-islamism-and-reform-in-saudi-arabia/> (дата обращения 08 февраля 2021).

References

- Alterman, J.B. (ed.) (2015), *Religious Radicalism after the Arab Uprisings*, Center for Strategic and International Studies, London, UK.
- Al-Rasheed, M. (2007), *Contesting the Saudi state: Islamic voices from a new generation*, Cambridge, UK.
- Commins, D. (2006), *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia*, I.B. Tauris & Co Ltd., London, UK.

- Dekmejian, R.H. (1994), "The rise of political islamism in Saudi Arabia", *Middle East Journal*, vol. 48, no. 4, pp. 627–643.
- Dekmejian, R.H. (1998), "Saudi Arabia's Consultative Council", *Middle East Journal*, vol. 52, no. 2, pp. 204–218.
- Doghere, F.A. (2008), *The long war against terrorism in Saudi Arabia*, Master of Military Studies Thesis, United States Marine Corps Command and Staff College Marine Corps University, Quantico, USA.
- Hegghammer, T. (2008), "Islamist violence and regime stability in Saudi Arabia", *International Affairs*, vol. 84, no. 4, pp. 701–715.
- Hegghammer, T. (2009), "Jihad, Yes, But Not Revolution: Explaining the Extraversion of Islamist Violence in Saudi Arabia", *British Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 36, no. 3, Gulf Security: Legacies of the Past, Prospects for the Future, pp. 395–416.
- Hegghammer T., Lacroix (2007), "Rejectionist Islamism in Saudi Arabia: The story of Juhayman Al-'utaybi Revisited", *International Journal of Middle East Studies*, vol. 39, no. 1, pp. 103–122.
- Kéchichian, J.A. (1990), "Islamic revivalism and change in Saudi Arabia: Juhayman Al-Utaybi's 'Letters' to the Saudi people", *The Muslim World*, vol. 80, no. 1, pp. 1–16.
- Kosach, G.G. (2007), *Saudovskaya Araviya: vnutripoliticheskie protsessy "etapa reform" (konets 1990–2006)* [Saudi Arabia: Internal political processes of "reform's period" (the end of 1990–2006)], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Kosach, G.G. (2017), "Saudi Arabia: Interior Origins of Terrorism", *Vestnik RUDN. International Relations Series*, no. 17, pp. 639–654.
- Kudelev, V.V. (2008), "Al'-Kaida": *struktury, soyuzniki i pokroviteli* [Al-Qaeda: structures, allies and patrons], Insitut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Melkumyan, E.S. (2008), *Region Zaliva: konflikty, kompromissy, sotrudnichestvo* [Gulf Region: Conflicts, Compromises, Cooperation], Insitut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Okruhlik, G. (2001), "Networks of Dissent: Islamism and Reform in Saudi Arabia" November 1, 2001, available at: <https://items.ssrc.org/after-september-11/networks-of-dissent-islamism-and-reform-in-saudi-arabia/> (Accessed 08 February 2021).

Информация об авторе

Сергей Ю. Серёгичев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sers80@mail.ru

Information about the author

Sergei Yu. Seregichev, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sers80@mail.ru

Роль суверенных организаций Ирана в укреплении торгово-экономических отношений с Россией

Мохсен Хагбин

*Астраханский государственный университет
Астрахань, Россия, hagbin@asu.edu.ru*

Аннотация. Установление крепких торгово-экономических отношений с Россией было одним из экономических приоритетов правительств Исламской Республики Иран в различные периоды времени. Присоединение Ирана к Евразийскому экономическому союзу откроет новые возможности для иранской экономики. При этом Тегеран должен укрепить экономическую дипломатию по отношению к другим странам, особенно соседним. Российская Федерация является мировой державой и важнейшим северным соседом Ирана. Поскольку Россия входит в состав пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето, иранские власти серьезно рассматривают Москву как стратегически важного партнера в рамках проведения политики ориентации на Восток. Ранее к этому активно подталкивал выход США из соглашения по иранской ядерной программе. В последние годы санкции США истощили экономику Ирана, поэтому государство испытывает серьезные трудности. Несомненно, проведение макроэкономической политики в рамках стратегических целей требует явного консенсуса в структурах власти Исламской Республики Иран. Похоже эта цель была достигнута с приходом к власти Эбрахима Раиси. В данной статье исследуются роль и возможности иранских суверенных и независимых от правительства организаций, обладающих колоссальным экономическим потенциалом, близких к ядру власти и значимых для целей развития экономических отношений с Россией. Автор считает, что указанные организации, обладая соответствующими характеристиками и возможностями, могут в значительной степени реализовать долгосрочные целевые программы иранского государства в рамках стратегического объединения с Российской Федерацией.

Ключевые слова: Иран, «Взгляд на Восток», Россия, Евразийство, суверенные организации, экономическая дипломатия, экономические отношения

Для цитирования: Хагбин М. Роль суверенных организаций Ирана в укреплении торгово-экономических отношений с Россией // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 67–82. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-67-82

The role of Iranian sovereign organizations in strengthening trade and economic relations with Russia

Mohsen Haghbin

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, haghbin@asu.edu.ru

Abstract. One of the economic priorities of the governments of the Islamic Republic of Iran was the strong commercial relations with Russia at different periods of time. The accession of Iran to the Eurasian Economic Union will open new opportunities for Iran's economy. However, Tehran should enhance its economic diplomacy with other countries, especially its neighbors. Russian Federation is a world power as well as the most important northern neighbor of Iran. Because Russia is one of the UN council's five veto-wielding permanent members, Iranian authorities are seriously considering Moscow in the policy of orientation to the East within the framework of strategic unification. Earlier, this was seriously pushed by the US withdrawal from the Iranian nuclear deal. In recent years, Iran's economy has been eroded by The US sanctions, and it is still experiencing serious difficulties. Undoubtedly, the implementation of macroeconomic policy within the framework of strategic goals requires a clear consensus in the power structures of the Islamic Republic of Iran. This goal seems to be achieved with the election of Ibrahim Raisi as president of Iran. This article examines the role and capabilities of Iranian sovereign organizations and independent of the government with enormous economic potential and close to the core of power, which are important for the development of economic relations with Russia. The author believes that these organizations, having the appropriate characteristics and capabilities, can largely implement the long-term target programs of the Iranian state within the framework of a strategic association with the Russian Federation.

Keywords: Iran, "Look to the East", Russia, Eurasianism, sovereign organizations, economic diplomacy, economic relations

For citation: Haghbin, M. (2022), "The role of Iranian sovereign organizations in strengthening trade and economic relations with Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 67-82, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-67-82

Введение

После того, как иранское государство и общество было разочаровано выходом администрации Трампа из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)¹, а также после неудачных

¹ В 2015 г. Великобритания, Германия, Китай, Россия, США, Франция и Иран заключили ядерную сделку – СВПД, которая предполагала снятие санкций в обмен на ограничение ядерной программы Ирана. В мае 2018 г. бывший тогда президентом США Дональд Трамп вышел из СВПД и восстановил санкции против Тегерана.

попыток правительства реформаторов во главе с Хасаном Рухани (президентом Ирана в 2013–2021 гг.) установить доверительные отношения с Западом, в частности с США, Исламская Республика Иран более серьезно обратила свое внимание на Восток. Все это привело к тому, что на 13-х президентских выборах ИРИ победил представитель консервативного лагеря Сейед Эбрахим Раиси, который ранее возглавлял судебную власть по приказу верховного лидера иранской революции аятолла Али Хаменеи. Сразу же после формирования кабинета министров правительство Э. Раиси сделало упор на расширение отношений с соседними странами. Иран объявил о своей серьезной решимости заключить долгосрочные стратегические соглашения с такими крупными державами Востока, как Россия и Индия, подобно всеобъемлющему совместному соглашению о стратегическом сотрудничестве между ИРИ и КНР, которое ранее было подписано правительством Х. Рухани.

Сегодняшний курс и внешнеполитические приоритеты иранского государства, в том числе стратегия «Взгляд на Восток», направлены на обретение долгосрочных и надежных партнеров с целью наращивания и развития экономики, а также всестороннего взаимодействия между государствами восточной цивилизации, к которой Тегеран относится с позиции его идентичности, истории и культуры. Внешняя политика России, исходящая из евразийской концепции, во многом схожа с Восточной стратегией Ирана. Они в настоящее время выступают в противовес концепциям гегемонии и глобального лидерства США, а также влиянию их стратегических союзников в евразийском регионе, что способствует неизбежному сближению Москвы и Тегерана, особенно в торгово-экономических отношениях [Хагбин 2021, с. 48–49].

Несмотря на серьезную решимость ИРИ укреплять экономическую дипломатию и расширять торгово-экономические отношения с РФ, напрашивается следующий вопрос: почему Ирану не удалось расширить эти отношения с Россией, как, например, это удалось Турции? Само собой разумеется, что в последние годы, в отличие от Турции, Иран всегда придерживался одного и того же подхода, особенно в вопросах сирийского кризиса. Турция, например, сбила российский бомбардировщик, и это нанесло ущерб торгово-экономическим отношениям двух стран на какое-то время. Но напряженность не продлилась долго, высшие должностные лица на уровне государственной власти стремились к углублению торгово-экономических отношений, и оба государства преследовали одну цель – нормализовать отношения. То есть, возможно, что индивидуально-партийные интересы приближенных к правительству лиц и государственных деятелей предотвратили обострение ситу-

ации. Это как раз то, что всегда считалось недостающим звеном в экономических и торговых отношениях между РФ и ИРИ.

В первые дни работы 13-го правительства ИРИ Верховный лидер Исламской революции на встрече с правительством Э. Раиси подчеркнул необходимость усилий и динамизма во внешней политике, в связи с чем заявил, что

...в дипломатии необходимо развивать экономический аспект; экономическая дипломатия – очень важная вещь. Сегодня можно увидеть, что во многих странах есть министр иностранных дел, но сам президент интересуется вопросами экономического характера и отношениями с разными странами, исследует проблемы; а это значит, что в экономической сфере очень важно иметь связи с разными странами. И этот экономический аспект дипломатии необходимо усилить².

Роль и положение суверенных независимых организаций в ИРИ

В феврале 2020 г. по результатам выборов в парламент 11-го созыва консервативная партия одержала победу по количеству занятых мандатов. Это высоко оценил Верховный лидер Ирана и назвал данный состав парламентариев одним из самых сильных и революционных в послереволюционный период³. Действительно с победой Эбрахима Раиси в 13-х президентских выборах не только повысился уровень политического консенсуса среди структур власти ИРИ [Хагбин, Животенков 2021, с. 140], но и наступило время более тесной интеграции и сближения общественных неправительственных организаций (суверенных организаций) государства с правительством новоизбранного президента.

Именно роль и положение иранских суверенных организаций в расширении торгово-экономических связей и укреплении стратегических отношений между ИРИ и РФ стали объектом данного исследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что участие

² Supreme Leader's speech at a meeting with the president and the members of the 13th cabinet [Электронный ресурс] // The Official Website of Ayatollah Khamenei. 2021. August 28. URL: <https://khl.ink/f/48588> (дата обращения 09 декабря 2021). [In Persian]

³ Выступление великого лидера Исламской революции на встрече с депутатами Меджлиса XI Созыва ИРИ в онлайн режиме [Электронный ресурс] // Официальный сайт великого лидера Исламской революции Ирана. 2020. 12 июля. URL: <https://russian.khamenei.ir/news/4396> (дата обращения 07 июня 2021).

упомянутых организаций в отношениях между двумя государствами не означает игнорирования роли частных компаний в совместных макроэкономических планах двух стран, поскольку, согласно статье 44 Конституции ИРИ, экономическую систему составляют три сферы: государственная, кооперативная и частная.

Под суверенными организациями в этой статье понимаются те структуры, которые в иранской правовой системе называются общественными неправительственными организациями, руководители которых назначаются верховным лидером ИРИ и подчиняются напрямую ему. За исключением верховного лидера, никакие другие государственные структуры, как, например, судебная система, законодательная и исполнительная власть, не имеют права вмешиваться в их решения и дела. В иранских научных исследованиях такие общественно-политические институты известны как «Организации под контролем верховного лидера» [Rostami et al. 2021, p. 408–409]. В этой связи следует вспомнить и такой термин, как *боньяды*⁴ (“*bonyad*” в перс. языке обозначает фонд). Эти институты в Исламской Республике не обязательно являются новым феноменом, скорее они представляют собой преемников неформальных экономических сетей времен правления иранского шаха. Фонд Пехлеви при шахе, например, был прямым предшественником таких современных исламских боньядов, как фонд Мостазафан. После свержения шаха активы фонда Пехлеви перешли во владение фонда Мостазафан [Wehrey et al. 2009, p. 57]. Огромное количество негосударственных и полугосударственных фондов в Иране являются разнообразными агентами иранской мягкой силы, оказывающими значительное влияние на внешнюю политику Ирана. Широкий спектр интересов и деятельности боньядов в сфере торговли, благотворительности, культурного и идеологического продвижения, а также средств массовой информации делает их мощными генераторами мягкой силы Исламской Республики. Их доступ к ключевым ответственным лицам, принимающим решения по внешней политике, и обширные политико-экономические ресурсы гарантируют способность боньядов влиять на иранские внешнеполитические программы, а также быть инструментом их реализации [Jenkins 2016, p. 156]. В данной статье рассматриваются три организации с колоссальным экономическим потенциалом и близкие к ядру иранской власти: Исполнительный штаб приказа имама Хомейни⁵

⁴ Конечно, не все боньяды в ИРИ считаются суверенными организациями с упомянутыми характеристиками в нашем исследовании. Например, боньяд (фонд) Саади был создан с целью распространения персидского языка и литературы за пределами Ирана.

(далее: Штаб), Фонд исламской революции Мостазафан⁶ (далее: Фонд) и Астан Кудс Разави⁷ (далее: Астан).

Исследование является актуальным по разным причинам. Во-первых, одна из важнейших функций иранского президента Эбрахима Раиси в прошлом относится к руководству «Астан». К тому же первый вице-президент ИРИ Мохаммад Мохбер до назначения на нынешнюю должность в правительстве возглавлял «Штаб» – еще одну из наиболее важных неправительственных общественных организаций под контролем верховного лидера Ирана. В то же время многие другие заместители президента, министры и высшие руководители кабинета имеют опыт работы в упомянутых организациях. Во-вторых, подавляющее большинство высших ответственных лиц в правительстве Э. Раиси являются выпускниками иранских вузов, таких как Тегеранский университет, Университет имени шахида Бехешти, Университет тарбият модаррес и Университет имени имама Садека. Именно целью последнего является обучение выпускников исламским основам, способствование углублению их знаний с упором на революционные ценности для управления ключевыми должностями в Исламской республике и, конечно же, на политику взгляда на Восток в противовес Западу и США. Стоит отметить, что в правительстве Э. Раиси по сравнению с правительством Х. Рухани имеется больше выпускников университета имени имама Садека. Все вышеизложенное наглядно и в лицах показывает, насколько переплетены государственные ветви власти и суверенные организации.

Ниже автор, желая более детально ознакомить читателей с особенностями суверенных организаций, дает развернутую справку по каждой исследуемой структуре. «Астан Кудс Разави» – официальное название организации, которая контролирует и управляет святыней восьмого шиитского имама в г. Машхад, ее пожертвованиями и вакуфами (вакуф или вакф в мусульманском праве – это завещание имущества на богоугодное дело, религиозные или благотворительные цели). Вопрос попечительства «Астан» вакуфными землями приобрел свою значимость с начала правления династии Сефевидов, когда шиитский ислам стал официальной религией в Иране, а его управляющий назначался самим шахом того времени. Именно поэтому Астан по сравнению с другими организациями в нашем исследовании имеет фундаментальные различия, что отсылает нас к его исходному религиозному смыслу. С первого взгляда,

⁵ Подробнее см. официальный сайт «Штаб»: <https://setad.ir>

⁶ Подробнее см. официальный сайт «Фонд»: <https://www.bonyad.net>

⁷ Подробнее см. официальный сайт «Астан»: <http://razavi.ir>

это ремонт, реконструкция и сохранность святыни (мавзолея), подготовка святых мест для приема паломников и оказания им необходимых услуг и т. д. Однако сегодня деятельность «Астан» выходит за пределы огромной площади святыни и действует в сферах экономики, культуры, медицины, науки, образования и спорта. Крупные холдинги «Астан» включают в себя следующие: строительный, здравоохранительный и медицинский, холдинг сельского хозяйства, животноводства и перерабатывающей промышленности, промышленный, холдинг финансовых услуг, энергетический, инфраструктурные компании, особая экономическая зона «Сарахс». Все они входят в состав «Экономической организации Разави». Учреждение (предприятие) ОЭЗ Сарахс обладает множеством возможностей по следующим причинам:

- кратчайший путь сообщения в страны Центральной Азии, Россию и Китай;
- кратчайший транзитный маршрут на востоке Ирана;
- владение крупными газовыми месторождениями;
- различные коммуникационные инфраструктуры;
- расположение непосредственно на приграничных территориях;
- возможность расширения торговли в качестве подходящей платформы для реализации проектов и инвестиций в целях расширения возможностей трудоустройства⁸.

Следует отметить, что с 2016 по 2020 г. нынешний президент ИРИ Эбрахим Раиси был руководителем «Астан». В апреле 2018 г. Раиси посетил Республику Татарстан с целью расширения научного, культурного и экономического сотрудничества между «Астаном» и Республикой Татарстан, которая является культурным и религиозным центром мусульман РФ. Визит стал ответом на деловую встречу президента Татарстана Рустама Минниханова в 2017 г. в г. Машхад⁹.

«Исполнительный штаб приказа имама Хомейни», как следует из его названия, был создан в 1989 г. для осуществления приказа лидера Исламской революции имама Хомейни в отношении иму-

⁸ The economic activities of Astan Quds Razavi are in the hands of these people [Электронный ресурс] // Khabaronline News Agency. March 4, 2019. URL: khabaronline.ir/news/1237585 (дата обращения 21 ноября 2021). [In Persian]

⁹ Саримова Л. Президентом Ирана стал Ибрагим Раиси. Кто он и что его связывает с Татарстаном? [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Снег». 2021. 21 июня. URL: <https://sntat.ru/news/prezidentom-irana-stal-ibragim-raisi-kto-on-i-cto-ego-svyazyvaet-s-tatarstanom> (дата обращения 6 декабря 2021).

щества, попадающего под действие статьи 49 Конституции (или статьи 45) [Mashayekh Gandas Kolai, Rasekh 2018, p. 524]. Согласно статье 49 Конституции

...правительство несет ответственность за конфискацию всех средств, накопленных в результате ростовщичества, узурпации, взяточничества, хищений, воровства, азартных игр, злоупотребления вакуфами, злоупотребления государственными контрактами и сделками, продажи невозделываемых (необработанных) земель и других ресурсов, находящихся в государственной собственности, а также функционирования центров коррупции и других незаконных средств, и возвращение их его законному владельцу. Если такой владелец не может быть идентифицирован, то средства должны быть переданы в государственную казну. Это правило должно выполняться правительством с должной тщательностью, после расследования и предоставления необходимых доказательств в соответствии с законами ислама¹⁰.

Штаб управляет своими дочерними компаниями, их всего четыре под следующими названиями: Фонд Баракат, Фонд Эхсан, наукоемкое предприятие Баракат (BARKAT VENTURES) и Группа экономического развития Тадбир. В 2013 г. информационное агентство Reuters оценило общую стоимость средств Штаба приблизительно в 95 миллиардов долларов¹¹. Группа экономического развития Тадбир с шестью специализированными холдингами и их дочерними предприятиями считается приносящей доход Штабу. В связи с этим несколько лет назад ходили слухи об участии Штаба в проекте строительства магистрального газопровода МИР в Пакистане. В интервью один из руководителей Группы экономического развития Тадбир, подчеркнув подход Штаба и Группы к развитию в области экономики и важность усилий по укреплению частного сектора, заявил, что одной из наших стратегий является инвестирование за границей в целях укрепления экономических основ страны¹².

¹⁰ Constitution of the Islamic Republic of Iran [Электронный ресурс] // URL: https://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution (дата обращения 2 апреля 2022). [In Persian]

¹¹ What percentage of the country's economy is owned by the Mostazafan Foundation, Astan Quds, Khatam al-Anbiya Construction Headquarter and the Execution of Imam Khomeini's Order? [Электронный ресурс] // Eghtesadonline News Agency. 2019. September 29. URL: <https://www.eghtesadonline.com/n/1uAi> (дата обращения 6 декабря 2021). [In Persian]

¹² Zandi R. Oil contracts and economic activities of the Execution of Imam Khomeini's Order [Электронный ресурс] // Shargh newspaper. 2013. April 16. No. 1708. URL: <https://www.magiran.com/article/2709959> (дата обращения 20 ноября 2021). [In Persian]

Что касается истории формирования Фонда исламской революции Мостазафан (в перс. языке Мостазафан обозначает «угнетенные») во главе с Парвизом Фаттахом, следует сказать, что после победы Исламской революции вопрос оставшегося движимого и недвижимого имущества династии Пехлеви остался нерешенным. Лидер Исламской революции имам Хомейни 28 февраля 1979 г. издал указ об этом имуществе, а также обратился к Исламскому революционному совету, чтобы сообщить, что был сформирован фонд, который взял на себя управление и эксплуатацию упомянутого имущества в пользу угнетенных. Он заявил: «Сообщите правительству, что эти трофеи ему более не принадлежат, а право распоряжаться ими передается Революционному совету» [Khomeini 1999, p. 267]. Согласно данному указу имама Хомейни, был утвержден крупный фонд с большим объемом собственности, недвижимости и крупных экономических компаний. Его название менялось несколько раз с момента его формирования в связи с обязанностями, возложенными на него лидером Исламской революции имамом Хомейни, а позже верховным лидером ИРИ аятолла Али Хаменеи. Экономический сектор Фонда имеет очень широкий спектр деятельности. Это компании, занятые в области текстильной, химической, целлюлозной, горнодобывающей, нефтеперерабатывающей, пищевой и обрабатывающей промышленности, металлургии, в сфере сельского хозяйства, строительства, транспорта, торговли, гостиничного, туристического бизнеса, а также в кредитно-финансовом и социально-культурном секторах¹³. В составе фонда насчитывается около 150 компаний и дочерних предприятий, наиболее важными из которых являются: нефтяная компания Бехран, цементная компания Тегеран, банк Сина, компания Замзам (один из крупнейших производителей безалкогольных напитков в Иране), Институт исследований современной истории Ирана и др.¹⁴ По словам одного из бывших директоров Фонда Мохсена Рафикдуста, организация выделяет 50 процентов своей прибыли на оказание помощи нуждающимся в виде займов под низкие проценты или ежемесячных пенсий, в то время как оставшиеся 50 процентов она инвестирует в свои различные дочерние компании. Фонд в настоящее время поддерживает экономические связи со странами Ближнего Востока, Европы, Африки

¹³ Farzin M. A contemplation on the role of the Mostazafan Foundation in the economic and social fields // Goftogu Socio-Cultural Quarterly journal. 2004. No. 39. P. 75. [In Persian]

¹⁴ Mostazafan Foundation; From the establishment until now [Электронный ресурс] // Fars News Agency. 2014, September 8. URL: <http://fna.ir/evd> (дата обращения 1 декабря 2021). [In Persian]

и Южной Азии, а также в России и других бывших государствах Советского Союза [Wehrey et al. 2009, pp. 57–58].

Иногда в СМИ появляются новости и высказывания о стоимости имущества таких иранских суверенных организаций, для подтверждения или отклонения которых требуется время, изучение различных статистических источников или, возможно, ссылки на зарубежные оценки. Политический деятель реформаторского лагеря и бывший иранский чиновник Бехзад Набави в интервью заявил:

В Иране четыре организации, в том числе Штаб, Астан, Фонд и строительный штаб Хатам аль-Анбия, владеют 60% национального богатства. Все они не подотчетны правительству и парламенту.

Его высказывание вызвало бурную реакцию и было названо лживым и безосновательным, так как расчет общественного богатства государства сложен, и во многих странах нет системы для его учета¹⁵. В связи с этим, согласно статистике 2017 г., общая стоимость средств трех организаций: Штаб, Астан и Фонд, по сравнению со средствами правительства, оценивалась примерно в 2,5 процента¹⁶.

Проблемы и перспективы развития торгово-экономических отношений между РФ и ИРИ

В течение многих лет США использовали различные возможности и инструменты, имеющиеся в их распоряжении, для введения санкций в качестве эффективного способа наказания неподчиненных и независимых стран. За последние четыре десятилетия в отношении Ирана было введено большое количество экономических санкций и эмбарго. Следует отметить, что на главу Фонда в ноябре 2020 г.¹⁷ и на руководителей Штаба и «Астана» в январе

¹⁵ Ghiasi J. Three signs of the absolute domination of the presidential government over the country's economy [Электронный ресурс] // Khorasan newspaper. 2019. September 25. URL: <http://khorasannews.com/Newspaper/Page/20204/14/673088/0> (дата обращения 5 декабря 2021). [In Persian]

¹⁶ What percentage of the country's economy is owned by the Mostazafan Foundation, Astan Quds, Khatam al-Anbiya Construction Headquarter and the Execution of Imam Khomeini's Order? [Электронный ресурс] // Eghtesadonline News Agency. 2019. September 29. URL: <https://www.eghtesadonline.com/n/1uAi> (дата обращения 6 декабря 2021). [In Persian]

¹⁷ The United States imposed sanctions on new Iranian people and entities [Электронный ресурс] // Fars News Agency. 2020. November 18. URL: <http://fna.ir/f0rm5h> (дата обращения 6 декабря 2021). [In Persian]

2021 г.¹⁸ были наложены санкции со стороны казначейства администрации Трампа. Россия тоже не стала исключением санкционных инструментов Вашингтона. В апреле 2021 г. президент США Джо Байден, как и ожидалось, ввел новые санкции в отношении российских чиновников, организаций и компаний. По мнению экспертов, в будущем следует ожидать новые пакеты санкций со стороны Соединенных Штатов, коим подвергнутся многие организации и компании технологического сектора России согласно недавнему указу Д. Байдена. Разумеется, что Белый дом не намерен останавливаться на ограничении работы лишь в данном секторе, рассматривая иные варианты внешнего экономического давления¹⁹. В связи с этим общее беспокойство двух соседних государств с похожими подходами, общими интересами и угрозами неизбежно ведет их к более серьезному взаимодействию.

Разумеется, что упомянутые организации считают себя обязанными реализовать важную политико-экономическую концепцию под названием «Экономика сопротивления»²⁰, поддержанную верховным лидером ИРИ. Аятолла Хаменеи, назначая Парвиза Фаттаха главой Фонда, советовал ему строго соблюдать положения экономики сопротивления²¹. В связи с этим, в соответствии с условиями пункта 12 данной политики, для повышения уровня сопротивления и снижения уязвимости экономики страны необходимо соблюдать следующие правила:

- развивать стратегические связи и расширять сотрудничество и партнерство с государствами региона и мира, особенно с соседними странами;

¹⁸ New US Sanctions: Astan Quds Razavi, the Execution of Imam Khomeini's Order and Abadan Electricity Company [Электронный ресурс] // Asre Iran News Agency. 2021. January 13. URL: <https://asriran.com/003D54> (дата обращения 17 ноября 2021). [In Persian]

¹⁹ Ткачёв И. Новые санкции США против России. Главное [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РБК». 2021. 15 апр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/04/2021/607838699a7947e57e0491db> (дата обращения 20 ноября 2021).

²⁰ Экономика сопротивления является противоположностью зависимой экономики и экономики потребления, которая делает упор на укреплении и поддержке отечественного экономического потенциала и сопротивляется экономическому давлению со стороны империализма. Более подробно см.: Communication of the general policies of «Resistance economy» [Электронный ресурс] // The Official Website of Ayatollah Khamenei. 2014. February 18. URL: <https://khl.ink/f/25370> (дата обращения 17 ноября 2021). [In Persian]

²¹ Appointment of Parviz Fattah as the head of the Mostazafan Foundation [Электронный ресурс] // The Official Website of Ayatollah Khamenei. 2019. July 22. URL: <https://khl.ink/f/43077> (дата обращения 17 ноября 2021). [In Persian]

- использовать дипломатию в целях развития экономики;
- использовать возможности международных и региональных организаций – реорганизация экономической дипломатии становится все более необходимой и актуальной для достижения стратегических целей ИРИ.

В последние годы во внешней политике Ирана по отношению к России произошли существенные изменения. Заметно расширение взаимоотношений и увеличение взаимодействия между государствами. Евразия, охватывающая центры добычи углеводородов, сосредоточенные на Каспии, привлекает внимание многих стран и на Востоке, и на Западе, особенно США. Исходя из того, что на данный момент осуществляется разработка новых транспортных каналов, например строительство таких международных проектов, как коридор «Север – Юг», в будущем реальным станет переборка углеводородов в Персидский залив из Каспийского бассейна.

Следует отметить, что в ноябре 2020 г. председателем правительства РФ М.В. Мишустиним был подписан документ, в котором говорится о создании портовой особой экономической зоны (ОЭЗ) в Астраханском регионе. В зоне функционирующего морского порта «Оля» стоит задача по созданию ОЭЗ и ее объединению в Каспийский кластер с ОЭЗ, который относится к промышленно-производственному типу «Лотос» как грузовой платформы Международного транспортного коридора «Север – Юг» с единой управляющей компанией. Как известно, в проект включены пять якорных резидентов, общий объем инвестиций которых составил 19 млрд рублей. Эти вложения готовы к реализации в рамках инвестиционных проектов по строительству и использованию инфраструктуры порта, а также в областях логистики и производства²². В связи с этим в сентябре 2021 г. поступила информация о том, что Минэкономразвития России выдало свидетельство первого резидента портовой особой экономической зоны, которая создается в Лиманском районе Астраханской области. Такой статус был получен портово-логистической компанией «Каспий» совместно с немецким партнером «Martrade Holding». Согласно оценкам экспертов, его создание станет катализатором для развития и расширения инфраструктуры всего региона. Согласно данным Минэкономраз-

²² Правительство России утвердило создание портовой особой экономической зоны в Астраханской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. 2020. 10 ноября. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_rossii_utverdilo_sozdanie_portovoy_osoboy_ekonomicheskoy_zony_v_astrahanskoj_oblasti.html (дата обращения 04 декабря 2021).

вития России, состоялось подписание документов о возведении крупных объектов и создании новых предприятий в портовой ОЭЗ еще с четырьмя компаниями, включая иранскую компанию²³.

Блокировка Суэцкого канала в марте и в сентябре 2021 г., а также блокирование Азербайджаном участка дороги Горис–Капан и установка таможенных постов привели к тому, что иранские и российские власти обратили особое внимание на быструю реализацию МТК «Север – Юг». В этой связи в октябре 2021 г. начальник штаба вооруженных сил Ирана генерал-майор Мохаммад Хоссейн Багери помимо переговоров со своим российской коллегой в Москве и посещения Санкт-Петербурга, в завершение визита в Россию, посетил ПАО «Астраханский порт» и Астраханское судостроительное производственное объединение. Иранский военачальник оценил мощности и потенциал порта по грузообороту между Россией и Ираном. Также обсуждалась тема перспектив портовой инфраструктуры и активного участия компаний из ИРИ в развитии МТК «Север – Юг»²⁴. Подчеркнем, что в июле 2021 г. губернатор Астраханской области Игорь Бабушкин в рамках рабочей поездки в Тегеран обсудил с руководителем Фонда возможности реализации инвестиционных проектов на территории региона, развитие МТК «Север – Юг», участие иранских инвесторов в развитии портово-логистического комплекса Астрахани, проекты в сфере сельского хозяйства, наращивание объемов взаимной торговли²⁵. Также визит делегации Штаба в Россию в ноябре 2021 г. и встреча с главой Астраханской ОЭЗ «Лотос» С. Милюшкиным подтверждают, что руководство Штаба уделяет все больше внимания развитию экономических связей с РФ.

В свою очередь, можно полагать, что в Кремле убеждены в том, что евразийский выбор – это рациональный путь для более эффективного внешнеполитического и экономического курса России.

²³ *Коротченко Н.* Портовая ОЭЗ под Астраханью станет транспортным коридором «Север – Юг» [Электронный ресурс] // Российская газета – Экономика Юга России. 2021. 07 сент. № 203 (8554). URL: <https://rg.ru/2021/09/07/reg-ufo/portovaia-oez-pod-astrahaniu-stanet-transportnym-koridorom-sever-iug.html> (дата обращения 07 декабря 2021).

²⁴ *Кондратьев В., Бутырина Н.* Об итогах визита начальника штаба вооруженных сил Ирана в Россию [Электронный ресурс] // Каспийский вестник. 2021. 26 окт. URL: <http://casp-geo.ru/ob-itogah-vizita-nachalnika-shtaba-vooruzhennyh-sil-irana-v-rossiyu> (дата обращения 04 декабря 2021).

²⁵ Астраханская область и Иран укрепляют сотрудничество [Электронный ресурс] // Официальный сайт Астраханской области. 2021. 20 июля. URL: <https://www.astrobl.ru/news/127448> (дата обращения 05 декабря 2021).

Подобный тезис неоднократно подтвердили различные программные документы развития государства. Например, в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 30 ноября 2016 г., в разделе «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» четко просматривается намерение углублять и расширять интеграцию между государствами Евразии²⁶. Такое распределение приоритетов российский политолог С.А. Караганов объясняет желанием остановить экспансию западных союзов на жизненно важные для России территории и уравновесить рост мощи Китая в отношении к Западу²⁷. Действительно, многие схожие цели и устремления являются одним из основных факторов, побуждающих Москву и Тегеран к участию в одних и тех же региональных проектах государств «Большой Евразии».

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что во внешнеполитическом плане Иран рассчитывает опосредованно получить больший вес на международной арене, чтобы усилить свой сдерживающий потенциал в отношении крупных западных игроков, особенно США. В то же время Исламская Республика преследует собственные интересы и во внутривосточном плане – добивается экономического роста и промышленного развития. Разочарование иранского государства в доверительном взаимодействии с Западом в результате выхода США из СВПД, а также санкционная политика Вашингтона против Ирана привели к тому, что Тегеран теперь придерживается более сбалансированного подхода, обращает свой взгляд на Восток, идет на взаимодействие с Китаем и Россией, которые не стали исключениями применения санкционных инструментов США. Поэтому в целях снижения уязвимости экономики в условиях санкций на повестке дня ИРИ стоит вопрос об углублении торгово-экономических связей для развития стратегических отношений с мощными государствами региона и мира, особенно с

²⁶ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента России. 2016. 30 нояб. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 28 декабря 2021).

²⁷ Караганов С.А. Российская внешняя политика: новый этап? [Электронный ресурс] // Российская газета. 2016. 25 мая. URL: <https://rg.ru/2016/05/25/specialisty-predstavili-svoe-videnie-prioritetov-vneshnej-politiki-rf.html> (дата обращения 28 декабря 2021).

соседними странами, а также использовании потенциала международных и региональных организаций.

Несомненно, полноправное членство Ирана в Шанхайской организации сотрудничества и вступление в Евразийский экономический союз являются прочным краеугольным камнем в достижении стратегических макроцелей ИРИ. Между тем упор иранского государства на укрепление экономической дипломатии с целью расширения стабильных и крепких экономических отношений с РФ открывает путь для более серьезного участия иранских суверенных организаций, близких к ядру власти, в международных проектах, таких как МТК «Север – Юг». В связи с этим вышеупомянутые организации с указанными характеристиками могут предоставлять потенциальные возможности для достижения данных стратегических целей ИРИ. С приходом к власти Э. Раиси не только политическая атмосфера ИРИ на самых высоких уровнях сместилась в сторону большей интеграции, но и управленческий опыт, приобретенный высокопоставленными должностными лицами правительства в этих организациях, предоставляет ценную возможность для серьезного участия данных организаций в совместных инвестиционных проектах между ИРИ и РФ. В то же время следует подчеркнуть, что деятельность таких организаций не означает игнорирования инвестирования компаний частного сектора в совместных экономических проектах. Действительно, участие суверенных организаций в совместных крупных проектах должно рассматриваться в разрезе достижения целей устойчивого развития и серьезного углубления экономических отношений, чтобы более эффективно принимать необходимые и конструктивные меры на высшем государственном уровне для разрешения споров в случае возникновения возможной напряженности в отношениях между двумя государствами.

Литература

- Хагбин, Животенков 2021 – *Хагбин М., Животенков А.Н.* Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2021. Т. 12. № 3. С. 122–142. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142.
- Хагбин 2021 – *Хагбин М.* Современная восточная стратегия интеграционных процессов Ирана: проблемы и перспективы // *Вестник Поволжского института управления.* 2021. Т. 21. № 6. С. 38–51. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-6-38-51.
- Jenkins 2016 – *Jenkins W.B.* Bonyads as Agents and Vehicles of the Islamic Republic's Soft Power // *Iran in the World / Ed. by S. Akbarzadeh, D. Conduit.* N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.

- Khomeini 1999 – *Khomeini R. Sahifa-e Imam* / The Institute for compilation and publication of the works of Imam Khomeini. In 22 vols. Vol. 6. Tehran, 1999. [In Persian]
- Mashayekh Gandas Kolai, Rasekh 2018 – *Mashayekh Gandas Kolai N., Rasekh M.* Management of alienated lands // Journal of social sciences of Islamic Azad University, Shushtar branch. 2018. Vol. 11. P. 503–530. [In Persian]
- Rostami V. et al. 2021 – *Rostami V. et al.* A legal Analysis regarding the Concept of Revolutionary Institutions in the Legal System of the Islamic Republic of Iran // Islamic Law Research (ILR). 2021. No. 3 (21). P. 395–414. [In Persian]
- Wehrey et al. 2009 – *Wehrey F. et al.* The Rise of the Pasdaran: Assessing the Domestic Roles of Iran’s Islamic Revolutionary Guards Corps. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute, 2009. 154 p.

References

- Haghbin, M. (2021), “Modern Eastern Strategy of Iran’s Integration Processes: Problems and Prospects”, *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, vol. 21, no. 6, pp. 38–51, DOI 10.22394/1682-2358-2021-6-38-51.
- Haghbin, M. and Zhihotenkov, A.N. (2021), “Iran’s position on the ratification on the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in the context of integration processes in the Caspian”, *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, vol. 12, no. 3, pp. 122–142, DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142.
- Jenkins, W.B. (2016), “Bonyads as Agents and Vehicles of the Islamic Republic’s Soft Power”, In Akbarzadeh, S. and Conduit, D. (eds.), *Iran in the World*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Khomeini, R. (1999), *Sahifeye emam* [Sahifa-e Imam], Moasseseye tanzim va nashre asaar emam khomeini, in 22 vols., vol. 6, Tehran, Iran. (In Persian)
- Mashayekh Gandas Kolai, N. and Rasekh, M. (2018), “Management of alienated lands”, *Journal of social sciences of Islamic Azad University, Shushtar branch*, vol. 11, pp. 503–530. (In Persian)
- Rostami, V. et al. (2021), “A legal Analysis regarding the Concept of Revolutionary Institutions in the Legal System of the Islamic Republic of Iran”, *Islamic Law Research (ILR)*, No 3 (21), pp. 395–414. (In Persian)
- Wehrey, F. et al. (2009), *The Rise of the Pasdaran: Assessing the Domestic Roles of Iran’s Islamic Revolutionary Guards Corps*, RAND National Defense Research Institute, Santa Monica, CA, USA.

Информация об авторе

Мохсен Хагбин, аспирант, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а; haghbin@asu.edu.ru

Information about the author

Mohsen Haghbin, postgraduate student, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; bld. 20a, Tatishcheva Street, Astrakhan, Russia, 414056; haghbin@asu.edu.ru

Российское высшее образование как инструмент евразийской интеграции

Диана Г. Золкина
независимый исследователь
Москва, Россия, zolkina17@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу привлекательности высшего образования и необходимости его использования в качестве одного из ресурсов интеграции. Ставится цель оценить практические результаты деятельности России по привлечению иностранных студентов из стран евразийского пространства, которые являются приоритетными для национальной внешней политики, в российские университеты. В ходе исследования на примере стран G20 выясняется корреляция высшего образования с экономической составляющей мягкой силы и интеграционным потенциалом государств. Таким образом, автор предлагает по-новому посмотреть на важность привлекательности высшего образования, которое предлагает государство. Так как потоки иностранных студентов образуют связи между странами, в качестве метода измерения интенсивности связей был выбран сетевой анализ. С целью оценить интеграционный потенциал евразийских стран был использован кластерный анализ, а именно метод К-ядер. Такие виды анализа удобны для интерпретации результатов, потому что они схематичные и обладают высокой наглядностью. При сравнении интенсивности связей между Китаем и лидирующими в образовательной сфере западными странами, с одной стороны, и между Россией и странами ЕАЭС и ШОС, с другой стороны, был сделан вывод: несмотря на то что цель привлечения иностранных студентов, поставленную в 2008 г., можно считать выполненной, интеграционный потенциал на евразийском пространстве еще не раскрыт. По результатам исследования были сделаны рекомендации по улучшению сферы российского высшего образования и практические предложения по углублению сотрудничества в этой области со странами, входящими в ряд близких партнеров.

Ключевые слова: высшее образование, мягкая сила, интеграционный потенциал, сетевой анализ, кластерный анализ, Россия, евразийское пространство

Для цитирования: Золкина Д.Г. Российское высшее образование как инструмент евразийской интеграции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 83–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-83-98

Russian higher education as a key to Eurasian integration

Diana G. Zolkina

*independent researcher Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, zolkina17@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the attractiveness of higher education and the necessity of using education as a source of integration. The goal of the research is to evaluate the activity of Russia directed to attracting to Russian universities the international students from the Eurasian countries significant for the national foreign policy. On the basis of the connection between the G20 countries, the research finds out the correlation between higher education, the economic component of soft power and the countries' integration ties. Thus, the author looks at the importance of the national higher education from a different point of view. Since the international students' streams form the connections between the countries, a network analysis is considered to be the best method of measuring the bonds' intensity. The Eurasian governments' integration potential is measured by the cluster analysis of the K-cores method. These types of analyses are convenient and proficient, because they are schematic and have a high degree of visibility. Comparing the ties' intensity between China and the Western countries with an excellent higher education system, on the one hand, and between Russia, the Eurasian Economic Union and the Cooperation Organization countries, on the other, the research leads to the final conclusions. Set in 2008, the goal of engaging more international students in Russian universities has been achieved. Nevertheless, the potential for the integration has not been fully realized. To sum up, the author gives recommendations for developing the Russian higher education system and presents proposals to enhance cooperation in the sphere of education between Russia and its close partners.

Keywords: higher education, soft power, integration potential, network analysis, cluster analysis, Russia, Eurasian area

For citation: Zolkina, D.G. (2022), "Russian higher education as a key to Eurasian integration", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 83-98, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-83-98

Введение

Роль образования в современном обществе невозможно переоценить. Также сложно по достоинству оценить важность самого процесса его получения. Большинство людей, получающих высшее образование, находятся в таком возрасте, когда активно формируется мировоззрение, строится ценностная система координат, создается взгляд на будущее. Более того, университет дает самые

теплые воспоминания, а также круг общения, с которым студент поддерживает связь и после выпуска. Если человек получает высшее образование за рубежом, то на него активно влияет та политическая и социальная среда, в которой он находится, он испытывает симпатию к стране пребывания, а по приезде домой ощущает крепкую связь с альма-матер и определенную лояльность тому государству, где она расположена. Иными словами, привлекательность высшего образования является сильнейшим инструментом мягкой силы, а значит, и одним из самых эффективных ресурсов интеграции. Таким образом, государство, желающее развивать интеграционные проекты, обязано быть привлекательным для абитуриентов государств-партнеров по интеграции.

О привлекательности высшего образования в контексте мягкой силы писали уважаемые в научной среде авторы, подчеркивая, что образовательные услуги являются «одним из важнейших инструментов мягкой силы государства» [Торкунов 2012], страны с конкурентоспособными образовательными системами «займут лидирующие позиции в будущем» [Лебедева, Фор 2009], высшее образование является «инструментом, позволяющим сформировать не только долгосрочные связи, но и определенное мировоззрение у иностранных гостей» [Панова 2011]. Однако статьи, во-первых, были опубликованы давно, а во-вторых, носили теоретический характер. В данной статье приводится анализ результатов практической деятельности в российской образовательной сфере, а именно студенческих связей между странами Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) с помощью сетевого анализа [Дегтерев 2015]. Данный прикладной метод обладает неоспоримым преимуществом: собрав необходимые статистические данные, создав матрицу и построив на их основании граф, например при помощи языка программирования R, мы сможем наглядно увидеть связи между странами и их интенсивность.

Для начала, чтобы убедиться в важности привлечения иностранных студентов и проследить корреляцию их количества с общим состоянием отношений между странами, можно посмотреть на связи между странами G20 в 2018 г. Во-первых, для каждого из 19 участников¹ группы необходимо выделить топ-5 государств, в которые едут граждане для получения высшего образования (табл. 1). Страны по вертикали в матрице – гражданство студентов, страны по горизонтали – принимающие их на учебу государства. Единица ставится под теми государствами, в которые отправляется наибольшее

¹ 20-м участником группы является организация ЕС, в статье рассматриваются исключительно страны.

Таблица 1

Матрица топ-5 приоритетных стран для получения высшего образования у студентов G20

Студенты/направление	Австралия	Аргентина	Бразилия	Великобрит.	Германия	Индия	Индонезия	Италия	Канада	Китай	Мексика	Россия	Саудовская Аравия	США	Турция	Франция	Южная Корея	ЮАР	Япония
Австралия	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Аргентина	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0
Бразилия	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Великобритания	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Германия	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Индия	1	0	0	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Индонезия	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Италия	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Канада	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Китай	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Мексика	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0
Россия	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Саудовская Аравия	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
США	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Турция	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Франция	0	0	0	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Южная Корея	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1
ЮАР	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Япония	1	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0

Окончание табл. 1

Страны/шпринкше	Новая Зеландия	Испания	Португалия	Болгария	Австрия	Нидерланды	Швейцария	Ирландия	Чехия	Малайзия	Гренада	Бельгия
Австралия	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Аргентина	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бразилия	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Великобритания	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Германия	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0	0	0
Индия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Индонезия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Италия	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Канада	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Китай	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мексика	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Россия	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Саудовская Аравия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
США	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Турция	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Франция	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Южная Корея	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ЮАР	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Япония	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Источник: составлено автором.

число студентов из стран G20. Использовалось несколько источников, основным из них была база данных ЮНЕСКО – учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры². Однако в силу того, что в базе отсутствует информация о том, студентов из каких стран принимал в 2018 году Китай, пришлось обратиться к статистике Министерства образования КНР³. Что касается России, удалось использовать данные только за 2019 г. и 2020 г. Федеральной службы безопасности⁴ и официального сайта о высшем образовании в России для иностранных студентов⁵ соответственно.

Приступим к анализу построенного графа (рис. 1). Стрелки показывают потоки студентов из одной страны в другую для получения высшего образования, а толщина ребер прямо пропорционально зависит от их количества. В табл. 2 продемонстрированы показатели центральности по степени, близости, промежуточности и собственному значению. Страны, имеющие больше прямых и значимых связей с другими членами группы, обладают высокой степенью центральности по степени. В рамках данного исследования большей центральностью обладают более популярные у членов G20 страны для получения высшего образования. Центральное положение занимают США, к точке с названием страны подходит наибольшее количество ребер – 16. В числе лидеров также Великобритания (14), Германия (12), Австралия (10) и Канада (10). Центральность по близости помогает понять, насколько близок каждый участник группы к остальным. Перечисленные пять стран являются близкими партнерами и друг для друга, и для остальных участников G20. Центральность по промежуточности позволяет оценить меру контроля: чем выше показатель страны, тем больше она является связующим звеном для участников сети. Германия, США, Канада, Великобритания, Австралия лидируют и по этому

² UNESCO. Global Flow of Tertiary-level Students. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения 19 апреля 2021).

³ Ministry of Education of the People's Republic of China. Statistical report on international students in China for 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения 19 апреля 2021).

⁴ ФСБ впервые раскрыла данные о приезжающих на учебу в Россию // РБК. 2019. 19 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f> (дата обращения 19 апреля 2021).

⁵ Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 г. // Study in Russia. 25.02.2021. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (дата обращения: 19.04.2021).

Рис. 1. Предпочтения в получении высшего образования за границей у студентов из государств G20

индикатору. Центральность по собственному значению усиливается при интенсивных связях с наиболее центральными странами – студенты из Индонезии, Южной Кореи, Индии, Китая и Японии предпочитают ехать в самые центральные по степени страны: США, Великобританию, Германию, Австралию и Канаду.

В 2015 г. международная консалтинговая компания “Portland” создала индекс “The Soft Power 30”, который ежегодно показывает мягкую силу государств. Методология складывается из 6 объективных под-индексов (культура, цифровые технологии, образование, готовность к сотрудничеству, поддержка предпринимательства, привлекательность правительства) и субъективного под-индекса – опроса жителей иностранных государств⁶. В 2018 г. Великобритания, Германия, США, Канада и Австралия вошли в топ-10 самых привлекательных стран⁷. Согласно отчету индекса, подход президента Д. Трампа к внешней политике как к игре с «нулевой суммой», провозглашение курса «Америка прежде всего», постоянное расшатывание западного либерального порядка повлияли на

⁶ The Soft Power 30. What is Soft Power? [Электронный ресурс]. URL: <https://softpower30.com/what-is-soft-power/> (дата обращения 19 апреля 2021).

⁷ The Soft Power 30 [Электронный ресурс]. URL: https://softpower30.com/?country_years=2018 (дата обращения 19 апреля 2021).

Таблица 2

Значения центральности стран G20
в сетевой структуре студенческих обменов

Страны	По степени	По близости	По промежуточности	По собственному значению
1 Австралия	10	0.6	12.93333333333333	0.197092959078458
2 Аргентина	1	0.5	1.5	0.194255857768781
3 Бразилия	1	0.5	1.5	0.196321829558728
4 Великобритания	14	0.652173913043478	18.98333333333333	0.197092959078458
5 Германия	12	0.638297872340426	26.1666666666667	0.112849902243662
6 Индия	0	0.476190476190476	0	0.300275868876146
7 Индонезия	0	0.46875	0	0.322097616432882
8 Италия	1	0.491803278688525	1.5	0.135185789619058
9 Канада	10	0.6	14.1	0.197092959078458
10 Китай	7	0.545454545454545	10.03333333333333	0.295382368708357
11 Мексика	0	0.5	0	0.194465452226734
12 Россия	0	0.491803278688525	0	0.223808206802983
13 Саудовская Аравия	0	0.483870967741935	0	0.219990381515635
14 США	16	0.681818181818182	24.35	0.218098783831292
15 Турция	0	0.491803278688525	0	0.180266473148628
16 Франция	3	0.517241379310345	6.83333333333333	0.187425966632483
17 Южная Корея	0	0.461538461538462	0	0.322097616432882
18 ЮАР	0	0.5	0	0.250663198714444
19 Япония	3	0.508474576271186	1.6	0.277378446438969
20 Новая Зеландия	1	0.379746835443038	0	0
21 Испания	3	0.379746835443038	0	0
22 Португалия	1	0.337078651685393	0	0
23 Болгария	1	0.4	0	0
24 Австрия	3	0.422535211267606	0	0
25 Нидерланды	1	0.394736842105263	0	0
26 Швейцария	2	0.422535211267606	0	0
27 Ирландия	1	0.379746835443038	0	0
28 Чехия	1	0.333333333333333	0	0
29 Малайзия	1	0.32967032967033	0	0
30 Гренада	1	0.410958904109589	0	0
31 Бельгия	1	0.344827586206897	0	0

Источник: составлено автором.

то, что значения субъективных и часть объективных под-индексов оказались намного ниже, чем в предыдущих годах⁸. Тем не менее именно лидерство в культуре, цифровых технологиях и образовании позволило занять четвертое место. Важно отметить, что технологии неразрывно связаны с образованием и образуют замкнутый круг, так как более развитая университетская среда привлекает самых перспективных студентов со всего мира, которые впоследствии создают высококачественный технологический продукт, повышая и технологический потенциал, и престижность образования страны.

Справедливо сопоставить образовательный потенциал с каким-нибудь компонентом мягкой силы. Австралийский независимый аналитический центр Lowy Institute в 2018 г. создал индекс Asia Power, который измеряет мягкую силу государств Азиатско-Тихоокеанского региона⁹. Согласно индексу, измерить силу можно, сложив ресурсы, которыми обладает страна, и влияние, которое она распространяет. В категорию влияния входит дипломатия, участие в оборонных союзах и альянсах, распространение культуры, которое реализуется, в том числе и в виде привлечения иностранных студентов, а также экономические связи¹⁰. Будучи лидерами в образовании, группа из США, Великобритании, Германии, Канады, Австралии также имеет впечатляющее экономическое сотрудничество с другими государствами и между собой. Чтобы представить, насколько сильны связи США с Великобританией, Германией, Канадой и Австралией, достаточно отметить, что, согласно данным ООН¹¹, суммарный товарооборот Штатов с ними в 2018 г. был почти в полтора раза больше, чем товарооборот России со всеми странами мира (974 млрд долл. и 691 млрд долл.).

На что хочется обратить особое внимание: самая интенсивная связь проходит между США и Китаем. Объем обмена студентами беспрецедентно большой: в 2018 г. в американские университеты уехали учиться почти 334¹² тысячи китайских граждан, в Китай же

⁸ The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. P. 49–50 [Электронный ресурс]. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (дата обращения 19 апреля 2021).

⁹ Lowy Institute Asia Power Index [Электронный ресурс]. URL: <https://power.lowyinstitute.org> (дата обращения 19 апреля 2021).

¹⁰ Lowy Institute Asia Power Index. 2019. Methodology. P. 4-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-asia-power-index-2019-methodology.pdf> (дата обращения 19 апреля 2021).

¹¹ UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org> (дата обращения 19 апреля 2021).

¹² UNESCO. Global Flow of Tertiary-level Students. 2018.

отправилось наибольшее количество американцев, почти 21 тысяча¹³. Сотрудничество в экономической области тоже масштабное: торговый оборот за 2018 г. составил 683¹⁴ млрд долл., такого не существует в отношениях никаких других стран.

Россия еще в 2008 г. объявила сотрудничество и интеграцию с постсоветским пространством, а именно странами-участницами СНГ, приоритетным направлением в своей внешней политике¹⁵. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., принятой в том же 2008 г., ставится цель создания условий для привлечения иностранных студентов в российские образовательные учреждения и повышения их уровня до пяти процентов от общего числа студентов¹⁶. Сотрудничество со странами СНГ более активно развивается в таких интеграционных проектах, как Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС).

Для начала составим матрицу (табл. 3), в которой страны по вертикали будут означать гражданство студентов, а по горизонтали – страны для получения высшего образования, и на ее основании построим граф (рис. 2). Он визуально демонстрирует топ-5 стран, куда отправляются учиться студенты из государств ЕАЭС и ШОС. При более подробном изучении таблицы со значениями центральности (табл. 4) становится ясно, что Россия является приоритетной для получения высшего образования. Она обладает наибольшей степенью центральности по степени, близости и промежуточности, значит, Россия близка с партнерами по ЕАЭС и ШОС и является связующим звеном для остальных участников. Больше всего в российских университетах учатся студенты из Казахстана и Узбекистана. В 2020 г. более 61 тысячи граждан Казахстана получали высшее образование в России, из Узбекистана приехали

¹³ Ministry of Education of the People's Republic of China. Statistical report on international students in China for 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения 19 апреля 2021).

¹⁴ UN Comtrade Database...

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. 15.07.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения 19 апреля 2021).

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/404acc6b6b806af7e46939aa23904acdec1df1f5/ (дата обращения 19 апреля 2021).

Таблица 3
Матрица топ-5 приоритетных стран для получения высшего образования у студентов государств ЕАЭС и ШОС

Студенты/направление	Россия	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Армения	Китай	Таджикистан	Узбекистан	Франция	Италия	Австралия	Япония	Канада	Корея	Украина
Россия	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Беларусь	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Казахстан	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Киргизия	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Армения	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Китай	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Таджикистан	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Узбекистан	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Студенты/направление	Германия	Чехия	США	Великобритания	Польша	Литва	Турция	Саудовская Аравия	Индия	Индонезия	Южная Африка	Бразилия	Мексика	Аргентина	Колумбия
Россия	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Беларусь	1	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Казахстан	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Киргизия	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Армения	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
Китай	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Таджикистан	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Узбекистан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Источник: составлено автором.

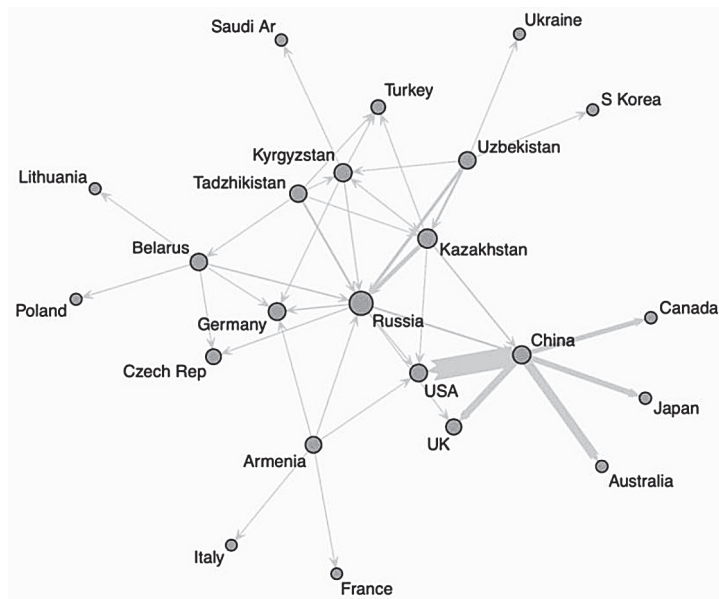

Рис. 2. Сетевая структура студентов из стран ЕАЭС и ШОС

40 тысяч студентов¹⁷. К слову, Россия в сфере высшего образования составляет серьезную конкуренцию второй по популярности у студентов Казахстана Киргизии, туда уезжают учиться всего около двух с половиной тысяч человек¹⁸, то есть в 24 раза меньше.

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г., Республика Белоруссия является стратегическим партнером, с которым Россия стремится углубить взаимодействие и укреплять интеграционные процессы во всех сферах¹⁹. Количество белорусских студентов, которые получают высшее образование в России и Польше, второй по популярности стране, отличается в два раза: 10²⁰ и 5²¹ тысяч граждан. Необходимо приложить больше уси-

¹⁷ Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 г. (25.02.2021).

¹⁸ UNESCO. Global Flow of Tertiary-level Students. 2018.

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 19 апреля 2021).

²⁰ Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 г. (25.02.2021).

²¹ UNESCO. Global Flow of Tertiary-level Students. 2018.

Таблица 4

Значения центральности стран ЕАЭС и ШОС
в сетевой структуре студенческих обменов

	Страны	По степени	По близости	По промежуточности	По собственной значимости
1	Россия	6	0.666666666666667	13.9166666666667	0
2	Беларусь	1	0.478260869565217	1.41666666666667	0
3	Казахстан	3	0.536585365853659		4 0.360667853866973
4	Кыргызстан	3	0.5	2.41666666666667	0.27050089040023
5	Армения	0	0.458333333333333		0
6	Китай	2	0.5		10.75 0
7	Таджикистан	0	0.478260869565217		0 0.631168744267203
8	Узбекистан	0	0.478260869565217		0 0.631168744267203
9	Германия	4	0.488888888888889		0
10	Чехия	2	0.431372549019608		0
11	США	4	0.488888888888889		0
12	Великобритания	2	0.44		0
13	Польша	1	0.328358208955224		0
14	Литва	1	0.328358208955224		0
15	Турция	3	0.4		0
16	Саудовская Аравия	1	0.338461538461538		0
17	Франция	1	0.318840579710145		0
18	Италия	1	0.318840579710145		0
19	Австралия	1	0.338461538461538		0
20	Япония	1	0.338461538461538		0
21	Канада	1	0.338461538461538		0
22	Южная Корея	1	0.328358208955224		0
23	Украина	1	0.328358208955224		0

Источник: составлено автором.

лий, чтобы Россия не просто оставалась приоритетным направлением для получения высшего образования у граждан Белоруссии, но и составляла более серьезную конкуренцию всем остальным странам. Более того, сравнивая на графе интенсивность студенческих связей стран ЕАЭС и России с интенсивностью связей, которые установил Китай с США, Великобританией, Канадой, Австралией и Японией, мы приходим к выводу, что Россия не является таким же безусловным приоритетом для государств евразийского пространства, как страны Запада для Китая.

Метод К-ядер позволяет выделить кластеры среди стран ЕАЭС, ШОС и приоритетных для них стран в плане получения высшего

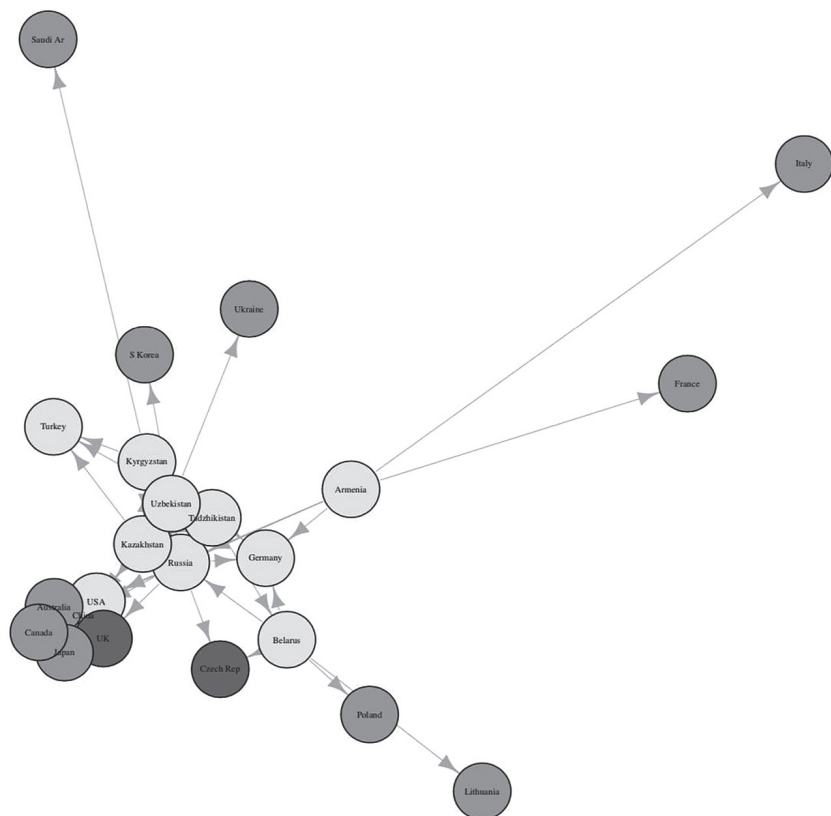

Рис. 3. Кластерное деление стран ЕАЭС и ШОС по выбору заграничного высшего образования методом К-ядер

образования (рис. 3). Самым сплоченным кластером является группа Китай–США–Великобритания–Канада–Австралия–Япония, что говорит о близких связях между этими странами. В то же время на схеме Армения, Киргизия и Беларусь находятся на далеком расстоянии от России, что свидетельствует о том, что интеграционный ресурс ЕАЭС, ШОС, а также отношений Россия–Беларусь еще не раскрыт в полной мере.

Если вернуться к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. и посчитать, была ли выполнена цель повысить число иностранных студентов до 5% от общего числа обучающихся, то получится следующий результат. Согласно данным Министерства науки и высшего об-

разования России, в 2020 г. общая численность студентов составляла чуть больше четырех миллионов человек²². После подсчета иностранных студентов в России за 2020 г. и 2019 г.²³ выясняется, что цель достигнута: они составляют более 6,5% от общего числа получающих высшее образование. Если пойти чуть дальше и посчитать, какой процент составляют студенты из стран ЕАЭС и ШОС от всех студентов России, получится 4,29%, что довольно мало для партнеров по интеграционному объединению. Если же посчитать количество студентов из государств ЕАЭС и ШОС, то оно достигает 64% от числа всех иностранных студентов, что является неплохим результатом, однако сохраняется потенциал для роста.

Как уже было сказано вначале, для того чтобы углубить интеграцию на евразийском пространстве, необходимо развивать образовательную сферу и устанавливать интенсивные связи со государствами интеграционных проектов. Во-первых, необходимо улучшать саму систему образования в России, воспитывать достойные научные кадры посредством поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выводить качество высшего образования на мировой уровень, стремиться к тому, чтобы российские университеты стабильно находились в рейтинге лучших университетов мира, расширять научную деятельность, увеличивать финансирование, что относится к компетенции Министерства науки и высшего образования. Во-вторых, в рамках Евразийского пространства необходимо создать масштабную и фундаментальную программу обменов наподобие европейского Erasmus, направленную на привлечение иностранных студентов и установления, таким образом, более крепких культурных и научных связей – одного из ключей к всеобъемлющей интеграции, что одинаково относится к компетенции и Министерства высшего образования, и Министерства иностранных дел.

²² Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovateln> (дата обращения 19 апреля 2021).

²³ Информация о количестве иностранных студентов за 2019 г. взята по тем странам, которые не представлены в графике за 2020 г.; Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 г. (25.02.2021); ФСБ раскрыла данные о приезжающих на учебу в Россию [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 19 авг.

Благодарности. Автор выражает благодарность старшему преподавателю кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, канд. ист. наук Д.О. Вакарчуку за помощь в выполнении исследования и высказывание критических замечаний.

Acknowledgements. Author thanks assistant professor of RSUH Foreign Regional Studies and Foreign Policy Department, Cand. of Sci. (History) D.O. Vakarchuk for research assistance and critical notes.

Литература

- Дегтерев 2015 – *Дегтерев Д.А.* Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. № 4. С. 119–138.
- Лебедева, Фор 2009 – *Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 1–6.
- Панова 2011 – *Панова Е.П.* Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 157–161.
- Торкунов 2012 – *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.

References

- Degterev, D.A. (2015), “Network Analysis of International Relations”, *Vestnik SPbGU*, ser. 6, no. 4, pp. 119–138.
- Lebedeva, M.M. and Fort, J. (2009), “Higher Education as Soft Power Potential of Russia”, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 6 (9), pp. 1–6.
- Panova, E.P. (2011), “Higher Education as the State’s Soft Power Potential”, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (17), pp. 157–161.
- Torkunov, A.V. (2012), “Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy”, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4 (25), pp. 85–93.

Информация об авторе

Диана Г. Золкина, независимый исследователь, Москва, Россия; zolkina17@mail.ru

Information about the author

Diana G. Zolkina, independent researcher, Moscow, Russia; zolkina17@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 328.132.7

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-99-108

Коммуникативные практики президентов США и РФ 2000–2008 гг.

Леонид В. Смехов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
leonid@smekhov.pro*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу публичных коммуникативных практик президентов США и России, которые выстраиваются на основании правовых норм, политической культуры и сложившихся национальных традиций. Основой для исследования послужило сопоставление ключевых жанров публичных коммуникаций президентов в США и в РФ: посланий парламентам, инаугурационных и кризисных речей, пресс-конференций, интервью 2000–2008 гг. В качестве ведущих методов исследования использовались компаративный (сравнительно-сопоставительный анализ) и дескриптивный.

В результате проведенного исследования выяснилось, что в практике США и России в данном случае практически совпадают жанры посланий и инаугурационных речей. Это не случайно, так как институт президентства в России гораздо моложе, и ключевые жанры публичных коммуникаций заимствованы из западных практик. Однако есть и определенная специфика. В частности, в публичных коммуникативных практиках американских президентов достаточно часто используется жанр кризисных речей. В России же практика кризисных речей используется как риторический инструмент президентской коммуникации значительно реже. В качестве исключения можно привести президентские выступления в отношении самых критических событий, как правило, они транслируются в записи.

В статье подчеркивается, что в качестве ноу-хау президентской коммуникации в России используется формат многочасовых прямых линий с президентом, транслируемых федеральными телеканалами. Значительно чаще используется российскими президентами жанр пресс-конференций. Свообразие коммуникативным практикам придает риторика, используемая конкретными президентами.

Ключевые слова: США, Россия, президент, риторика, политические коммуникации

Для цитирования: Смехов Л.В. Коммуникативные практики президентов США и РФ 2000–2008 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 99–108. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-99-108

© Смехов Л.В., 2022

Communicative practices of the presidents of the United States and the Russian Federation 2000–2008

Leonid V. Smekhov

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, leonid@smekhov.pro*

Abstract. The public communication practices of U.S. and Russian presidents are built on the basis of legal norms, political culture and established national traditions. The key genres of public communications of presidents in both the U.S. and Russia are: messages to parliaments, inaugural and crisis speeches, press conferences, and interviews.

In the practice of the United States and Russia, the genres of messages and inaugural speeches practically coincide in this case. This is not coincidental, since the institution of the presidency in Russia is much younger and the key genres of public communications have been borrowed from Western practices. However, there are also certain specifics. In particular, the genre of crisis speeches is quite often used in the public communication practices of American presidents. In Russia, the practice of crisis speeches is used as a rhetorical tool of presidential communication much less frequently. The exceptions include presidential speeches about the most critical events; as a rule, they are broadcast on record.

The know-how of presidential communication in Russia is the format of multi-hour direct lines with the president, which are broadcast by federal TV channels. The genre of press conferences is used by Russian presidents much more frequently.

The rhetoric used by specific presidents adds to the peculiarity of their communication practices.

Keywords: USA, Russia, president, rhetoric, political communication

For citation: Smekhov, L.V. (2022), “Communicative practices of the presidents of the United States and the Russian Federation 2000–2008”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 99–108, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-99-108

Введение

В рамках настоящей статьи делается попытка проанализировать и сопоставить ведущие коммуникативные практики президентов в России и США 2000–2008 гг. Основной целью работы является выявление специфики и своеобразия их коммуникативных практик. В задачи исследования входит изучение сложившихся традиций, форматов коммуникативного поведения. При этом важно учитывать существенные общественно-политические и экономические трансформации, также влияющие на формат президентской коммуникации и жанровое своеобразие риторических практик.

*«Бушизмы» и другие особенности речи
американского лидера*

Особенности риторических практик президента США Дж.У. Буша отличали его от предшественников на высшем государственном посту страны. Так, Дж. Буш в своих публичных выступлениях достаточно часто обращался к религии, используя цитаты и фрагменты из Библии, подтверждая значение авраамических религий, и в частности протестантизма как фундаментальной ценности для американского общества.

Своеобразие речи американского президента заключалась в его противоречивых и не всегда грамотных выражениях, получивших название «бушизмы» (впоследствии они были изданы в виде книги «Бог говорит через меня») [Weisberg, Trillin 2005].

«Бушизмы» стали неотъемлемой частью имиджа американского президента, а наиболее известные из них активно использовались политиками и журналистами. Так, например, всем запомнилась фраза, произнесенная Дж. Бушем в октябре 2000 г. в Арлингтоне: «Важно объяснять нашей нации, что жизнь важна. И это не только жизнь малышей, но жизнь детей, которые живут, знаете, в этих темных бастионах Интернета»¹. При этом понятие «темные бастионы Интернета» впоследствии трансформировалось в понятие «даркнет» – неурегулированная законом, неформальная и запретная часть Интернета. Оценивая свою встречу с В.В. Путиным в Риме в 2001 г., Дж. Буш охарактеризовал Президента России так: «Я уверен, что он очень прогрессивный, как говорят в дипломатических кругах»². Термин «прогрессивный лидер» надолго и крепко закрепился в образе В.В. Путина.

Однако «бушизмы» встречаются в основном в ситуационных и импровизационных речах американского президента. Такие же жанры, как инаугурационная речь и послание Конгрессу, практически их не содержат по причине их формального статуса.

¹ George W. Bushisms: The Slate Book of the Accidental Wit and Wisdom of Our 43rd President // Bushisms [Электронный ресурс]. URL: <http://home.uchicago.edu/~you/bushisms.html> (дата обращения 6 апреля 2020).

² Ibid.

*Достижение общественного консенсуса
и обеспечение легитимности власти
при помощи коммуникативных практик в РФ*

Риторика публичных коммуникаций В.В. Путина также отличает наличие своеобразных образных выражений. Некоторые фольклоризмы и дисфемизмы, к тому же тиражированные СМИ, надолго остались в памяти слушателей и стали частью его образа.

При этом существенным отличием «путинизмов» (а этот термин уже вполне вошел в обиход) от «бушизмов» заключается в том, что если высказывания Дж. Буша являются спонтанными, то В.В. Путин использует данную речевую стратегию целенаправленно. Об этом свидетельствует и то, что она используется в официальной публичной коммуникации. Президент РФ работает на целевую аудиторию, формируя образ «народного» лидера. О том, что данная речевая стратегия была успешна, можно судить по тому, что избранная Путиным категория людей в качестве целевой аудитории впоследствии и составила основную массу его электората. Кроме того, Путин, добавляя в текст выступления специфические обороты и лексику, тем самым персонифицировал свою речь, созданную спичрайтерами.

В целом коммуникативные практики президентов США и РФ направлены на достижение общественного консенсуса и обеспечение легитимности власти. Согласно теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса, базой для достижения консенсуса при столкновении различных мнений являются дискурс и интеракции между различными членами социума [Хабермас 2007]. Образ президента как элемент политической коммуникации является важным элементом дискурса как фактор распространения доверия между членами коммуникативной среды.

В рамках политической культуры России такое доверие формируется скорее к персоне, личности человека, занимающего президентский пост. В американской же политической культуре доминирует доверие к институту. Это различие отражается на моделях коммуникативных практик, реализуемых президентами.

Степень публичности как основа политической коммуникации

Своеобразие коммуникативных практик США и России определяется и сложившимися политическими традициями публичности института президентства. Степень публичности и открытости фигуры политического лидера определяется менталитетом, политической культурой и сложившимися традициями. В этом смысле американская политическая система имеет уже достаточно продолжительную историю и сложившиеся традиции. Одной из таких сложившихся традиций является достаточная открытость и публичность власти, в том числе президентской. Американцы достаточно много знают о частной жизни американских президентов. При этом все-таки официальная «картинка» – это результат некоей постановки, призванной обеспечить у населения образ частной жизни президента, соответствующий американской мечте.

Степень публичности американского президента требует особого внимания и к его коммуникативным практикам. Достаточно точно это отмечено в работе Р.Е. Дентона и Дж.С. Вудворда:

Президент (как политический институт. – *Л. С.*) – это не только его администрация, но также роль, личность и персона, выстраивающая свою властную позицию с помощью формирования мифов, легенд и убеждения. Все, что делает или говорит президент, облечено смыслом и обращено к кому-то. Каждое действие, слово или фраза заранее просчитана и взвешена с точки зрения ответственности [Denton, Woodward 1998, p. 199].

Фигура Дж. Буша как публичного лидера достаточно традиционна для США. Американским избирателям было достаточно много известно о жизни будущего президента, а сам он имел достаточный опыт публичных коммуникаций.

Анализ публичных коммуникаций Дж. Буша с точки зрения риторических практик содержится в статье профессора политологии и директора программы по изучению политического лидерства Принстонского университета Ф.И. Гринстайна. Рассматривая эволюцию коммуникативных практик Буша, исследователь отмечает:

В первые месяцы своего пребывания в Белом доме Буш, видимо, не осознавал в полной мере возможности использования президентом риторики. Он не делал необходимых в ряде случаев заявлений; его выступления были неубедительны, он лишь механически произносил подготовленные тексты, а когда выступал без текста, то велик был риск, что он может допустить неточные высказывания [Гринстайн 2008, с. 146].

Новый этап в публичных коммуникативных практиках президента Гринстайн связывает с террористическими атаками в сентябре 2001 г. Он отмечает, что

...Буш явно усовершенствовал свои навыки публичной коммуникации, ему по-прежнему не хватало легкости, которая была присуща Франклину Делано Рузвельту, Кеннеди или Рейгану. Вероятно, его речи были более выразительными в тех случаях, когда он принимал непосредственное участие в их подготовке, и у него еще оставалось перед выступлением время для осмысления материала [Гринстайн 2008, с. 155].

Фигура, занимающая высший государственный пост в России, традиционно достаточно «закрытая». Это отражается на коммуникативных практиках президента. Основным здесь, на наш взгляд, является то, что о частной жизни президента населению известно немного. Публичный образ формируется в основном за счет реализации официальных ритуалов и их освещения соответствующими информационными каналами. Естественно, что значимые изменения в коммуникативных практиках вносят свои коррективы.

Существенным отличием публичных коммуникативных образов В.В. Путина от Дж.У. Буша в период прихода к власти является собственно уровень их публичности. Буш пришел к власти уже как известный политик. Путин же был практически не известен общественности. Автор статьи, опубликованной в газете «Новые Известия», отмечал:

Не меньше удивления вызвало и назначение на должность и.о. премьера Владимира Путина – человека неприметного и несколько загадочного, ничем за последние месяцы в публичной политике себя не проявившего. <...> Те, кому незачем было бежать в ближайший обменный пункт, узнали из телеобращения президента, что лучше всего в XXI век введет их человек по фамилии Путин, до вчерашнего дня главный чекист страны³.

Последующий публичный образ Путина формировался в основном кремлевскими политтехнологами, опиравшимися на массовые ожидания. Однако в период президентства публичный коммуникативный образ В.В. Путина все больше персонализировался.

³ *Дуболев К.* Владимир Путин: 20 лет в большой политике [Электронный ресурс] // Дискред.ру. 09.08.2019. URL: <https://www.discred.ru/2019/08/09/vladimir-putin-20-let-v-bolshoj-politike/> (дата обращения 10 марта 2022).

Одним из основных инструментов этой персонификации стала риторика его публичных коммуникаций.

Основное различие североамериканской и российской модели президентства заключается в широте и объеме полномочий президента, его возможностях в области влияния на государственную политику и ее институты. Российская президентская модель безусловно предоставляет первому лицу государства более широкие полномочия. Однако место и роль президентов в США и РФ в значительной степени определяется не столько статусным положением первого лица, сколько характерным для национальных сообществ коммуникативным поведением и восприятием народом института президента и президентской коммуникации (как символической части политической системы в ряду других политических институтов – США; как лидера нации, занимающего надынституциональное положение – РФ).

Основные коммуникативные функции политической власти и базовые элементы публичной риторики

В современном информационном обществе коммуникативные функции политической власти становятся основными в реализации публичной политики. Особенно значимыми являются коммуникативные практики первых лиц государства, формулирующих политическую повестку дня, актуализирующих и концептуализирующих ключевые политические смыслы.

К числу важнейших коммуникативных функций президентов США и РФ в рамках реализации публичной политики относятся: формулирование и распространение национальных идейно-политических ценностей; формулирование актуальной политической повестки дня (с обозначением ключевых задач государства); информирование населения о ключевых политических, экономических и социальных процессах в стране и мире (с обозначением позиции первого лица); мобилизация населения на реализацию ключевых задач государства; формирование общественного мнения; поддержание стабильности политической системы, политического и социального порядка (формирование консенсуса различных политических сил по ключевым проблемам государства и общества).

Коммуникативные функции президентов в публичной деятельности реализуются с помощью определенных политических ритуалов (соответствующих национальной специфике). В данном случае совершенно не случайным оказывается особое значение

риторических президентских практик и ритуалов, так как именно с помощью риторики осуществляется адаптация ключевых политических смыслов с использованием принятого в данном коммуникативном сообществе языка и терминологии для восприятия их самой аудиторией.

Президент как политический коммуникатор обладает возможностью конструирования политической реальности, основанной на самом феномене президентской риторики, ключевой характеристикой которого являются значительные возможности интерпретации.

Формат президентской коммуникации определяется его статусными и правовыми полномочиями, общими основаниями национального коммуникативного поведения, принятыми в стране медиа-информационными коммуникативными практиками, традициями коммуникативных национальных практик.

Специфика президентской коммуникации состоит в том, что адресатом этой коммуникации является не только и не столько тот (те), к кому обращена речь (непосредственный адресат), а более широкий круг людей. Фактически каждое публичное выступление президента, независимо от прямого адресата, обращено ко всей нации. Вследствие этого президентская риторика строится на универсальных основаниях, которые могут быть в равной степени восприняты широкой аудиторией.

При этом немаловажным фактором «коммуникативного» образа президента является и специфика личности конкретного человека, занимающего данный пост (характер, тип личности, образование, политический и трудовой опыт и др.). Последнее находит отражение в особенностях риторических приемов, терминологии, других речевых, реактивных и поведенческих элементах.

Анализ феномена президентской риторики как особого вида речевой коммуникации позволил выявить его основные характеристики. В целом президентская риторика, являясь частью риторики политической, представляет собой разновидность политического ритуала. Так как политическая жизнь президентов и их выступления подчинены строгому протоколу, президентская риторика выстраивается в соответствии с определенными жанрами. В зависимости от вида ритуала меняются жанры президентского выступления.

Президенты как ораторы реализуют все три основные функции риторики (обучающую, убеждающую, развлекающую). Однако в президентской риторике преобладает убеждающая функция, направленная на замещение точки зрения аудитории на собственную. Кроме этого, ключевыми функциями президентской риторики как

коммуникативного инструмента власти являются функции формирования образа и легитимации президентской власти в целом и персонального образа конкретного лидера.

Рассмотрение основных факторов формирования коммуникативных практик Президента РФ В.В. Путина и Президента США Дж.У. Буша и базовых элементов их публичной риторики позволяет сделать вывод о том, что их специфика и своеобразие базируется на правовых основаниях функционирования президентской власти в рассматриваемых странах. Важную роль здесь играют и общие базовые для стран форматы коммуникативного поведения (сложившиеся традиции). В начале 2000-х гг. появление новых коммуникативных форматов и практик, используемых президентами, значительно чаще происходило в РФ. Это связано прежде всего с тем, что сам институт президентской власти в РФ еще достаточно молодой и в эти годы переживал активную стадию своего становления. Кроме этого, в РФ происходили существенные общественно-политические и экономические трансформации, также влияющие на формат президентской коммуникации и жанровое своеобразие риторических практик.

Заключение

Исследование характерных черт и оснований коммуникативных практик В.В. Путина и Дж.У. Буша позволяет сделать следующие выводы:

- специфика и своеобразие коммуникативных практик президентов России и США базируется на правовых и политико-культурных основаниях функционирования президентской власти в рассматриваемых странах;
- важную роль при этом играют и общие базовые для стран форматы коммуникативного поведения (сложившиеся традиции);
- на политико-коммуникативные практики президентов США и РФ значительное влияние оказывает сама persona президента (его биография, личный опыт, черты характера и др.);
- новые форматы коммуникативных практик, используемых президентами, чаще возникали в РФ (это связано прежде всего с тем, что сам институт президентской власти в РФ еще достаточно молодой и в 2000–2008 гг. переживал активную стадию своего становления. Кроме этого, в РФ происходили существенные общественно-политические и экономические трансформации, также влияющие на формат президентской коммуникации и жанровое своеобразие риторических практик).

Литература

- Гринштейн 2008 – *Гринштейн Ф.И.* Джордж У. Буш: человек и лидер // *Личность. Культура. Общество.* 2008. Т. 10. № 3–4. С. 146–164.
- Хабермас 2007 – *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // *Вопросы социальной теории.* 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 229–245.
- Denton, Woodward 1998 – *Denton R.E., Woodward G.C.* Political Communication in America. 3rd ed. N.Y.: Praeger, 1998. 199 p.

References

- Denton, R.E. and Woodward, G.C. (1998), *Political Communication in America*, Praeger, N.Y., USA.
- Greenstein, F.I. (2008), “George W. Bush: the man and the leader”, *Lichnost'. Kultura. Obschestvo*, no. 3–4, pp. 146–164.
- Habermas, J. (2007), “The Theory of Communicative Action”, *Voprosy sotsial'noi teorii*, vol. 1, no. 1, pp. 229–245.
- Weisberg, J. and Trillin, C. (2005), *George W. Bushisms V: New Ways to Harm Our Country*, Gallery Books, N.Y., USA.

Информация об авторе

Леонид В. Смехов, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82; leonid@smekhov.pro

Information about the author

Leonid V. Smekhov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119571; leonid@smekhov.pro

Феномен «психоделического ренессанса» в современных США

Александра С. Роговцева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, al.rogovtseva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу фармакологической теории “Set and Setting” (установки и окружающая среда) в американском социокультурном контексте XXI в. и фокусирует внимание на основных коллективных факторах, которые оказывают влияние на возникновение и подъем третьей волны популярности запрещенных веществ в американском обществе, таких как кризис идентичности, расовый и гендерный раскол, социальные противоречия, а также утрата доверия граждан США к власти на фоне пандемии COVID-19 и экологической катастрофы. Применяя компаративный метод для сравнения «психоделического ренессанса» 2010-х гг. с «психоделическим расцветом» 1960-х гг., используя публицистику, психоделические кинотексты и описания музыкальных фестивалей в качестве источников, автор рассматривает влияние внутриполитической ситуации в США на: 1) популяризацию ЛСД, псилоцибина и других психоделических веществ; 2) продвижение психоделического направления в современной популярной культуре США, а именно в кинематографе и фестивальной деятельности; 3) результативность современных психоделических исследований.

Ключевые слова: психоделический ренессанс в США, ЛСД, псилоцибин, американская популярная культура, контркультура в США

Для цитирования: Роговцева А.С. Феномен «психоделического ренессанса» в современных США // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 109–123. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-109-123

The phenomenon of the ‘psychedelic renaissance’ in the present-day USA

Aleksandra S. Rogovtseva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, al.rogovtseva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pharmacological theory of the “Set and Setting” in the American socio-cultural context of the XXI century and focuses on the main collective factors that influence the emergence and rise of the third wave of popularity of illicit substances in American

society, such as identity crisis, racial and gender split, social contradictions, as well as the loss of confidence of US citizens in government against the backdrop of the COVID-19 pandemic and environmental disaster. Employing a comparative method to juxtapose the “psychedelic renaissance” of the 2010s with the “psychedelic heyday” of the 1960s, using journalistic articles, psychedelic film texts and the descriptions of music festivals as sources, the author examines the influence of the domestic political situation in the United States: 1) on the popularization of LSD, psilocybin and other psychedelic substances; 2) on the promotion of psychedelic trends in modern US popular culture, namely, in cinema and festival activities; 3) on the effectiveness of contemporary psychedelic research.

Keywords: psychedelic renaissance in the US, LSD, psilocybin, American popular culture, counterculture in the US

For citation: Rogovtseva, A.S. (2022), “The phenomenon of the ‘psychedelic renaissance’ in the present-day USA”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 109-123, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-109-123

Введение

В какой степени эффекты психоактивных веществ являются конструкцией, созданной обществом и культурой? Как различный культурный и социальный набор паттернов влияет на переживание психоделического опыта, а главное, на имидж самого вещества в обществе?

В настоящее время на первый план выходит проблема декриминализации, легализации и рекреационного использования наркотиков. Маргинализация запрещенных веществ после начала антинаркотической кампании 1970-х гг. привела к практически полному отказу от исследований психоделиков. Поэтому работы XX в. дают достаточно размытый ответ на вопрос о том, что влияет на психоделический опыт.

Главной концепцией, на которую опираются исследователи психоделиков, выступающие за легализацию данного вида веществ в рекреационных целях, является концепция “Set and setting” (установки и окружающая среда). Автором классической теории принято считать Тимоти Лири, отца психоделической культуры и создателя Гарвардского проекта¹. Однако о том, что соответствующая подготовка (позитивное мышление, проработка страхов, пред-

¹ Гарвардский проект псилобицина (1960–1962) – исследование влияния психоделических наркотиков (псилобицина) на психику человека. Проводился профессорами Тимоти Лири и Ричардом Алпертом на аспирантах Гарвардского университета.

варительное чтение литературы), а также окружение оказывают влияние на психоделическую сессию, знали еще до публикации «Психоделического опыта» [Лири и др. 2003]. В качестве примеров можно привести исследование шаманских ритуалов, заметки о Парижском клубе Хашишинов и масштабную работу Хайда об американской психиатрической больнице 1950-х гг. [Hyde 1960].

В классической теории установки и окружающей среды важное значение придавалось личностным факторам (психологическое состояние пациента [Baudelaire 1998, p. 94], страхи, желания [Metzner, Leary 1967], возраст [Hyde 1960], уровень образования, добровольность), коллективным факторам (физическая и эмоциональная среда, отношения между пациентом и исследователем) [Dimascio, Klerman 1960], а также социокультурному контексту (например, уровень девиантности и патологизации наркотиков в обществе).

Современные исследователи акцентируют внимание на фармакологическом аспекте и выступают за декриминализацию психоделических наркотиков в рекреационных целях и для лечения психических заболеваний². Однако они не учитывают социокультурную составляющую психоделического движения.

Поэтому автор данной статьи видит свою задачу в том, чтобы проследить влияние социокультурной повестки современных США на «психоделический ренессанс» – третью волну популярности данного вида наркотических веществ. Для достижения поставленной цели были рассмотрены глобальные вызовы для американского общества, проведена параллель с «психоделическим расцветом» 1960-х гг., а теория «окружающей среды» подтверждалась примерами из популярной культуры.

Поскольку личность во многом формируется внешними социальными и культурными силами, успех и безопасность психоделической сессии, по мнению автора, больше зависит от коллективной составляющей. То, что произошло в Гарвардском проекте в начале 1960-х гг., не произошло бы десятилетием ранее, возможно, потому, что политическая и социокультурная среда 1950-х гг. не позволила бы этого. В эпоху маккартизма³ и преобладания консервативного менталитета ЛСД находился в руках ЦРУ, а молодое поколение

² Johns Hopkins Center for Psychedelic & Consciousness Research [Электронный ресурс]. URL: <https://hopkinspsychedelic.org/index/#research> (дата обращения 21 декабря 2021).

³ Эпоха Маккартизма (1950–1954) – период американской истории, связанный с работой сенатора Джона Маккарти. Он характеризовался публичным обвинением госслужащих в шпионаже, страхом перед коммунистической и социалистической угрозой внутри США и также назывался «Красной паникой» (The Red Scare).

1960-х гг. превратило его в контркультурный символ. Изменения, которые произошли в социальном окружении – сексуальная революция, четвертое великое духовное пробуждение и радикальные молодежные движения, – позволили ЛСД стать популярным [Hartogsohn 2015].

Эпоха разочарования

Американский социолог и политолог Сэмюэль Хантингтон в 1981 г. заметил, что США переживают периоды моральных потрясений каждые шестьдесят лет, и следующая активизация напряженности в обществе произойдет примерно во втором или третьем десятилетии XXI в. [Huntington 1983, p. 38]. Однако тенденция кризиса доверия к власти, роста социальной и расовой напряженности и деперсонализации зародилась еще в середине 2010-х гг. Американцев, как ранее, уже не сплачивают идейное кредо, система ценностей, вера в национальные институты. Политик и публицист Патрик Бьюкенен, говоря о США начала XXI в., называет современную культуру антихристианской, «поскольку ценности, ею прославляемые, это антитезис древнего христианского учения» [Бьюкенен 2003, с. 8].

Разочарование американцев в героях и национальной истории подтверждается многочисленными актами вандализма и сносом памятников конфедератам. Данная тенденция породила множество споров в американском обществе. Одни считают, что эти памятники прославляют людей, которые пытались отделиться от Соединенных Штатов и проиграли Гражданскую войну⁴, а также являются болезненным напоминанием об институционализированном расизме в США⁵. Другие придерживаются мнения, что монументы представляют историю страны в ее многообразии и неоднозначности. Убрать их – значит подвергнуть цензуре, обелить и предать забвению эту историю⁶.

⁴ Little B. How the Cult of Robert E. Lee Was Born // History. 2018. August 31 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/news/how-the-cult-of-robert-e-lee-was-born> (дата обращения 18 января 2022).

⁵ Aguilera J. Confederate Statues Are Being Removed amid Protests over George Floyd's Death. Here's What to Know [Электронный ресурс] // Time. 2020. June 24. URL: <https://time.com/5849184/confederate-statues-removed/> (дата обращения 18 января 2020).

⁶ Kuznar L. I Detest Our Confederate Monuments, but They Should Remain [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2017. August 18. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/i-detest-our-confederate-monuments-but-they-should-remain/2017/08/18/13d25fe8-843c-11e7-902a-2a9f2d808496_story.html (дата обращения 18 января 2022).

Крайние левые уверены: американцы должны презирать и стыдиться истории, которая сделала нас величайшей страной мира. <...> Самый старый памятник Америки – Колумбу, в Балтиморе, подвергся вандализму. А сенатор Тим Кейн из Вирджинии потребовал, чтобы статуя американского генерала Роберта Ли была вынесена из Капитолия и заменена на статую Покахонтас⁷.

По мнению Эллис Коз, старшего научного сотрудника Американского союза защиты гражданских свобод, снос памятников демонстрирует, насколько остро чувствуется расовая несправедливость и «уродливое наследие американского общества»⁸, и эти действия никак не приведут к искоренению расовой напряженности в США. В свою очередь, Джефф Палмер, первый чернокожий профессор Шотландии, подчеркивает: «Мы не хотим сноса памятников, так как люди через 50 лет будут говорить: вы знаете, они уничтожили статуи, но почему они ничего не сделали с расизмом?»⁹.

На личность молодых американцев также оказывает влияние гендерный раскол, который заключается как в разных политических взглядах у мужчин и женщин¹⁰, так и в общей феминизации общества [Pinker 2011, p. 84–85], экономическое неравенство, проявляющееся в росте доходов богатого населения и снижении доли среднего класса¹¹, а также чувство социальной напряженности. Например, убийства на расовой почве показали, что никто – ни чернокожие американцы, ни белые – не чувствует себя в безопасности. Протесты Black Lives Matter поддерживали граждане США неза-

⁷ Ханенкова Е. В США кризис идентичности: Кто мы? Откуда? Куда мы идем? Во что мы верим? [Электронный ресурс] // Regnum. 2017. 2 сентября. URL: <https://regnum.ru/news/society/2316655.html> (дата обращения 22 декабря 2021).

⁸ Cose E. Keep Confederate Monuments, but Put Their Horrific History on Center Stage [Электронный ресурс] // USA Today. 2017. August 21. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2017/08/21/keep-confederate-monuments-but-dont-whitewash-their-horrific-history-ellis-cose-column/584267001/> (дата обращения: 18 января 2022).

⁹ Huet N. Sir Geoff Palmer, 'Don't Take down Statues – Take down Racism' [Электронный ресурс] // Euronews. 2020. June 11. URL: <https://www.euronews.com/2020/06/11/sir-geoff-palmer-don-t-take-down-statues-take-down-racism> (дата обращения 18 января 2022).

¹⁰ Edsall T. The Gender Gap Is Taking Us to Unexpected Places // NYTimes. 2022. January 12. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/12/opinion/gender-gap-politics.html> (дата обращения 18 января 2022).

¹¹ Horowitz J. Most Americans Say There Is Too Much Economic Inequality in the U.S., But Fewer Than Half Call It a Top Priority [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2020. January 9. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/01/09/trends-in-income-and-wealth-inequality/> (дата обращения 18 января 2022).

висимо от их расовой принадлежности¹². Журналист “The Atlantic” Дэвид Брукс предположил, что белые молодые люди принимали участие в протестах не столько в знак солидарности с афроамериканцами, сколько из опасения за собственную безопасность, выступая против власти, которой нельзя доверять¹³.

Пандемия COVID-19 ускорила развитие кризиса доверия к власти, чему способствовал Дональд Трамп. Он оказался не способен руководить государством во время пандемии¹⁴, подрывая веру общества в готовность правительства защитить население и прибегая к откровенной лжи¹⁵. А новости о том, что Центр по контролю и профилактике заболеваний не предоставлял актуальных данных о вирусе и смертях¹⁶, еще больше усугубляли положение. Также резкой критике были подвергнуты посты Трампа в социальной сети Twitter, где он назвал глобальное потепление «мифическим», а активистов – «паникерами»¹⁷. А его решение выйти из Парижского соглашения стало объектом критики со стороны экологов¹⁸, лидеров бизнеса¹⁹ и ученых²⁰.

¹² *Thomas D., Horowitz J.* Support for Black Lives Matter has decreased since June but remains strong among Black Americans [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2020. September 16. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/16/support-for-black-lives-matter-has-decreasedsince-june-but-remains-strong-among-black-americans/> (дата обращения 22 декабря 2021).

¹³ *Brooks D.* America Is Having a Moral Convulsion [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2020. October 5. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/10/collapsing-levels-trust-are-devastating-america/616581/> (дата обращения 22 декабря 2021).

¹⁴ *Pandemic fears in border towns as workers flock in to build Trump's wall* [Электронный ресурс] // The Guardian. 2020. April 16. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/apr/16/trump-border-wall-coronavirus-pandemic-ajo-arizona> (дата обращения 22 декабря 2021).

¹⁵ *Brooks D.* Op. cit.

¹⁶ *Forbes S.* CDC and Covid-19: Scandal and Incompetence [Электронный ресурс] // Forbes. 2020. March 14. URL: <https://www.forbes.com/sites/steveforbes/2020/03/14/cdc-and-covid-19-scandal-and-incompetence/?sh=41ab28682e7a> (дата обращения 22 декабря 2021).

¹⁷ *Cheung H.* What does Trump actually believe on climate change? [Электронный ресурс] // BBC News. 2020. January 23. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51213003> (дата обращения 19 января 2022).

¹⁸ *Hayden M.* Democrats, environmentalists blast idea US could leave the Paris accord [Электронный ресурс] // ABC News. 2017. May 31. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/politicians-environmental-groups-react-idea-us-leave-paris/story?id=47744197> (дата обращения 23 декабря 2021).

¹⁹ *Etherington D.* Elon Musk leaving Trump advisory councils following Paris agreement withdrawal [Электронный ресурс] // TechCrunch+. 2017. June 1. URL: <https://techcrunch.com/2017/06/01/elon-musk-leaving-trump-advisory-councils-following-paris-agreement-withdrawal/> (дата обращения 23 декабря 2021).

²⁰ *Tollefson J.* How scientists reacted to the US leaving the Paris climate agreement [Электронный ресурс] // Nature. June 2, 2017. URL: <https://www.nature.com/articles/nature.2017.22098> (дата обращения 23 декабря 2021).

По мнению экспертов, выход из соглашения вряд ли изменил бы количество выбросов парниковых газов, поскольку они не связаны с международными правовыми обязательствами²¹. Тем не менее, как показывают социологические опросы, большая часть населения США²², подавляющее большинство демократов и часть республиканцев²³ были уверены, что выход из соглашения – серьезная угроза американской политике по защите окружающей среды.

Если сравнить современное состояние американского общества с периодом потрясений 1960-х гг., то можно увидеть черты сходства: кризис идентичности в американском обществе нашел отражение в массовых протестах, а действия власти привели к кризису доверия к государственным институтам. Многим американцам кажется, что общество снова движется в «неправильном направлении», а человек находится в состоянии пассивного наблюдателя и не видит в себе сил что-то изменить. Из-за деперсонализации он не понимает, кто он, куда идет, во что ему верить и кому довериться²⁴.

Опыт 1960-х гг. свидетельствует о том, что люди, употреблявшие психоделики, искали не только новых знаний, но и коллективной консолидации. Так, «всеобщая любовь» хиппи может быть объяснена как мировоззрением молодых людей, так и одним из последствий действия психоделиков. ЛСД способствует появлению так называемого «коллективного разума» или «коллективного бессознательного», следуя терминологии психолога Станислава Грофа [Grof 2019]. Вот почему путешественники никогда не проходили психоделические сессии в одиночку, только в группах или с проводником, что являлось социальной составляющей благоприятной «окружающей среды».

Тенденция ухода от реальности при помощи психоделических веществ также сохраняется. Ребекка Реннер, эксперт журнала “Na-

²³ *Kemp L.* Better out than in [Электронный ресурс] // Nature. 2017. July. URL: <https://www.nature.com/articles/nclimate3309.epdf> (дата обращения 23 декабря 2021).

²⁴ *Clement S.* Post-ABC poll: Nearly 6 in 10 oppose Trump scrapping Paris agreement [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2017. June 5. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/energy-environment/wp/2017/06/05/post-abc-poll-nearly-6-in-10-oppose-trump-scrapping-paris-agreement/> (дата обращения 23 декабря 2021).

²³ *Smith D.* Despite Rejoining the Paris Agreement, Polling Shows US Experts Divide on Climate Issues [Электронный ресурс] // The Chicago Council on Global Affairs. 2021. April 22. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/commentary-and-analysis/blogs/despite-rejoining-paris-agreement-polling-shows-us-experts-divide> (дата обращения: 19.01.2022).

²⁴ The state of personal trust [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2019. July 22. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2019/07/22/the-state-of-personal-trust/> (дата обращения 23 декабря 2021).

tional Geographic”, пишет о тенденции «апокалиптических» путешествий во время пандемии COVID-19²⁵. Параллельно возникали «мессианские» путешествия: переживания, в которых человек так глубоко погружался в себя, что мог увидеть свою личную спасительную роль в осуществлении системных изменений, например решения экологических проблем. Так, техноэколог Ричард Дойл предложил привносить в психоделические сеансы про-экологические подсказки. Его идея заключалась в том, чтобы усилить связь с природой, а также обратить внимание на проблему изменения климата²⁶.

С развитием технологий у людей появилось больше возможностей пережить ЛСД-опыт без употребления запрещенных веществ. В 1960-х гг. воссоздать психоделический опыт на экране было практически невозможно в силу неразвитости индустрии спецэффектов. Поэтому фильмы типа «Трип»²⁷ и «Пожиратели кислоты»²⁸ хоть и стали прорывом для зрителя того времени, сейчас никого не впечатлят. В современном мире с помощью 3D-графики можно создать любую картинку, а развитие индустрии VR позволяет человеку перенестись в другие миры за секунды.

Использование новейших технологий для переживания «кислотного опыта без ЛСД» и для усиления классического ЛСД-опыта всячески поощряется. В современном мире «моду на ЛСД» продвигают известные люди из индустрии развлечений, сектора высоких технологий и сферы искусства. Например, представители Кремниевой долины, в том числе Стив Джобс и Билл Гейтс, используют микродозы ЛСД и псилоцибиновых грибов, чтобы быть более собранными и продуктивными²⁹, а психоделический художник и бывший сотрудник компании “George Lucas Industrial Light

²⁵ Renner R. The pandemic is giving people vivid, unusual dreams. Here's why [Электронный ресурс] // National Geographic. 2020. April 15. URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/coronavirus-pandemic-is-giving-people-vivid-unusual-dreams-here-is-why> (дата обращения 23 декабря 2021).

²⁶ Psychedelics Make Us Human: An Interview with Techno-Ecologist Richard Doyle [Электронный ресурс] // Vice. 2011. June 21. URL: <https://www.vice.com/en/article/533dy5/psychedelics-make-us-human-an-interview-with-the-mind-bending-techno-ecologic-scholar-richard-doyle> (дата обращения 23 декабря 2021).

²⁷ «Трип» (“The Trip”), реж. Роджер Корман, 1967.

²⁸ «Пожиратели кислоты» (“Acid eaters”), реж. Байрон Мейб, 1968.

²⁹ Solon O. Under pressure, Silicon Valley workers turn to LSD microdosing // Wired. 2016. August 8. URL: <https://www.wired.co.uk/article/lsd-microdosing-drugs-silicon-valley> (дата обращения 23 декабря 2021).

& Magic и Nintendo” Эндрю «Андроид» Джонс принимает ЛСД для вдохновения³⁰.

Действительно, если в XX в. к психоделикам обращались представители контркультурных движений – хиппи и рейверы, то теперь запрещенные вещества используют другие группы населения – оздоровительные сообщества, представители культуры хип-хопа, политически правые, энтузиасты криптовалюты, трейдеры с Уолл-стрит, финансисты и обычные люди, стремящиеся поправить свое психическое здоровье.

«Третья молодость» психоделиков

Благодаря кризису во многих сферах общественной жизни США психоделическая культура получила очередной толчок, что вывело ее в ранг популярной культуры.

В качестве примера популяризации психоделического движения можно обратиться к творчеству Лили и Ланы Вачовски. Семья Вачовски сняла фильмы «Матрица» и «V значит Вендетта», которые популяризировали такие элементы психоделической культуры, как связь людей между собой и с окружающим миром, введение героев в состояние, в котором размывается грань между реальностью и вымыслом.

В подкасте «Множественные значения Матрицы»³¹ Кен Уилбер, американский психолог и философ, прокомментировал все три фильма с точки зрения своего исследования – интегральной теории и теории перинатальных матриц Станислава Грофа³². Уилбер пришел к выводу, что, по сути, люди и искусственный интеллект являются частью единого космического сознания. И это лежит в основе всей трилогии «Матрицы», поскольку Нео и Агент Смит представляют собой противоположности в универсальной полярности.

³⁰ Android Jones. Official Site [Электронный ресурс]. URL: <https://androidjones.com/about/statement/> (дата обращения 23 декабря 2021).

³¹ Wachowski L., Wilber K. The Many Meanings of the Matrix [Электронный ресурс]. URL: https://soundcloud.com/integrallife/lana-wachowski-and-ken-wilber-the-many-meanings-of-the-matrix?utm_source=integrallife.com&utm_campaign=wtshare&utm_medium=widget&utm_content=https%253A%252F%252Fsoundcloud.com%252Fintegrallife%252F lana-wachowski-and-ken-wilber-the-many-meanings-of-the-matrix (дата обращения 16 июля 2021).

³² Теория перинатальных матриц – психологическая теория «родовой травмы». Модель о психическом состоянии человека до и в момент рождения [Grof 2019].

Более подробно в данной статье имеет смысл проанализировать другую работу сестер Вачовски – сериал «Восьмое чувство» (“Sense8”), который транслировался на платформе Netflix с 2015 по 2018 г. Сериал повествует об отдельной эволюционной линии людей – *Homo sensorium*, которая развивалась параллельно с *Homo sapiens* в течение последних сотен тысяч лет. *Homo sensorium* отличается от *Homo sapiens* тем, что они телепатически связаны друг с другом. Восемь человек делятся друг с другом чувствами, мыслями и талантами. Члены вида *Homo sensorium* эмпатически соединяются через психический субстрат, называемый *psycellium*. Вачовски утверждают, будто именно мицелий грибов был идеальной метафорой для передачи этой психологической сети. Термин представляет собой объединение слов псилоцибин, психический и мицелий. В сериале также есть еще одна отсылка к психоделикам. В первом эпизоде сериала женщина курит ДМТ, молекулу триптамина, очень похожую на псилоцибин, и пробуждает свою связь с сетью псиллиум, присоединяясь к сознанию другого человека.

В сериале затрагиваются несколько достаточно важных тем, в частности разница между автономией (индивидуальностью), общением и трансцендентностью, то есть выходом за пределы своего сознания, его расширением. Каждый человек в группе – это прежде всего отдельная личность со своим собственным сознанием. Они живут в разных странах, будучи носителями определенной культуры и менталитета. Однако непреодолимо притягиваются друг к другу, что приводит к общности/коллективности сознания. Герои сериала стремятся за пределы своей индивидуальности. Бывают моменты, когда кластер функционирует как единый организм, а люди действуют синхронно. Они не только мыслят как единое целое, но и делятся своей болью и мотивацией. Тема трансцендентности отражена в сериале как отсутствие разделения между людьми, культурами, а также полами и гендерами, что очень важно как для сестер Вачовски³³, так и для современной аудитории. Критики сайта Rotten Tomatoes, на котором собираются обзоры фильмов и сериалов из различных изданий, отметили раскрытие тем «всеобъемлющей связи» между людьми и «пострасовом глобализме»³⁴.

³³ O’Keefe M. The Defiant Weirdness of ‘Sense8’ Proves the Wachowskis Deserve All the Chances [Электронный ресурс] // Decider. 2019. August 22. URL: <https://decider.com/2019/08/22/sense8-the-wachowskis-new-matrix-movie/> (дата обращения 23 декабря 2021).

³⁴ Sense8 Reviews [Электронный ресурс] // Rotten Tomatoes. URL: <https://www.rottentomatoes.com/tv/sense8/s01/reviews> (дата обращения 23 декабря 2021).

Еще один способ интеграции мицелиальной связи между людьми в популярную культуру – это новый сериал «Звездный путь: Дискавери» режиссера Брайна Фуллера, впервые показанный в 2017 г. На протяжении десятилетий «Звездный путь» был одним из самых популярных сериалов западной поп-культуры в жанре научной фантастики, в котором представлены возможные сценарии будущего путем интеграции последних научных знаний и технологий. На этот раз в Дискавери именно мицелий задает смысловой контекст. Интересной отсылкой является то, что главный герой Пол Стамец назван в честь реального ученого, исследовавшего психоделические грибы. В сериале люди обнаружили, что все места во Вселенной и все параллельные вселенные связаны мицелиальными паутинами. Следовательно, Вселенная в основе своей живая. Путешествуя по мицелиальной паутине, корабль может пройти световой год за 1,3 секунды и даже попасть в альтернативные вселенные.

Визионерская направленность и возможность испытать «кислотный опыт без ЛСД» за просмотром сериала вызвала широкие обсуждения на сайте Reddit, а некоторые пользователи выразили желание совместить данный вид психоделического опыта с настоящим, используя ЛСД³⁵.

Работа миколога Пола Стамеца оказала влияние и на другой культурный шедевр, «Аватар», в течение десяти лет остававшийся самым кассовым фильмом в международном прокате. Луи Шварцберг, продюсер и режиссер фильма «Фантастические грибы», пишет:

Концепция Древа Матери, впервые предложенная Полом Стамцем и Сюзанной Симард, стала фундаментальной для концепции, использованной режиссером Джеймсом Кэмероном в «Аватаре». Без этого духовного ядра «Аватар» никогда бы не стал одним из самых кассовых фильмов всех времен [Schwartzberg, Stamets 2019, p. 175].

Самой важной частью психоделической культуры, значимой для моего исследования, являются психоделические фестивали, такие, например, как “Burning Man”³⁶ и “Lightning in a Bottle”³⁷. Для многих эти фестивали – ритуал, требующий подготовки.

³⁵ Is discovery psychedelics friendly? [Электронный ресурс] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/StarTrekDiscovery/comments/ai0o38/is_discovery psychedelics_friendly/ (дата обращения 23 декабря 2021).

³⁶ “Burning Man” – фестиваль современного искусства и электронной музыки, ежегодно проводимый в пустыне Блэк-Рок в Неваде. Началом истории фестиваля считают 1986 г., а характерной особенностью – сожжение огромного деревянного чучела.

³⁷ “Lightning in a Bottle” – ежегодный музыкальный фестиваль, проводимый в Калифорнии с 2006 г.

В 2015 г. группа ученых во главе с оксфордским нейропсихологом Молли Крокетт объединила усилия с администрацией города Блэк-Рок, где проходит “Burning Man”, чтобы изучить происходящее на фестивале. Эта работа была опубликована на сайте BRC Census³⁸. Исходя из анализа полученных данных, можно сделать вывод, что бешеная популярность фестиваля обуславливается сплоченным сообществом творческих личностей. “Burning Man” посещают люди разного возраста, разного достатка, разной этнической принадлежности, но всех их объединяет любовь к искусству, музыке и приключениям. 75% участников сообщили, что у них на фестивале произошел психоделический опыт (как с ЛСД, так и без него)³⁹, в то время как 85% утверждали, будто увиденное сохранялось в их сознании в течение нескольких недель или месяцев. Это невероятно высокий средний показатель.

По мнению Деидры Руанн – журналиста журнала “Dancecult”, “Burning Man” – это праздник уверенности в себе и самовыражения [Ruane 2015]. Аудитория в основном состоит из творческих людей – ученых, работающих над искусственным интеллектом, инженеров, художников, программистов, исследователей-психоделиков, а процветание этого сообщества связано с творческим потенциалом соучастия.

Заключение

Изучение влияния немедикаментозных факторов на действие наркотиков, как в медицине, так и за ее пределами, может внести значительный вклад в понимание действия наркотиков в реальном мире. Популяризация психоделического движения посредством фильмов и фестивалей хоть и не является основным способом достижения цели – легализации использования психоделиков в рекреационных целях на всей территории США, однако помогает предотвратить социальный вред наркотиков или свести его к минимуму посредством создания позитивных настроений и условий для переживания.

Усилия психоделических активистов в данном направлении уже приносят плоды. Так, в мае 2019 г. псилоцибин был декримини-

³⁸ BRC Census. URL: <http://blackrockcitycensus.org/index.html#whatis> (дата обращения 24 декабря 2021).

³⁹ BRC Census. URL: <http://blackrockcitycensus.org/transform.html#transform> (дата обращения 24 декабря 2021).

нализирован в Денвере, в 2020 г. – в городах Вашингтон, Сомервилль и Кембридж. Орегон же стал первым штатом, на всей территории которого терапевтическое использование психоделических грибов не считается больше преступлением⁴⁰.

Литература

Бьюкенен 2003 – *Бьюкенен П.* Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.

Лири и др. 2003 – *Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р.* Психоделический опыт. Львов; Киев: Инициатива: Ника-центр, 2003.

Baudelaire 1998 – *Baudelaire C.* Artificial Paradises: Baudelaire's Masterpiece on Hashish, Kindle Edition. Secaucus, NJ: Citadel, 1998.

Dimascio, Klerman 1960 – *Dimascio A., Klerman G.* Experimental human psychopharmacology: The role of non-drug factors // *The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*. 1st ed. / Ed. by G.J. Sarwer-Foner. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960.

Grof 2019 – *Grof S.* The Way of the Psychonaut. Vol. 1: Encyclopedia for inner journeys. Santa Cruz, CA: Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, 2019.

Hartogsohn 2015 – *Hartogsohn I.* The psycho-social construction of LSD: How set and setting shaped the American psychedelic experience 1950–197: Ph.D. Thesis. Ramat Gan: Bar Ilan University, 2015.

Huntington 1983 – *Huntington S.* American Politics: The Promise of Disharmony. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 1983. 320 p.

Hyde 1960 – *Hyde R.* Psychological and social determinants of drug action // *The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*. 1st ed. / Ed. by G.J. Sarwer-Foner. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960. P. 297–315.

Metzner, Leary 1967 – *Metzner R., Leary T.* On programming psychedelic experiences // *Psychedelic Review*. 1967. No. 9. P. 5–19.

Pinker 2011 – *Pinker S.* The Better Angels of our Nature. N.Y.: Viking, 2011.

Ruane 2015 – *Ruane D.* Harm reduction or psychedelic support? Caring for drug-related crises at transformational festivals // *Dancecult: Journal of Electronic Dance Music Culture*. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 55–75.

Schwartzberg, Stamets 2019 – *Schwartzberg L., Stamets P.* Fantastic fungi: How mushrooms can heal, shift consciousness & save the planet. San Rafael, CA: Earth Aware, 2019.

⁴⁰ *Naftulin J.* Oregon has become the first state to legalize 'magic' mushrooms for therapeutic use. Here's what that means [Электронный ресурс] // Insider. 2020. November 5. URL: <https://www.businessinsider.com/oregon-first-ever-state-to-legalize-psylocybin-for-therapeutic-use-2020-11> (дата обращения 24 декабря 2021).

References

- Baudelaire, C. (1998), *Artificial Paradises: Baudelaire's Masterpiece on Hashish*, Kindle Edition, Citadel Press, Secaucus, NJ, USA.
- Baudelaire 1998 – *Baudelaire C. Artificial Paradises: Baudelaire's Masterpiece on Hashish*, Kindle Edition. Secaucus, NJ: Citadel, 1998.
- Buchanan, P. (2003), *Smert' Zapada* [The Death of the West], AST, Moscow, Russia. Бьюкенен 2003 – *Бьюкенен П. Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003.
- Dimascio, A. and Klerman, G. (1960), “Experimental human psychopharmacology: The role of non-drug factors”, *The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*, Sarwer-Foner, G.J. (ed.), C.C. Thomas, Springfield, IL, pp. 56–97.
- Dimascio, Klerman 1960 – *Dimascio A., Klerman G. Experimental human psychopharmacology: The role of non-drug factors // The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*. 1st ed. / Ed. by G.J. Sarwer-Foner. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960.
- Grof, S. (2019), *The way of the psychonaut, Vol. 1, 2: Encyclopedia for inner journeys*, Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, Santa Cruz, CA., USA.
- Grof 2019 – *Grof S. The Way of the Psychonaut. Vol. 1: Encyclopedia for inner journeys*. Santa Cruz, CA: Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, 2019.
- Hartogsohn, I. (2015), *The psycho-social construction of LSD: How set and setting shaped the American psychedelic experience 1950–1970*, Ph.D. Thesis, Bar Ilan University, Ramat Gan, Israel.
- Hartogsohn 2015 – *Hartogsohn I. The psycho-social construction of LSD: How set and setting shaped the American psychedelic experience 1950–1970*: Ph.D. Thesis. Ramat Gan: Bar Ilan University, 2015.
- Huntington, S. (1983), *American Politics: The Promise of Disharmony*, Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Huntington 1983 – *Huntington S. American Politics: The Promise of Disharmony*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 1983. 320 p.
- Hyde, R. (1960), “Psychological and social determinants of drug action”, *The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*, Sarwer-Foner, G.J. (ed.), C.C. Thomas, Springfield, IL, USA, pp. 297–315.
- Hyde 1960 – *Hyde R. Psychological and social determinants of drug action // The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*. 1st ed. / Ed. by G.J. Sarwer-Foner. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1960. P. 297–315.
- Leary, T., Metzner, R., and Alpert, R. (1962), *Psychedelic experience*, Initsiaiva, Nika-Tsentr, Kiev, Lviv.
- Лири и др. 2003 – *Лири Т., Метцнер Р., Олтерт Р. Психоделический опыт*. Львов; Киев: Инициатива: Ника-центр, 2003.
- Metzner, R. and Leary, T. (1967), “On programming psychedelic experiences”, *Psychedelic Review*, no. 9, pp. 5–19.
- Metzner, Leary 1967 – *Metzner R., Leary T. On programming psychedelic experiences // Psychedelic Review*. 1967. No. 9. P. 5–19.
- Pinker, S. (2011), *The Better Angels of our Nature*, Viking, N.Y., USA.
- Pinker 2011 – *Pinker S. The Better Angels of our Nature*. N.Y.: Viking, 2011.
- Ruane, D. (2015), “Harm reduction or psychedelic support? Caring for drug-related crises at transformational festivals”, *Dancecult: Journal of Electronic Dance Music Culture*, vol. 7, no. 1, pp. 55–75.

- Ruane 2015 – *Ruane D.* Harm reduction or psychedelic support? Caring for drug-related crises at transformational festivals // *Dancecult: Journal of Electronic Dance Music Culture*. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 55–75.
- Schwartzberg, L. and Stamets, P. (2019), *Fantastic fungi: How mushrooms can heal, shift consciousness & save the planet*, Earth Aware, San Rafael, CA.
- Schwartzberg, Stamets 2019 – *Schwartzberg L., Stamets P.* Fantastic fungi: How mushrooms can heal, shift consciousness & save the planet. San Rafael, CA: Earth Aware, 2019.

Информация об авторе

Александра С. Роговцева, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва: Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; al.rogovtseva@gmail.com

Information about the author

Aleksandra S. Rogovtseva, master's degree student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; al.rogovtseva@gmail.com

Книжная полка

УДК 94(47+73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-124-130

Чему общее прошлое учит русских и американцев?

Рец. на кн.: *Журавлева В.И.*

Общее прошлое русских и американцев: курс лекций.
М.: РГГУ, 2021. 618 с.

Иван А. Цветков

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, 9064175@gmail.com*

Ключевые слова: Российско-американские отношения, общее прошлое, историческая память, курс лекций

Для цитирования: Цветков И.А. Чему общее прошлое учит русских и американцев?: Рец. на кн.: Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев: курс лекций. М.: РГГУ, 2021. 618 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 124–130. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-124-130

What does the common past teach Russians and Americans?

Book Rev.: Zhuravleva, V.I. (2021),
*The common past of Russians and Americans:
A course of lectures*, RGGU, Moscow

Ivan A. Tsvetkov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, 9064175@gmail.com

Keywords: Russian-American relations, common past, historical memory, course of lectures

For citation: Tsvetkov, I.A. (2022), "What Does the Common Past Teach Russians and Americans?", Book Rev.: Zhuravleva, V.I. (2021), *The common past of Russians and Americans: a course of lectures*, RGGU, Moscow", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 124-130, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-124-130

© Цветков И.А., 2022

"Political Science. History. International Relations" Series, 2022, no. 1 • ISSN 2073-6339

Интерес к истории российско-американских отношений в современной России выходит далеко за пределы академического круга ученых-историков. В самых разнообразных общественных дискуссиях наше взаимодействие с Америкой и американцами служит аргументом, привлекается для иллюстраций и сравнительного анализа, а часто и вовсе становится отправной точкой решений и поступков (включая самые масштабные политические стратегии). Давно замечено, что во многих случаях это увлечение Америкой выходит за пределы здравого смысла и приобретает черты некой одержимости. Сегодня трудно вообразить разговор нескольких россиян, принадлежащих к любым социальным и профессиональным группам, в котором они обсуждали бы состояние и перспективы России как государства и не упоминали бы США в том или ином контексте. Примечательно, что, несмотря на некоторый рост интереса к России во внутриамериканских дискуссиях в последние годы (к сожалению, в основном интереса негативного), ничего и близко похожего на российский «американоцентризм» в США не наблюдается. Россия, как это не может показаться кому-то обидным, для жителей США сегодня гораздо менее важна и интересна, чем США для наших соотечественников.

Тем удивительнее выглядит то обстоятельство, что в отечественной научной и научно-популярной литературе до сих пор трудно отыскать систематический и полный обзор истории российско-американских отношений, написанный одним автором и выпущенный в виде отдельной книги. Недостатка в разнообразных публикациях и специальных монографиях по отдельным периодам нет, а вот общий очерк, представляющий авторский взгляд на развитие отношений от их начала и до наших дней, по каким-то не до конца понятным причинам так и не был написан. Ближе всего к реализации этой задачи подошел Э.А. Иванян в своей монументальной «Энциклопедии российско-американских отношений» [Иванян 2001], но жанр этого труда не подразумевал последовательного исторического нарратива. Увлекательную и насыщенную фактическим материалом книгу недавно представил читателям И.И. Курилла [Курилла 2018], но, опять же, серия биографических очерков, при всей их полезности и актуальности, не может заменить полноценной истории отношений.

Если же мы посмотрим на американскую литературу, то обнаружим множество сочинений именно обзорного характера, написанных в разные эпохи, с различных методологических и идейных позиций. Они охватывают все периоды российско-американских отношений и практически всегда основываются на четкой авторской концепции. Характерными примерами здесь выступают

уже ставшие классическими сочинения Т. Бэйли [Bailey 1950] и У.А. Уильямса [Williams 1952]. Примечательно, что несколько подобных книг издано на английском языке и выходами из России (А.П. Цыганков [Tsygankov 2012], А. Тарсаидзе [Tarsaidze 1958]¹), но в самой России до последнего времени на книжных прилавках ничего подобного не появлялось.

С этой точки зрения, книгу одного из ведущих современных российских американистов, заведующей кафедрой американских исследований Российского государственного гуманитарного университета В.И. Журавлевой, можно считать настоящим прорывом. Хотя автор также не ставила перед собой задачи систематического изложения истории российско-американских отношений, и многие события политической и дипломатической двусторонней повестки остались «за кадром», обилие представленного в книге материала и четко прослеживаемая авторская концепция «общего прошлого» дают основания считать этот труд чуть ли не первым в современной российской литературе полноценным обзорным очерком по истории взаимных контактов России и США.

Изложение материала в книге В.И. Журавлевой построено вокруг нескольких важнейших сюжетов истории российско-американских отношений: американской гуманитарной помощи, участия США в российских и советских модернизационных проектах, эмиграции из России в США, вклада российских иммигрантов в американскую науку и культуру, истории американо-советского союза времен Второй мировой войны, космической гонки и сотрудничества в космосе, культурных связей, взаимного влияния политических идеологий. Хотя внутри каждой из этих тем автором предлагается своя хронология и логика развития, они выстроены в книге так, что у читателя не возникает ощущения разрыва в повествовании: материал каждой лекции вытекает из предыдущей либо связан с ней концептуально.

Общее прошлое русских и американцев представлено читателю через призму категорий социального конструктивизма. Определение взаимных образов как «конституирующего другого» для общественного сознания США и России дает, пожалуй, самый убедительный из всех доступных современной науке ответов на вопрос о причинах вышеупомянутой «одержимости» друг другом (ведь когда-то, например в годы Войны за независимость или Гражданской войны, американцы тоже явно чрезмерно увлекались Россией

¹ В 2010 г. книга переведена на русский язык, см.: *Тарсаидзе А. Цари и президенты: История забытой дружбы*. М.: Международ. отношения, 2010. 504 с.

и подменяли ее реальные свойства воображаемыми). Если, согласно построениям конструктивистов, образ «другого» необходим нациям для формирования собственной идентичности, совершенно неудивительно, что США и Россия в разные исторические периоды оказывались друг для друга удобными «зеркалами», в которых можно было не столько увидеть себя со стороны, сколько «отфильтровать» нежелательные элементы своих самопрезентаций. Важно и то, что благодаря историческим связям с Европой США и Россия были друг для друга «другими», но не были «чужими». Данное обстоятельство хорошо объясняет совершенно иной характер отношений США и России, например с Китаем, который в качестве конструктивистского «зеркала» не подходит ни русским, ни американцам.

Еще один важнейший посыл автора книги – Россия и США продуктивно взаимодействовали всегда, даже в периоды политических кризисов в двусторонних отношениях. В XIX в. отлично осознаваемая всеми антагонистичность политических систем вовсе не мешала официальной дружбе двух стран, которые вместе противостояли международным оппонентам, прежде всего Великобритании. Затем эта идеальная комбинация стала постепенно разрушаться: автор отлично разъясняет, какую роль сыграли в этом политические иммигранты из России, распространение в США знаний об авторитарных практиках российских властей, общий прогрессистский настрой американского общества в конце XIX – начале XX в., а также изменение международной политической обстановки. Однако параллельно с ухудшением идейно-политического климата в отношениях росла заинтересованность российского общества в плодах американской технической цивилизации. Достижения американцев в этой области обращали на себя внимание еще в первой половине XIX в., а к его завершению Америка и вовсе превратилась в настоящий символ прогресса и модернизации. Читатель «Общего прошлого», лишь поверхностно знакомый с политической историей первых десятилетий XX в., может узнать много нового о характере российско-американских отношений в этот период: там, где историки-традиционалисты делали акцент на конфликтах и соперничестве двух стран, В.И. Журавлева пишет о прямо противоположном – о широком участии американского бизнеса в российской экономике накануне Первой мировой войны, о спасении 10 миллионов жизней россиян Американской администрацией помощи в 1921–1923 гг., об огромном вкладе США в советскую индустриализацию – причем в основном еще до установления дипломатических отношений в 1933 г.

В последующих главах проводится та же мысль применительно к событиям периода Второй мировой, а затем холодной войны.

Политические факторы и идейная атмосфера, конечно, задавали вектор отношений США и СССР, но в любых обстоятельствах эти отношения оставались содержательными и насыщенными. Взаимный интерес в ситуациях политического антагонизма часто только возрастал – а затем накопленная энергия распрямлялась пружиной в периоды разрядки, в ходе коротких оттепелей в отношениях, визитов лидеров, выставок, гастролей. Кульминацией стал период перестройки и первых лет существования «новой России» после 1991 г.

Конечно же, сегодня все эти наблюдения интересны не только с академической точки зрения. Всем нам хочется заглянуть за горизонт и попытаться понять, к чему приведет нынешний глубокий кризис в российско-американских отношениях. Вывод, к которому приходит автор – «прагматика в итоге возьмет верх над ценностным подходом, как было уже не раз в прошлом» (с. 324). Несмотря на более чем убедительное подкрепление этого тезиса историческим материалом, он все равно, на первый взгляд, кажется слишком оптимистичным. Конечно, полный и бесповоротный разрыв каких бы то ни было отношений России и США кажется сегодня невыполнимым. В XX в. мы переживали и не такое: 15 лет не поддерживали дипломатических контактов, были в шаге от ядерной войны во время Карибского кризиса 1962 г. Но все равно оказывались друг другу нужными и находили пути снижения напряженности. А сегодня могут ли Россия и США выжить друг без друга? Может ли общее прошлое стать барьером на пути полного разрыва отношений? К сожалению, история знает примеры международных «разводов». США на несколько десятилетий прерывали отношения с Китаем после прихода к власти коммунистов, несмотря на вековые традиции взаимных контактов и сотрудничества. Отношения США с Ираном после 1979 г. также не спасла память об общем прошлом.

Как нам представляется, самым важным аргументом в пользу оптимистического сценария будущего российско-американских отношений, который можно обнаружить в книге В.И. Журавлевой, выступает даже не весь огромный массив фактов и примеров нашего общего прошлого, а теоретический вывод о необходимости использования взаимных образов в процессе формирования национальных идентичностей России и США. Парадоксально, но даже позиционирование друг друга в качестве врагов (реальных или воображаемых) может удерживать страны на общей орбите. Всегда удобнее иметь дело с проверенным традиционным оппонентом, чем с новыми, не до конца понятными и предсказуемыми вызовами. Очень многое в современной мировой политике указывает на то, что лидеры США и России, определяя угрозы национальной

безопасности, часто идут по пути наименьшего сопротивления и акцентируют внимание друг на друге как на привычных соперниках. В то время как реальные новые игроки, способные разрушить мировой порядок, некогда созданный при активнейшем участии США и СССР, благополучно консолидируются и наращивают свою мощь. Рано или поздно осознание этого придет, и русские и американцы снова поймут, что нужны друг другу не только в качестве персонажей карикатур.

В заключение отметим, что книга В.И. Журавлевой – это не просто очередной научный или научно-популярный труд по истории российско-американских отношений. Автор представила материал в виде лекций (причем на русском и английском языках), и именно студенты найдут в этом тексте много привлекательного: рекомендации книг, кинофильмов, музыкальных произведений, видеороликов, интернет-ресурсов, на которые стоит обратить внимание для углубленного изучения особенно заинтересовавших сюжетов. Органично интегрированная в текст интерактивность лишней раз убеждает: общая память русских и американцев не относится лишь к прошлому, она продолжает формироваться и переосмысляться прямо сейчас.

Литература

- Иванян 2001 – *Иванян Э.А.* Энциклопедия российско-американских отношений. М.: Междунар. отношения, 2001. 692 с.
- Курилла 2018 – *Курилла И.И.* Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 416 с.
- Bailey 1950 – *Bailey Th.* *America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day.* Ithaca: Cornell University Press, 1950. 375 p.
- Tarsaidze 1958 – *Tarsaidze A.* *Czars and presidents: the story of a forgotten friendship.* N.Y.: McDowell, Obolensky, 1958.
- Tsygankov 2012 – *Tsygankov A.P.* *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relations.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Williams 1952 – *Williams W.A.* *American-Russian Relations, 1781–1947.* N.Y.: Rinehart and Company, 1952.

References

- Bailey, Th. (1950), *America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Ivanyan, E.A. (2001), *Entsiklopediya rossiisko-amerikanskikh otnoshenii* [Encyclopedia of Russian-American Relations], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

- Kurilla, I.I. (2018), *Zaklyatye druž'ya. Istoriya mnenii, fantazii, kontaktov, vzaimo(ne) ponimaniya Rossii i SShA* [Sworn friends. History of opinions, fantasies, contacts, mutual (mis)understanding of Russia and the USA], Novoe Literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Tarsaidze, A. (1958), *Czars and presidents: the story of a forgotten friendship*, McDowell, Obolensky, New York, USA.
- Tsygankov, A.P. (2012), *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relations*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Williams, W.A. (1952), *American-Russian Relations, 1781–1947*, Rinehart and Company, New York, USA.

Информация об авторе

Иван А. Цветков, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; 9064175@gmail.com

Information about the author

Ivan A. Tsvetkov, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nogo Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; 9064175@gmail.com

Российско-американские отношения
в поисках стабильности

Рец. на кн.: *Peterson J.W.*

Russian-American relations in the post-cold war world.
Manchester: Manchester University Press, 2017

Виктория И. Журавлёва

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, zhuravlevavic@mail.ru*

Для цитирования: Журавлёва В.И. Российско-американские отношения в поисках стабильности: Рец. на кн.: *Peterson J.W.* Russian-American relations in the post-cold war world. Manchester: Manchester University Press, 2017 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 131–137. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-131-137

Russian-American Relations in the Pursuit of Stability

Book Rev.: Peterson, J.W. (2017),

Russian-American relations in the post-cold war world.

Manchester University Press, Manchester, UK

Victoria I. Zhuravleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
zhuravlevavic@mail.ru*

For citation: Zhuravleva, V.I. (2022), “Russian-American relations in the pursuit of stability, Book Rev.: Peterson, J.W. (2017), *Russian-American relations in the post-cold war world*. Manchester University Press, Manchester, UK”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 131-137. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-131-137

С момента погружения российско-американских отношений в глубочайший после окончания холодной войны кризис специалисты по обе стороны Атлантики обращаются к предшествующему периоду постбиполярного развития. Их неизменно интересуют

ответы на вопросы, почему две страны никак не могут найти рецепты стабильности в своих взаимоотношениях, какая из них и когда допустила роковые ошибки [Stent 2014¹; Charap, Colton 2016; Legvold 2016].

Появление обобщающих работ, посвященных комплексному и взвешенному осмыслению отношений США с постсоветской Россией на пути от окончания холодной войны к новому витку напряженности особенно важно для постепенного процесса превращения истории этого периода из предмета политических и идеологических манипуляций в предмет академических рефлексий. Распад СССР и окончание холодной войны, ее наследие, равно как и наследие 1990-х и 2000-х гг., продолжают вызывать споры среди ученых и экспертов, интегрируются в общественный дискурс и используются для обоснования внешней политики и решения внутриполитических задач в обеих странах.

Вот почему публикация книг, подобных работе заслуженного профессора политических наук Джеймса Петерсона, представляет особый интерес. Это учебное пособие адресовано не только студентам и аспирантам, но также политикам и экспертам. А то, что книга вышла в 2017 г., в начале президентства Д. Трампа и до последнего падения в пропасть конфронтации, завершившегося отзывом послов из Вашингтона и Москвы, делает ее более уравновешенной в оценках.

Четко структурированный и написанный на основе авторской концепции текст выстраивается вокруг основных моментов двустороннего взаимодействия в постбиполярном мире: окончание холодной войны, Балканские войны 1990-х гг., процесс расширения НАТО на Восток, война с глобальным терроризмом и вторжение США в Ирак, российско-грузинская война 2008 г., американская программа глобальной противоракетной обороны, Арабская весна и Ближневосточный кризис, американский и российский «поворот на Восток», связанный с возвышением Китая и изменением расстановки сил в Азии. Особое звучание в свете последних переговоров России и НАТО в январе 2022 г. приобретает обсуждение вопроса о включении в Североатлантический альянс новых участников в Восточной Европе [Sarotte 2022].

Автор подчеркивает нежелание экспертов, государственных и общественных деятелей в США брать в расчет успех политики В.В. Путина по продвижению идеи национального величия в постсоветской России, коррелирующей со статусом СССР на всем протяжении холодной войны. При этом, как справедливо замечает

¹ В русском переводе книга вышла в 2015 г.: [Stent 2015].

Петерсон, непонимание Россией мотивов американского вторжения в Ирак и Афганистан, а Соединенными Штатами российских мотивов в войнах с Чечней и в грузино-осетинской войне августа 2008 г. внесло важный вклад в эрозию отношений. Это тотальное непонимание и искажение мотивации противоположной стороны препятствовало процессу конвергенции, что в полной мере проявилось в период Гражданской войны в Сирии (с. 10–11).

Теоретико-методологическая база книги формируется за счет анализа пяти моделей международного порядка (баланса сил, биполярности, однополярности, многополярности/полицентричности, непрерывного хаоса) и пяти теорий международных отношений (системной, наследия, критических/поворотных моментов, реализма и ревизионистского реализма), которые используются автором для объяснения логики и динамики российско-американских отношений в период от окончания холодной войны до 2014 г.

Отталкиваясь от форматов советско-американских отношений в годы холодной войны, он ищет их присутствие во взаимоотношениях США с постсоветской Россией. По его мнению, задуманный создателями Ялтинско-Потсдамской системы баланс сил воплощается в стремлении В.В. Путина оспорить американское лидерство и реализовать равноправное партнерство, или в программе перезагрузки администрации Б. Обамы на ее начальном этапе. В свою очередь, в рамках современной полицентричной системы международных отношений наметилась тенденция к биполярности в российско-американских отношениях. Однако, на мой взгляд, требует уточнения тот факт, что в данном случае речь идет не столько о глобальной биполярности, как это в большей степени проявляется в американо-китайских отношениях, сколько о региональной.

Полицентричная система, пишет Петерсон, начала формироваться внутри капиталистического и социалистического лагерей еще в 1960–1970-е гг. Входящие в них страны бросали вызов господству СССР и США, равно как и движение неприсоединения. Тенденция к полицентричности к концу холодной войны сохранилась, будучи связана с укреплением позиции Китая и Японии. Однако параллельно в советско-американских отношениях актуализировалась модель однополярности, причиной чему стало ослабление Советского Союза. Это нашло свое выражение в упоении триумфализмом в Соединенных Штатах после его распада и в их движении от лидерства к гегемонии.

С данным наблюдением автора нельзя не согласиться, равно как и еще с двумя. Во-первых, переход от Второй мировой войны к холодной сложно вписать в какие-либо существующие модели,

подобно тому, как не вполне возможно это сделать при переходе от холодной войны к постбиполярному миру 1990-х гг. Во-вторых, ни одна из моделей не может всеобъемлюще описать динамику развития советско-американских отношений в период с 1946 по 1991 г. И то же самое можно сказать про постбиполярный мир. Однако тогда возникают закономерные вопросы: насколько уместно и продуктивно оперировать понятием «новая холодная война» в приложении к современным российско-американским отношениям; дает ли экспертам и политикам какое-либо реальное знание о перспективах их развития подобное обобщение или, напротив, затуманивает смысл происходящего, мешая его всестороннему осмыслению.

Как верно замечает Петерсон, система взаимоотношений США и постсоветской России не находилась в застывшем состоянии, пережив очередной (не первый и не последний) цикл надежд и разочарований. А на их логику и динамику оказывало влияние наследие холодной войны, проявляющееся, например, в активном манипулировании «русской угрозой» в США и «американской угрозой» в России (теория наследия). При этом обе стороны неоднократно демонстрировали желание его преодолеть. В свою очередь, теория критических поворотов, к которой апеллирует автор, позволяет обратить внимание читателя на взаимосвязь между сменой внутривнутриполитических траекторий развития и российско-американскими отношениями. Как, например, случилось при переходе власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину в России или от администрации республиканца и неоконсерватора Дж. Буша-мл. к администрации демократа и неолиберала Б. Обамы в США.

Осмысление российско-американских отношений сквозь призму теории реализма позволяет автору продемонстрировать, что обе страны в следовании собственным национальным интересам использовали как наступательную, так и оборонительную тактику. Так, США начали войну в Ираке в 2003 г. на очень зыбкой почве, подобно России в вопросе о присоединении Крыма. В то же время в Афганистане в 2001 г. США реализовывали оборонительную тактику, а Россия, со своей стороны, делала это в ответ на программу глобальной противоракетной обороны вашингтонской администрации. Проблема в данном случае заключается в том, что само определение краткосрочных и долгосрочных национальных интересов остается зачастую спорным с позиции противоположной стороны и вызывает споры внутри общества.

Наконец, теория ревизионистского реализма дает Петерсону возможность акцентировать внимание читателя на глобальных тенденциях, которые оказывают непосредственное влияние на дей-

ствия государств и анализ которых требует использования междисциплинарных подходов, будь то пандемии, международный терроризм, экологические проблемы или перераспределение мировых энергоресурсов.

Полезным для студентов и преподавателей будет знакомство с предложенной автором периодизацией российских и американских внешнеполитических паттернов в корреляции с теоретическими выкладками. Так, во внешней политике России он выделяет несколько периодов. Первый приходится на горбачевскую перестройку (1985–1991) с характерной для нее концепцией новой внешней политики, обусловленной теорией реализма и стремлением защитить базовые экономические интересы страны в условиях растущих вызовов со стороны полицентричного мира. Второй период совпадает с президентством Б.Н. Ельцина (1991–2000) с присущим ему стремлением умиротворить Запад и вступить с ним в тесное взаимодействие, что, в свою очередь, обуславливает тяготение США к гегемонии и однополярности. Третий период включает первое президентство В.В. Путина (2000–2008), политика которого была нацелена на активизацию международной позиции России и возвращение ей былого величия после внешнеполитической пассивности ельцинского президентства. Теория наследия наряду с моделью баланса сил позволяет объяснить логику российской внешней политики в те годы. Наконец, четвертый период включает президентство Д.А. Медведева и второе президентство В.В. Путина. Это время отличает ужесточение политики величия, проявившейся в Грузии в 2008 г. и на Украине в 2014. Важно заметить, что в предложенной автором схеме явно не хватает внутривнутриполитического фактора, т. е. эволюции самого путинского режима с характерным для него прикладным антиамериканизмом, стремлением использовать американского Другого для решения внутривнутриполитических задач и консолидации национальной идеи.

Говоря об американских внешнеполитических паттернах, Петерсон также выделяет четыре периода. 1985–1993 гг., когда США были значительно активнее СССР/России. Модель однополярности прекрасно подходит для объяснения политики Дж. Буша-ст., а системная теория позволяет учесть степень влияния новых игроков в международном процессе. Для администрации У. Клинтона (1993–2001), столкнувшейся с вызовами на Балканах, в большей степени работающей является модель мултелатерализма (многосторонности). В то же время теория реализма проясняет политику США по защите национальных интересов в условиях роста межцивилизационных противоречий. Президентство Дж. Буша-мл. (2001–2008),

на которое приходится террористические акты 11 сентября 2001 г. и войны в Афганистане и Ираке, по мнению автора, лучше осмысливать с использованием модели хаоса. В качестве теоретической рамки для президентства Обамы (2009–2016), избыливающего критическими разворотами и отличающегося нарастанием глобальных вызовов, Петерсон предлагает теорию поворотных моментов и ревизионистского реализма.

Таблица частоты проявлений основных теорий и моделей в российско-американских отношениях в течение 25 лет после окончания холодной войны представляет особый интерес не только для студентов и преподавателей, но и для экспертов и политиков, поскольку она позволяет лучше понять рецепты стабильности (с. 159–161). На основе проведенного анализа Петерсон приходит к выводу, что отношения между странами должны выстраиваться посредством поиска баланса сил, осмысливаться посредством полицентричной модели, отражающей реалии постбиполярного мира, а также на основе реалистического подхода, позволяющего учитывать национальные интересы противоположной стороны. Следовательно, задача состоит в том, как отказаться от негативного влияния последствий холодной войны и взять на вооружение работающие модели российско-американских отношений и конструктивные подходы к их стабилизации. Пока она остается нерешенной.

В этой добротной сделанной политологической работе явно не хватает социально-конструктивистского видения двусторонних отношений, что позволило бы автору расширить объяснительную схему, в том числе и в рамках теории наследия. Ведь дело не только во влиянии традиций развития политического режима в России в президентство Путина, как он пишет на с. 26, но и в долгосрочной тенденции использования русского Другого в США и американского Другого в России для формирования национальной идентичности. Причины нового витка напряженности нужно искать в столкновении системы ценностей, интересов и амбиций двух стран. Их конфликтующие национальные идентичности, стремление использовать противоположную сторону в качестве козла отпущения для оправдания собственных провалов усложняют приведение к общему знаменателю несовпадающих интересов. Однако важно помнить, что эти идентичности не остаются статичными и не являются монолитными, а доминирующие американская и российская концепции исключительности сами по себе еще не делают конфликт неизбежным и оставляют пространство для прагматического взаимодействия.

Литература

- Legvold 2016 – *Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge: Polity Press, 2016. 208 p.
- Charap, Colton 2016 – *Charap S., Colton T.* Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. New York: Routledge, 2016. 212 p.
- Sarotte 2022 – *Sarotte M.E.* Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate. Yale University Press, 2022. 568 p.
- Stent 2014 – *Stent A.E.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton University Press, 2014. 384 p.
- Стент 2015 – *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2015. 464 с.

References

- Legvold, R. (2016), *Return to Cold War*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Charap, S. and Colton, T. (2016), *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*, Routledge, New York, USA.
- Sarotte, M.E. (2022), *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*, Yale University Press, UK.
- Stent, A.E. (2014), *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*, Princeton University Press, USA.
- Stent, A. (2015), *Pochemu Amerika i Rossiya ne slyshat drug druga? Vzglyad Vashingtona na noveishuyu istoriyu* [The Limits of Partnership: U.S. – Russian Relations in the Twenty-First Century], Mann, Ivanov i Farber, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhuravlevavic@mail.ru

Information about the author

Victoria I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zhuravlevavic@mail.ru

УДК 329(71)
DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-138-144

Политические партии Канады в контексте федеральных выборов 2019 г.

Рец. на кн.: *The Canadian Federal Election of 2019* /
Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston,
London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

*Для цитирования: Комаров А.Н. Политические партии Канады в
контексте федеральных выборов 2019 г. // Вестник РГГУ. Серия «Полито-
логия. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 138–144.
DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-138-144*

Political parties of Canada in the context of the 2019 Federal Elections

Book Rev.: *The Canadian Federal Election of 2019*,
Pammett, J.H. and Dornan, C., McGill-Queen's University Press,
Montreal & Kingston, London, Chicago

Andrei N. Komarov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ruslan10@inbox.ru

*For citation: Komarov, A.N. (2022), "Political parties of Canada in the
context of the 2019 Federal Elections", Book Rev.: *The Canadian Federal
Election of 2019*, Pammett, J.H. and Dornan, C., McGill-Queen's Universi-
ty Press, Montreal & Kingston, London, Chicago", *RSUH/RGGU Bulletin.
"Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 138-144,
DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-138-144*

В новейшее время в Канаде выходит ряд значимых монографи-
ческих исследований, посвященных деятельности североамерикан-
ских политических партий, их конкурентной борьбе, избиратель-
ным кампаниям, участию в общенациональных выборах. В частно-
сти, необходимо упомянуть научные исследования Дж. Уиринга

© Комаров А.Н., 2022

"Political Science. History. International Relations" Series, 2022, no. 1 • ISSN 2073-6339

[Wearing 1988], Б. Пламодона [Plamondon 2009] и др., которые подробно анализировали как деятельность партий, так и непосредственно политическую систему Канады.

В течение нескольких последних десятилетий в Канаде последовательно стали выходить в свет коллективные монографии под редакцией А. Фризелла, Дж. Паметта и А. Вестелла, посвященные федеральным выборам. Стоит отметить, что серия данных научных исследований, реализованных в соавторстве, охватывала всю протяженность парламентских выборов в Канаде фактически за сорок лет. В частности, канадскими учеными были проанализированы парламентские выборы 1984, 1988, 1993, 1997, 2000, 2004, 2008, 2011, 2015, 2019, 2021 гг.

Чем же примечательны эти исследования, и в чем состоит их уникальность? С одной стороны, они блестяще передают трансформацию канадской политики. С другой стороны, их отличает детальный анализ динамики и итогов парламентских выборов, избирательных кампаний участвующих в них политических партий, предвыборных дебатов кандидатов на пост премьер-министра страны. Тем самым авторы исследований вносят весомый вклад в общемировое развитие политической науки.

Авторы со знанием дела отмечают переломные моменты в той или иной избирательной кампании консерваторов, либералов, новых демократов и других политических партий. В частности, в монографии, посвященной федеральным выборам в Канаде в 1984 г., был дан блестящий анализ предвыборной полемики лидера Прогрессивно-консервативной партии Б. Малруни с Дж. Тернером, действующим премьер-министром страны от Либеральной партии [Frizzell, Westell 1985].

Например, анализируя парламентские выборы 1993 г., авторами были разобраны причины поражения канадских консерваторов во главе с К. Кэмпбелл, а также обозначены ошибки, допущенные премьер-министром и ее предвыборным штабом в ходе избирательной кампании [Frizzell, Pammet, Westell 1994].

К этой же серии относится интересная и содержательная коллективная монография под редакцией Дж. Паметта и К. Дорна, посвященная важному событию в общественно-политической жизни страны – канадским федеральным выборам 2019 г. [Pammet, Dornan 2020]. Сама монография состоит из 12 глав, посвященных как деятельности политических партий, так и избирательной системе Канады.

Что же отличает данный научный труд?

Во-первых, использование авторами широкой источниковой и историографической базы для освещения проблематики. Необходи-

димо отметить, что в своих исследованиях авторы активно используют материалы СМИ, предвыборные манифесты политических партий, статистические данные и другие важные источники, а также новейшую литературу. Это подтверждает обильное количество ссылок на первоисточники в конце каждой из глав.

Во-вторых, для данной коллективной монографии характерно использование, с одной стороны, междисциплинарного подхода, определяющего необходимую связь всеобщей истории, политологии, социологии и международных отношений. С другой стороны, авторы, на мой взгляд, применяют когнитивный метод, описывая смену лидерства и показывая, как этот фактор повлиял на дальнейшую судьбу той или иной политической партии. Очень четко это показано на примере Консервативной и Либеральной партий.

В-третьих, монография проблематизирована. Авторы используют проблемно-хронологический принцип.

С моей точки зрения, в книге можно выделить следующие интересные проблемы или аспекты для обсуждения.

Прежде всего это уникальность прошедших парламентских выборов в Канаде в 2019 г., где не было ни победителей, ни побежденных. Она заключается в том, что пять из шести партий – участников предвыборной гонки, с одной стороны, получили безусловные политические преимущества от прошедших выборов, а с другой стороны, растеряли часть своих прежних достижений, полученных ими в ходе парламентских выборов 2015 г.

Стоит согласиться с мыслью, высказанной в предисловии К. Дорнаном, что «фактически все партии, участвующие в выборах, как проиграли их, так и выиграли» [Dornan 2020, p. 9–10]. Далее автор объясняет свою точку зрения, подчеркивая, что Либеральная партия, с одной стороны, потеряла парламентское большинство и приобрела меньшинство, получив 157 мест в парламенте, а с другой стороны, осталась у власти. В свою очередь, консерваторы проиграли либералам, получив 121-е место в палате Общин, но, с другой стороны, они превзошли либералов по общему количеству голосов, поданных за них по стране – 34,34% против 33,12% [Dornan 2020, p. 9–10]. Новые демократы потеряли 15 мест в парламенте и получили только 24 места вместо 39 имевшихся ранее. В то же время новый лидер демократов Д. Сигх приобрел известность в ходе избирательной кампании, а НДП сохранила свою политическую конкурентоспособность. Квебекский блок получил 32 места в палате общин вместо 10 имеющихся ранее, и единственным его упущением было только то, по мнению К. Дорнана, что он «оказался не единственной партией, от которой будет зависеть либеральное

«правительство меньшинства» для того, чтобы остаться у власти» [Dornan 2020, p. 10]. Партия зеленых, получившая три места в парламенте и 6,66% голосов, улучшила свой результат только на одно место по сравнению с предыдущими выборами, что было неудачным результатом, с одной стороны, но с другой стороны, зеленые все более и более приобретали популярность благодаря злбодневному вопросам охраны окружающей среды. Единственной партией, не получившей мест в парламенте и не выигравшей от федеральных выборов, была Народная партия М. Бернье, являющаяся новичком в политике и получившая 1,62% голосов, но ни одного места в парламенте.

Вторая интересная проблема, которую можно выделить в монографии, лежит в плоскости перманентной политической конкуренции за власть между Консервативной и Либеральной партиями. Несмотря на присутствие в канадском парламенте НДП, Квебекского блока и зеленых, именно консерваторы и либералы активно ведут борьбу за нахождение у власти в общенациональном масштабе. По моему мнению, конкурентная борьба либералов и консерваторов в Канаде за власть и определяет во многом сущность политического процесса в этой стране начиная со второй половины XIX в. В монографии предлагается четкое объяснение того, почему либералы выиграли всеобщие выборы, но с парламентским меньшинством. Б. Джеффри в первой главе монографии («Наказанные либералы») подчеркнул двойственное отношение электората по отношению к либералам. С одной стороны, Дж. Трюдо получил полное одобрение широких кругов избирателей не только за заключение соглашения ЮСМКА, но и за профессионализм в ходе переговоров о новом торговом соглашении [Jeffrey 2020, p. 25]. Кроме того, благоприятная экономическая конъюнктура представляла большое преимущество для либералов. В частности, к июню 2019 г. безработица в Канаде составляла 5,7%, что было самым низким уровнем начиная с 1976 г. [Jeffrey 2020, p. 25–26]. С другой стороны, невыполненная либералами избирательная реформа, а также скандал, связанный с полетом Д. Трюдо и его семьи на частный остров Ага-хана, оттолкнули ряд избирателей от либералов [Jeffrey 2020, p. 16–17, 26].

Вторая глава монографии («Избирательная кампания консерваторов: упущенная возможность») повествует о предвыборной кампании консерваторов и о причинах ее неэффективности. Она отвечает на вопрос о том, почему консерваторы не выдержали политической конкуренции с либералами. Несмотря на значительные рекламные средства, направленные на то, чтобы представить лидера консерваторов Э. Ширу избирателям (порядка 2,2 млн ка-

надских долларов), последний упустил необходимую поддержку электората Квебека и Онтарио [Ellis 2020, p. 53, 64].

Третья глава монографии посвящена Новой Демократической партии [McGrane, p. 73–100]. Автор детально проанализировал те меры, которые предприняли новые демократы для достижения успеха на парламентских выборах 2019 г. Однако, читая об этих мероприятиях, смене лидерства в НДП в 2017 г., я, тем не менее, не могу освободиться от ощущения, что партия в период 2015–2019 гг. находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. За триумфом НДП на парламентских выборах 2011 г. последовало резкое ухудшение ее результатов на парламентских выборах 2015 и 2019 гг. И еще один вопрос, на который я часто пытаюсь найти ответ: почему в течение нескольких десятилетий НДП не может прийти к власти в общенациональном масштабе?

Четвертая глава является одной из самых интересных в монографии, и она посвящена не только участию Квебекского блока в парламентских выборах 2019 г., но и важнейшему изменению в самой идеологии франкоязычной провинции – отказу от идеи суверенитета. Напротив, вместо достижения суверенитета представители Квебекского блока на федеральном уровне решили усилить парламентскую борьбу за расширение иммиграционных и экономических прав провинции. Автор подчеркивает, что данное изменение явилось следствием партийно-политической перегруппировки, которая произошла ранее в ходе провинциальных выборов в Квебеке в 2018 г. Потерпев на них сокрушительное поражение, впервые за много лет Квебекская партия (как носитель идеи суверенитета) была выбита из двухпартийной системы Квебека и уступила первое место политической партии – Коалиция «Авенир Квебек» во главе с Ф. Лего, а второе – Либеральной партии во главе с Ф. Куйяром [Montigny 2020, p. 101–127]. Новая сформировавшаяся провинциальная двухпартийная система (Коалиция «Авенир Квебек» – Либеральная партия) была нацелена на консенсус с федеральными властями Канады. Единственный закономерный вопрос, возникающий в этой связи: произойдет ли возврат к идее суверенитета у Квебекского блока?

В завершение книги Дж. Памметт вводит термин «тестовые выборы» для либералов применительно к парламентским выборам 2019 г. Приводя различные примеры из канадской политической истории, автор подчеркивает, что вторые парламентские выборы всегда сложны для партии и ее лидера, уже находящихся у власти. Превратится ли нахождение у власти либералов во главе с Дж. Трюдо в политическую династию (т. е. выигрыш трех парламентских выборов и более) или в интерлюдия, т. е. непродолжи-

тельное нахождение у власти в тени доминирования другой партии – это тот вопрос, на который пытается ответить автор [Pammett 2020, p. 265–269].

Подводя итоги, необходимо отметить, что коллективная монография под редакцией Дж. Памметта и К. Дорнана является фундаментальной работой, вносящей значительный вклад в изучение канадской политики в новейшее время, а также в общемировую политическую науку в целом.

Литература

- Dornan 2020 – *Dornan C.* Preface // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 9–10.
- Ellis 2020 – *Ellis F.* The Conservative Campaign: The Opportunity Squandered // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 43–72.
- Frizzell, Pammet, Westell 1994 – *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1993. Ottawa: Carleton University Press, 1994.
- Frizzell, Westell 1985 – *Frizzell A., Westell A.* The Canadian General Election of 1984. Politicians, Parties, Press and Polls. Ottawa: Carleton University Press, 1985. 139 p.
- Jeffrey 2020 – *Jeffrey B.* Second Chance: The Chastened Liberals // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 15–42.
- McGrane 2020 – *McGrane D.* Making the Best of It: Political Marketing and the Federal NDP's Fight for Relevance // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 73–100.
- Montigny 2020 – *Montigny E.* The Battle for Quebec // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 101–127.
- Pammet, Dornan 2020 – The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 1–276.
- Pammett 2020 – *Pammett J.H.* The Testing Election // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020. P. 265–269.
- Plamondon 2009 – *Plamondon B.* Full Circle. Death and Resurrection in Canadian Conservative Politics. Toronto: Key Porter Books Limited, 2009. 472 p.
- Wearing 1988 – *Wearing J.* Strained Relations: Parties and Voters. Toronto: McClelland and Stewart, 1988. 318 p.

References

- Dornan, C. (2020), "Preface", Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA, pp. 9–10.
- Ellis, F. (2020), *The Conservative Campaign: The Opportunity Squandered* in Pammett, J.H., Dornan, C. (ed.), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA, pp. 43–72.
- Frizzell, A. and Westell, A. (1985), *The Canadian General Election of 1984. Politicians, Parties, Press and Polls*, Carleton University Press, Ottawa, Canada.
- Frizzell, A., Pammett, J. and Westell, A. (1985), *The Canadian General Election of 1993*, Carleton University Press, Ottawa, Canada.
- Jeffrey, B. (2020), "Second Chance: The Chastened Liberals", Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA, pp. 15–42.
- McGrane, D. (2020), "Making the Best of It: Political Marketing and the Federal NDP's Fight for Relevance", Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA, pp. 73–100.
- Montigny, E. (2020), "The Battle for Quebec", Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA, pp. 101–127.
- Pammett, J.H. (2020), "The Testing Election", Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA, pp. 265–269.
- Pammett, J.H. and Dornan, C. (eds.) (2020), *The Canadian Federal Election of 2019*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, London, Chicago, Canada, United Kingdom, USA.
- Plamondon, B. (2009), *Full Circle. Death and Resurrection in Canadian Conservative Politics*, Key Porter Books Limited, Toronto, Canada.
- Wearing, J. (1988), *Strained Relations: Parties and Voters*, McClelland and Stewart, Toronto, Canada.

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@inbox.ru

Information about the author

Andrei N. Komarov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ruslan10@inbox.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 30.03.2022.

Формат 60×90^{1/16}

Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 9,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1459

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru